

Государственный комплекс «Дворец конгрессов»

КОНСТАНТИНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2018

**К 160-летию со дня рождения
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА,
поэта К. Р.
(1858–1915)**

*Сборник материалов научной конференции
17 октября 2018 года*

Санкт-Петербург
2018

ISBN 978-5-903977-12-3

Константиновские чтения — 2018: К 160-летию со дня рождения великого князя Константина Константиновича, поэта К. Р. (1858–1915). Сборник материалов научной конференции 17 октября 2018 года. — СПб.: Филиал «Государственный комплекс «Дворец конгрессов» ФГБУ «Управление по эксплуатации зданий в Северо-Западном федеральном округе» Управления делами Президента Российской Федерации, 2018. — 228 с.

ISBN 978-5-903977-12-3

© Филиал «Государственный комплекс «Дворец конгрессов»
ФГБУ «Управление по эксплуатации зданий
в Северо-Западном федеральном округе»
Управления делами Президента Российской Федерации, 2018.

Все права защищены.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Шапошников С. В.</i> К читателям.....	5
<i>Воронин В. Е.</i> Великий князь Константин Николаевич на Пиренеях: весна 1846 года.....	6
<i>Авдеев В. Г., Евсеева Ю. В.</i> По традициям Петра Великого: бракосочетание великого князя Константина Николаевича и принцессы Александры Саксен-Альтенбургской	16
<i>Аксенова Г. В.</i> Деятельность великого князя Константина Николаевича в Святой Земле в оценке члена Императорского Православного Палестинского общества М. П. Соловьева.....	34
<i>Алексеева Т. А.</i> Духовенство в штате Придворной конторы великого князя Константина Николаевича: Введенская церковь Мраморного дворца (1848–1892).....	50
<i>Николаева М. В.</i> Смотрители Стрельнинского дворца: «лейтенант и кавалер» Ханджогло.....	80
<i>Журавская А. Н.</i> Стрельнинская школа под покровительством великой княгини Александры Иосифовны.....	98
<i>Новикова О. В.</i> Великая княгиня Александра Иосифовна — председательница Санкт-Петербургского Совета детских приютов.....	126
<i>Раздобурдина Е. П.</i> Библиотека Павловского дворца при великом князе Константине Николаевиче.....	134
<i>Соколовская О. В.</i> «Русская больница в память великой княгини Александры Георгиевны» в Пирее.....	147
<i>Сак К. В.</i> Великий князь Константин Константинович в царствование Николая II: опыт политического взаимодействия.....	162

<i>Буштынович Н. М.</i> Из жизни кадетских корпусов России в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.....	179
<i>Андреев В. Е.</i> На встречу с прошлым. К 20-летию мемориального музея великого князя Константина Константиновича в Мраморном дворце.....	197
<i>Шевцова Г. И.</i> Фрейлины княгини Елены Петровны.....	214
Сведения об авторах.....	223
«Дворец конгрессов» приглашает на экскурсии.....	225

Дорогие читатели!

Вы держите в руках сборник статей научной конференции «Константиновские чтения», которая в этом году проходит в Константиновском дворце в четырнадцатый раз. Тема конференции этого года: *«К 160-летию со дня рождения великого князя Константина Константиновича»*.

10 августа 1858 г. в Стрельнинском дворце родился второй сын генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича — великий князь Константин Константинович. По желанию отца военную карьеру он начал во флоте. В чине мичмана великий князь участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и заслужил боевой орден Святого Георгия 4-й степени. Сражался за свободу Болгарии под знаменами гвардейского Измайловского полка, позже став его командиром. Затем возглавил прославленный лейб-гвардии Преображенский полк, который был сформирован еще Петром Великим. С 1910 г. занимал должность Главного генерал-инспектора военно-учебных заведений Российской империи. В возрасте 31 года был назначен президентом Академии наук, которую возглавлял более четверти века. Главным увлечением великого князя были переводы классических произведений с иностранных языков, стихосложение, драматургия, музыка. В историю русской литературы великий князь вошел под криптонимом «К. Р.» (Константин Романов).

В течение всей своей жизни Константин Константинович хранил в сердце теплые чувства к «родовому гнезду», всегда возил с собой коробочку с землей Стрельны, на крышке которой были выгравированы лермонтовские строки: «О родине можно ль не помнить своей?».

Незаурядная личность великого князя Константина Константиновича притягивает к себе и объединяет интереснейших людей — наших современников, серьезных, вдумчивых исследователей, чьи работы являются примером изучения истории Отечества, без знания которой невозможно воспитать настоящего гражданина и патриота.

Выпускаемый ежегодно сборник научных статей «Константиновских чтений» служит популяризации истории российской государственности, открывает новые страницы в великой и трудной истории России.

Мы надеемся, что «Константиновские чтения» помогут широкой научной и культурной общественности страны по достоинству оценить личность великого князя Константина Николаевича и его потомков в истории Российского государства.

С. В. Шапошников

*Начальник ФГБУ «Управление по эксплуатации зданий
в Северо-Западном федеральном округе» Управления делами
Президента Российской Федерации*

Великий князь Константин Николаевич на Пиренеях: весна 1846 года

Во время большого плавания на корабле «Ингерманланд» по европейским морям, которое продолжалось с октября 1845 по 1846 гг., великий князь Константин Николаевич, юный сын императора Николая I и будущий глава русского Морского ведомства, посетил Гибралтар — морскую твердыню, обеспечившую Великобритании контроль над выходом из Средиземного моря в Атлантику. Он также посетил Испанию, медленно возвращавшуюся к мирной жизни после гражданских войн и всевозможных усобиц, и Португалию, где в это время бушевала революция.

10 (22) апреля 1846 г. «Ингерманланд» под флагом вице-адмирала Ф. П. Литке, воспитателя великого князя, вышел из Алжира и взял курс на Гибралтар. Но этот путь был весьма тернист. Из-за «штилей», «тихих противных ветров» и «сильного течения Гибралтарского пролива» корабль долгое время не мог двинуться вперед. В течение суток его иногда отбрасывало назад «миль по 30», что, по признанию Константина, «было порядочно скучно». Царевич даже философски заметил на этот счет: «Нигде так не учишься терпению, как на море». Однако 15 (27) апреля штиль сменился «жесточайшим шквалом». Команде пришлось «крепить все паруса, что было очень трудно по ужасной силе ветра». Чудом обошлось без последствий — «никто не упал», «ничего не повреждено». После разгула стихии путь к Гибралтару вновь преградили «противные течения и штили». Три дня «Ингерманланд» стоял перед самым портом, но не мог «в него попасть». Лишь к полудню 21 апреля (3 мая) корабль встал на якорь на Гибралтарском рейде¹.

Гибралтар — британское владение на юге Пиренейского полуострова — состоит из скалы и песчаного перешейка. Эта небольшая по размерам территория на севере граничит с Испанией, у которой она и была оторгнута. Между тем история Гибралтара насчитывает более 3 тыс. лет. В античном мире эта местность была известна как один из легендарных «Геркулесовых столбов». Финикийцы и карфагеняне имели здесь стоянки кораблей. Позднее в этих местах утвердилась власть Рима,

---

¹ Вел. кн. Константин Николаевич — имп. Николаю I. 21–22 апреля (3–4 мая) 1846 г. // ГА РФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 366. Л. 228.

а в V в. н. э. римское наследие на Пиренеях досталось германским племенам вандалов и готов. В 711 г. Гибралтар завоевали арабы (мавры). В годы Реконкисты крепость стала ареной длительного противоборства. В 1309–1333 гг. Гибралтар удерживали испанцы, но затем он был опять захвачен мусульманами. Испанские войска несколько раз осаждали крепость, но овладели ей лишь в 1462 г. В 1704 г., во время Войны за испанское наследство, Гибралтар взяли англичане. По условиям Утрехтского мира 1713 г. он отошел к британской короне. В XVIII в. испанцы неоднократно, но безуспешно пытались отвоевать крепость. Свою последнюю осаду Гибралтар выдержал в 1779–1783 гг., нанеся поражение испанским и французским войскам. Версальский мир 1783 г. закрепил Гибралтар за Великобританией. В 1830 г. крепость обрела статус колонии, управляемой британским губернатором.

Подойдя к Гибралтару, Константин впервые увидел оваянную легендами крепость, со всей ее красотой и неказистостью, своими глазами. «Гибралтар из близи с рейда далеко не так красив, как с моря, особенно с южной стороны, — заметил царевич. — Там он кажется страшною огромною скалою, которая почти перпендикулярно уходит в море. Отсюда он смотрит обыкновенною горою, покрытою землею, под которой амфитеатрально и довольно живописно расположен город». Великого князя обрадовало присутствие здесь, как и в других средиземноморских портах, русских торговых судов. Это, казалось, опровергало утверждения злопыхателей о слабости и несостоятельности русской морской отрасли. «На рейде, кроме брандвахты, военных судов нет, — рассказывал Константин, — но зато в числе купцов мы увидели 3 чудесные русские трехмачтовые судна. До сих пор мы почти во всех портах видели русские суда, и в Мальте, и в Сиракузе, и в Тулоне, и даже в Алгире, и после этого, говорят, что у нас судоходства нет, что оно не развивается»².

По прибытии в Гибралтар великого князя Константина Николаевича ожидала волнующая встреча с губернатором — сэром Робертом Томасом Вильсоном. Это был «тот самый» генерал Вильсон — участник Наполеоновских войн и военный писатель. Во время войн России с Наполеоном 1806–1807 гг. и 1812–1814 гг. он состоял при штабе русской армии. Вильсон располагал личным доверием М. И. Кутузова и вместе с русскими войсками прошел от Малоярославца до Парижа. За участие в Лютценском сражении 1813 г. Александр I наградил Вильсона орденом Св. Георгия III ст. Губернатором Гибралтара Георгиевский кавалер стал уже в старости — в 1841 г. Русский царевич отметил, что Вильсон «имеет Георгия на шее, и Анну первой степени; добрый почтенный старичок,

---

² Там же. Л. 228 об.

он с восхищением вспоминает об России и с умилением говорит об императоре Александре». За пару месяцев до визита великого князя губернатор Гибралтара, упав с лошади, «жестоко» повредил левую ногу и поэтому, снова начав ходить, «еще сильно» хромотал³.

Вильсон возил русских гостей «по всему полуострову», показав им «все нижние укрепления, которые суть важнейшие». Со времен «знаменитой осады» 1779–1783 гг. Гибралтар признавался «неприступным». Но «огромное развитие пароходства» напугало англичан угрозой взятия Гибралтара «абордажем», т. е. силами морского десанта. Поэтому на полуострове было решено создать «новую систему обороны». Если восточный берег Гибралтара есть не что иное, как «вертикальная неприступная скала», то западный берег решили обнести сплошным «бастионным фронтом». Небольшие, но хорошо вооруженные бастионы должны были встретить неприятельскую атаку с моря «сильным перекрестным огнем». Сверх того, здесь начали строить «вдоль всего фронта, саженях в 15 перед стеною, общую плотину, которая возведена фута на 4 над водою». Южный берег также окружали «непрерывною стеною» и «крепостцами»⁴.

Утром следующего дня Константин и его спутники увидели «знаменитые галереи, прорубленные сквозь скалу, которые составляют главную оборону с сухопутной стороны». Царевич почтительно отзывался о намерении англичан полностью обезопасить Гибралтар — столь дорогое для них приобретение, но считал, что те переусердствовали: «Эта работа гигантская, но мне кажется, что во время пальбы дым будет такой, что действовать будет трудно. Вообще этот Гибралтар укреплен природно и искусством так, что никому не вздумается его атаковать»⁵.

Соседняя с Гибралтаром Испания после подавления революции 1822–1823 гг. непрерывно переживала внутренние неурядицы и смуты. На престол вернулся король Фердинанд VII, в стране торжествовала реакция. Однако клерикальные и самые ретроградные силы, сплотившиеся вокруг младшего брата короля — дона Карлоса Старшего, сочли правление Фердинанда слишком либеральным и в 1827 г. подняли мятеж в Каталонии. Сурово подавив мятеж, Фердинанд VII лишил брата прав на престол и установил порядок престолонаследия по женской линии. Наследницей престола стала старшая дочь короля Изабелла, а регентшей (на случай кончины монарха) — королева Мария-Кристина. Дон Карлос, бежавший в Португалию, провозгласил себя королем Испании Карлом V. Осенью 1833 г., после кончины Фердинанда VII, вспыхнуло новое восстание карлистов, которым удалось захватить Каталонию.

---

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 229.

⁵ Там же. Л. 229 об.

При этом правительство Марии-Кристины раздирали противоречия и споры о будущей конституции. Лишь в 1840 г. мадридское правительство восстановило контроль над всей территорией страны. Но в 1841 г. популярный в войсках генерал Б. Эспартеро низложил королеву-регентшу, вынудил ее покинуть Испанию и сам был провозглашен регентом. В 1843 г. Эспартеро был свергнут в результате военного мятежа, а затем кортесы объявили 13-летнюю королеву Изабеллу совершеннолетней. Генерал Р. Нарваэс, свергший Эспартеро, сделался фактическим правителем Испании. Королева-мать Мария-Кристина вернулась из изгнания. Однако в окружении молодой королевы не прекращалась борьба за власть. В эти годы за Испанией укрепилась репутация беспокойной страны, раздираемой усобицами.

Гибралтар оказался настолько мал, что во время поездки по нему русские путешественники не раз «въезжали в Испанию». Здесь Константин, по его собственным словам, «в первый раз видел испанские войска, которые не слишком дурно одеть»⁶. Но если сносное обмундирование говорило о том, что худшие для испанского государства времена, возможно, позади, то приток испанских беженцев в Гибралтар указывал на еще продолжавшиеся по ту сторону границы внутренние распри. Британские власти не имели никакой возможности разместить на крошечном скалистом мысу большое количество беженцев из Испании. Утром 22 апреля (4 мая) в Гибралтар прибыл испанский военный бриг, на борт которого загнали, по свидетельству великого князя, многих «беглецов после последних политических переворотов, так что англичане здесь в трудном положении и не знают, что с ними делать»⁷.

По вечерам 21 и 22 апреля (4 и 5 мая) губернатор Вильсон давал обеды в честь великого князя и русских моряков. 23 апреля (5 мая) намечался выход «Ингерманланда» в океан⁸.

Но ставший таким гостеприимным Гибралтар словно не желал отпускать русского царевича. Путь до следующей стоянки в Лиссабоне, по его словам, «был самый длинный, неудачный и скучный из всего путешествия». Утром 23 апреля (5 мая) «Ингерманланд» вышел в Гибралтарский пролив и двинулся вперед, преодолевая сильное встречное течение. Но затем западный ветер понес корабль «прескоро назад» с такой скоростью, что даже вернуться в Гибралтар морякам оказалось не под силу — «Ингерманланд» был отброшен обратно в Средиземное море. 24-го корабль снова бросил «якорь перед Гибралтаром» и стоял там

---

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 229–229 об.

два последующих дня, ожидая «попутного ветра»⁹. При этом царевич со своими спутниками съезжал на берег и гулял по суше¹⁰.

Вскоре, однако, трудности с выходом в океан стали причиной незапланированного короткого визита великого князя Константина Николаевича в Испанию. 27 апреля (9 мая) при повторной попытке выйти в океан «Ингерманланд» был унесен течением к Альхесирасу — испанскому порту западнее Гибралтара. Здесь в 1801 г. произошло сражение между франко-испанской и британской эскадрами, запомнившееся неожиданной «морскою победою французов над англичанами». Русские и испанцы обменялись салютами. «Давно русские не салютовали испанскому флагу», — замечал великий князь. Вечером того же дня он прибыл в Альхесирас — «город маленький, но чистенький и опрятный». Здесь царевич по-своему оценил облик и состояние испанской армии, которую постепенно приводил в порядок диктатор генерал Р. Нарваэс. «Тут мы видели войско, которое не слишком дурно, — сообщал Константин отцу. — Оно одето на французский покрой, но мундиры зеленые с серебром и брюки серые. Офицеры все щеголи. Говорят, что Нарваиз в последнее время очень поднял их войско. Солдаты у них прекрасные, потому что имеют самые лучшие элементы, и терпеливы, и сильны, отчаянно храбры, а офицеры совершенная дрянь, потому что не имеют никакого образования и в военном деле ничего не смыслят. Принц Кобургский, который теперь внутри Испании видел много войск, очень хвалит их горную артиллерию»¹¹. Возрождение испанской армии, несмотря на слабость и неподготовленность ее офицерского корпуса, давало основания полагать, что испанская монархия, одолев внутреннюю смуту, вновь стала одним из факторов европейской политики; а обмен салютами символизировал сохранение дружеских отношений между двумя державами.

Пребывание великого князя Константина Николаевича в Альхесирасе продолжилось и на следующий день — попытка преодолеть сильное встречное течение и прорваться в Атлантический океан в очередной раз не удалась. «Ингерманланд» вернулся в испанский порт. Великий князь вновь высадился на берег и отправился гулять по городу. Только 29 апреля (11 мая), преодолев «очень сильное» течение, русские моряки

---

⁹ Вел. кн. Константин Николаевич — имп. Николаю I. 13–14 мая (25–26 мая) 1846 г. // ГА РФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 366. Л. 230.

¹⁰ Дневник вел. кн. Константина Николаевича // ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 85. Лл. 44–45.

¹¹ Вел. кн. Константин Николаевич — имп. Николаю I. 13–14 мая (25–26 мая) 1846 г. // ГА РФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 366. Л. 230–230 об.

«проскочили и вошли в океан»¹². Правда, на следующий день попутный ветер сменился противным — норд-вестом, и визит в Испанию мог быть дополнен посещением более крупного порта Кадис (Кадикс). Но Ф. П. Литке отказался от этого замысла, так как «было слишком поздно». Ветер «прогнал» корабль «гораздо южнее Гибралтара». Когда ветер стих, «Ингерманланд» медленно пошел вперед, несмотря на «огромную зыбь» и «несносную» качку¹³. 4–5 (16–17) мая он обогнул мыс Св. Викентия (Сан-Висенти), еще трое суток — 6–8 (18–20) мая моряки «качались» у входа в устье реки Тежу (Таго). 9 (21) мая был взят лоцман¹⁴.

Корабль шел к Лиссабону. У моряков закончилась «свежая провизия». На «Ингерманланде» и сопровождавших его корветах «Менелай» и «Князь Варшавский» имелись разные повреждения. На «Менелае» дважды ломался румпель. Ремонт в Лиссабоне должен был занять «дня три». Средняя скорость движения от Гибралтара к Лиссабону составила менее одной мили в час. Зато теперь Константин надеялся на то, что зюйд-вест поможет «прийти в Англию поскорее, чем сюда»¹⁵.

12 (24) мая 1846 г. «Ингерманланд» прибыл в Лиссабон, обменявшись салютами с фортом Белем — морскими воротами португальской столицы, португальским флагманом и французским бригом. Здесь Константин узнал, что Португалия охвачена жестокой гражданской войной или, по его собственным словам, «общей революцией». Великому князю даже казалось, что Лиссабон «будто нарочно не хотел нас к себе пускать, и поделом, потому что мы пришли сюда совершенно не вовремя»¹⁶.

В апреле 1846 г. на севере Португалии вспыхнуло народное восстание против правительства А.-Б. да Кошта Кабрала. Народ был возмущен произволом властей, расточительством правящих кругов и налоговым гнетом. Восстание перекинулось на юг страны. Повстанцы захватывали поместья и создавали свои революционные органы власти — хунты. Предводительницей восстания называли Марию да Фонте. Достоверных сведений об этой легендарной личности не осталось. К восставшим крестьянам примкнула часть дворян-либералов,

¹² Дневник вел. кн. Константина Николаевича // ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 85. Л. 45 об.

¹³ Вел. кн. Константин Николаевич — имп. Николаю I. 13–14 мая (25–26 мая) 1846 г. // ГА РФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 366. Лл. 230 об.–231.

¹⁴ Дневник вел. кн. Константина Николаевича // ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 85. Л. 46 об.; Записная книжка вел. кн. Константина Николаевича // Там же. Ч. 2. Л. 1–1 об.

¹⁵ Вел. кн. Константин Николаевич — имп. Николаю I. 13–14 мая (25–26 мая) 1846 г. // ГА РФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 366. Л. 231.

¹⁶ Там же. Л. 230.

выступивших против Кошта Кабрала. В мае 1846 г., перед самым визитом русского великого князя, Кошта Кабрал ушел в отставку. Но восстание не прекратилось.

В Лиссабоне царевича и его спутников встретил русский посланник граф Строганов. Он сообщил, что вся Португалия и ее столица «в революции», начавшейся, «кажется», с недовольства «министерствами и высокими налогами». Но и после изгнания Кошта Кабрала, которого Константин ошибочно называл «министром финансов», революция не пошла на спад — «бунт и безначалие все продолжают, и теперь, кажется, просто требуют республики». За «дня четыре» до прибытия царевича в Лиссабоне также «начался бунт». Но войска остались верны королеве Марии II, дело кончилось «кровопролитием» на улицах. Вечер 12 (24) мая выдался спокойным. Однако уже на следующий день, в воскресенье, ждали «новых битв, потому что нижние классы, фабриканты, работники, лавочники свободны от работ»; а к столице подтягивалось «большое подкрепление инсургентов, которые, говорят, уже милях в 9 от города». Революция привела к дезорганизации власти. «Везде кругом совершенный беспорядок и безначалие, — сообщил Константин отцу. — Начальство или бежало в Лиссабон, или перебито бунтовщиками, и из столицы нельзя сделать шага в сторону». В планах великого князя было посещение «знаменитой Цинтры». Город Синтра, к северо-западу от Лиссабона, с XV в. был резиденцией португальских монархов. На высокой скале над Синтрой в 1840 г. был построен дворец Пена — летняя королевская резиденция, выдержанная в фантастическом псевдосредневековом стиле. Близ Синтры имеются важные исторические достопримечательности — полуразрушенный Замок мавров (памятник раннего Средневековья, построен в IX или X в.) и дворец Монсеррат. Но поездку в Синтру пришлось отменить. Португальские власти объявили русским гостям, что даже в Лиссабоне можно посетить лишь «некоторые части, и то днем, и в экипажах, и то опасно»¹⁷.

13 (25) мая 1846 г. великий князь Константин Николаевич представлялся в загородном Белемском дворце венценосным особам — королеве Марии II и ее мужу — королю-консорту Фердинанду II. Внешность королевы — оплота монархического строя — произвела на Константина двойственное впечатление, а ее мало что значивший супруг и вовсе выглядел отталкивающе. «Она не дурна лицом, — рассказывал царевич отцу, — похожа на принцессу Аквилу, а всей фигурой на жену Дона Себастиана, и, если возможно, еще толще ее, кроме того, она теперь беременна, так что общий ее вид не слишком живописный. Она очень

---

¹⁷ Там же. Л. 231–231 об.

неговорлива и заставляла говорить своего мужа, который предлинная, сухая немецкая фигура; он предурно говорит по-французски с сильным немецким выговором и ужасно тянет и гнусит, когда говорит». Зато бразильская императрица Тереза-Кристина оказалась весьма словоохотливой и радушной. «Она, — продолжал великий князь, — премило меня приняла, говоря, что она почитает старым знакомым, хотя меня никогда не видала». Здесь Константин осмотрел также «старинный собор полуготической архитектуры, который внутри очень величественен»¹⁸.

Вечер 13 (25) мая выдался тревожным. И хотя в самом Лиссабоне было спокойно, неподалеку от столицы — на другом берегу реки Тежу — произошла «жаркая стычка». Великий князь Константин Николаевич впервые стал свидетелем настоящего военного сражения — столкновения между повстанцами и правительственными войсками, окончившегося поражением последних. Он писал: «Так как мы не далее 1 версты от берега, мы очень ясно видели огни и слышали выстрелы, застрельщичьи сигналы и иногда крики ура! Мы долго стояли наверху и смотрели, и мне это было тем более интересно, что это первое сражение, которое я видел. Перестрелка, то усиливаясь, то утихая, продолжалась, говорят, до 1-го часа ночи, а началась в 9-м часу вечера, и по временам был слышен настоящий батальонный огонь». Утром следующего дня великий князь узнал, что бой выигран «бунтовщиками» и что над королевской властью нависла угроза краха, так как значительная часть войск была деморализована. «Деревни левого берега были защищены одной или двумя пехотными ротами, — сообщал он отцу, — а их атаковали до 800 бунтовщиков, из которых более 200 были вооружены ружьями, и войска были прогнаны, и весь берег теперь в руках бунтовщиков. Говорят, что войско потеряло до 30 человек убитыми. Говорят тоже, что войско стало отказываться драться, что оно уверяет, что довольно исполняло свой долг и довольно потеряло людей, и больше не хочет драться; что первые отказались некоторые офицеры и потребовались отставки; что можно только считать (рассчитывать. — Прим. В. В.) на Муниципальную Гвардию и на королевских гренадер, но что и те начинают колебаться. Между тем со дня на день ожидают прибытия нескольких тысяч бунтовщиков, и тогда все кончится, потому что некому будет защищаться»¹⁹.

Правда, наихудшие опасения Константина не сбылись. Верные королеве войска прочно удерживали столицу, наводя страх на недовольных. 14 (26) мая великий князь побывал в городе и отметил, что «там все спокойно, но даже слишком, и почти никто на улицах не показывается,

¹⁸ Там же. Л. 231 об.

¹⁹ Там же. Л. 232.

а на площади стоят войска и пушки». Столица Португалии выглядела при этом вполне заурядной. В глазах великого князя она ничем не выделялась среди прочих столиц европейских государств. По его словам, Лиссабон «хорош, чист и регулярен, но не имеет никакого особенного характера и мог бы быть во всякой другой стране». Во второй половине дня на борт «Ингерманланда» поднялся португальский король с двумя сыновьями. Осматривая русский корабль, он «все хвалил, и был очень милостив». Его приняли «со всеми королевскими почестями». Но самим воплощением любезности по-прежнему была бразильская императрица, угощавшая русских гостей обедом вечером того же дня. Она «была премилая и внимательная ко всем, и все от нее в восхищении». Принимая Константина и его спутников, она первым делом показала им «чудесный вид на Таго с ее прекрасной террасы и в саду мраморный стол, на котором завтракал в последний раз знаменитый и несчастный молодой король Себастиан, отправляясь в поход против мавров, в котором он и погиб»²⁰.

Король Себастиан, правивший в 1557–1578 гг., стал последним представителем Бургундской династии на португальском престоле. Война с маврами в Северной Африке, начатая Себастианом, обернулась для Португалии тяжелейшим поражением. Разбитый маврами в 1574 г., Себастиан через четыре года попытался взять реванш и вмешался в междоусобную войну в Марокко. С 14-тысячным войском он высадился в Арзилле и двинулся на Эль-Ариш. Но 4 августа 1578 г. войско Себастиана было атаковано маврами, вчетверо превосходившими его силы, и почти поголовно истреблено. Король был убит. Вместе с ним погибли все инфанты (принцы), участвовавшие в походе, а также множество вельмож, военачальников и более 12 тыс. солдат; остальные были пленены. Бургундская династия португальских королей вскоре пресеклась, так как из ее законных представителей в живых остались лишь не участвовавшие в походе старики, уже не способные иметь детей...

На прощание императрица Тереза-Кристина «приказала» русскому великому князю «хорошенько поклониться» императору Николаю I. Последние впечатления царевича от Лиссабона были гораздо более приятными для русского царя. Там стало, по словам Константина, «все спокойно и нигде не слышать ни шума, ни выстрелов»²¹. Через девять месяцев, в феврале 1847 г., революция в Португалии была подавлена.

Утром 15 (27) мая 1846 г. великий князь Константин Николаевич покинул Лиссабон²², направляясь в Англию и увозя отсюда свою новую

---

²⁰ Там же. Л. 232 об.

²¹ Там же.

²² Там же.

«капитан-лейтенантскую должность»²³. Отныне ему надлежало регулярно нести на «Ингерманланде» ночные вахты и «посуточно» чередоваться со своим сослуживцем — капитан-лейтенантом Хомстьяно²⁴.

Итак, посещение юным великим князем Константином Николаевичем Пиренейского полуострова, первоначально мыслившееся лишь как мимолетная часть маршрута его плавания по европейским морям, внезапно приобрело политическое значение. В Гибралтаре великий князь был гостем британского губернатора Р. Вильсона — героя войны 1812 г. и Заграничного похода 1813–1814 гг., Георгиевского кавалера и друга России, внушавшего царевичу симпатию к трудолюбивым и предприимчивым англичанам — недавним союзникам России в войнах с Наполеоном. Незапланированный визит Константина в испанский порт Альхесирас — в страну, пережившую ряд внутренних усобиц, явился скромной, но наглядной — первой за долгое время — демонстрацией дружбы и взаимного уважения между Россией и Испанией. Наконец, впечатления сына русского царя от пребывания в Лиссабоне — столице Португалии, охваченной «общей революцией», — должны были стать для Петербурга, оказывавшего свое покровительство европейским феодально-абсолютистским режимам, грозным предостережением. На краю европейского континента уже вовсю полыхал революционный пожар. До начала «Весны народов» — европейских революций 1848–1849 гг., приведших к полному уничтожению старой Венской системы международных отношений и новой перекройке политической карты Европы, — оставалось менее двух лет.

---

²³ Головнин А. В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006. С. 46.

²⁴ Вел. кн. Константин Николаевич — имп. Николаю I. [28 мая (9 июня) 1846 г.] // ГА РФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 366. Л. 234.

**По традициям Петра Великого:
бракосочетание великого князя
Константина Николаевича и принцессы
Александры Саксен-Альтенбургской**

14 октября 1847 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях», главной столичной газете, появилась небольшая, но важная заметка¹. Она сообщала о торжественной встрече 11 октября в Царском Селе принцессы Александры Саксен-Альтенбургской, «Высоконареченной Невесты Его Императорского Высочества, Великого Князя Константина Николаевича». Газета писала, что все «войска, расположенные в Царском Селе и Павловске, находились в строю и были расставлены в Царскосельском Парке и на дворе Большого Царскосельского Дворца». Въезд в Царское Село последовал в два часа пополудни в экипаже императрицы, «в коем помещались Ея Императорское Величество, Государыня Цесаревна, Ея Высочество Великая Княгиня Мария Николаевна и Высоконареченная Невеста». Впереди экипажа следовал императорский конвой, а подле кареты «изволили ехать верхом Государь Император, Государь Наследник Цесаревич, Их Высочества Великие Князья Константин Николаевич, Николай Николаевич и Михаил Николаевич, Его Высочество Великий Князь Михаил Павлович, с многочисленною свитою». В устроенной перед дворцовой церковью зале, прибывшие были встречены «Первыми Чинами и Придворными дамами». После молебствия, совершенного придворным духовенством, «Их Величества с Их Высочествами и Высоконареченною Невестой изволили отправиться в Новый Дворец»². Таким образом, населению столицы и всей страны³ было сообщено, что в жизни венценосного семейства предстоит важное событие — женитьба второго императорского сына.

Традиция приглашать в невесты к русским великим князьям иностранных, преимущественно немецких принцесс была заложена еще Петром I, который в 1710 г. выбрал в супруги своему сыну, царевичу

---

¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1847. 14 октября. Заметка тут же была перепечатана другими городскими газетами. См.: Северная пчела. 1847. № 233. 15 октября; Русский инвалид. 1847. 15 октября.

² Имеется в виду Александровский дворец.

³ Большинство столичных газет распространялись по всей империи. «Северная пчела» считалась любимой газетой провинциального чиновничества.

Алексею Петровичу, принцессу Шарлотту Кристину Софию, третью дочь герцога Людвига Рудольфа Брауншвейг-Вольфенбюттельского. Петр Алексеевич отличался веротерпимостью. Он не возражал против того, чтобы невестка сохранила свое вероисповедание, оставшись протестанткой, но при условии, что дети будут воспитаны в православной вере. Вторым ребенком от этого брака стал российским императором Петром II.

Почин Петра Великого был продолжен его дочерью Елизаветой Петровной, подыскавшей для своего племянника, великого князя Петра Федоровича, герцога Гольштейн-Готторпского, ставшего ее наследником, достойную, как ей казалось, невесту — принцессу Софию Августу Фредерику Ангальт-Цербстскую. Императрица, в отличие от своего отца, не была настроена столь же лояльно, как он, к вероисповеданию своей будущей родственницы. Она настояла, чтобы немецкая принцесса перешла в православие, взяв себе имя Екатерины Алексеевны⁴. Невеста действительно оказалась «достойной» и «не подвела» Елизавету Петровну. Она была очень амбициозна. Екатерину Алексеевну не устраивало быть просто супругой императора, которой она стала после смерти Елизаветы. Спустя полгода после восшествия на престол Петра III, она стала, в результате дворцового переворота, самодержавной императрицей Екатериной II, «позиционировавшей» себя продолжательницей дел Петра Великого. При жизни Екатерины II еще четыре немецкие принцессы перебрались в Петербург при ее самом деятельном участии. Она последовательно подобрала двух невест для сына, а в конце своего правления жизни устроила судьбу старших внуков, породнив их с представительницами еще двух немецких монархических домов.

К 1847 г., когда императорская фамилия готовилась к очередному брачному торжеству, среди ее членов были три бывшие немецкие принцессы: императрица Александра Федоровна (урожденная принцесса Фридерика Луиза Шарлотта Вильгельмина Прусская), цесаревна Мария Александровна (принцесса Максимилиана Вильгельмина Августа София

---

⁴ С тех пор это стало неперемным условием, выдвигаемым перед иноземными принцессами, стремившимися стать великокняжескими супругами. Оно соблюдалось до 1874 г., когда невеста вел. кн. Владимира Александровича, герцогиня Мекленбург-Шверинская Мария, не пожелала изменять своей вере и осталась лютеранкой. Тем не менее, в соответствии с уже установившейся традицией, императорский манифест, выпущенный по случаю этого бракосочетания, повелевал именовать ее «Великою Княгинею Марию Павловною, с титулом Императорского Высочества» (РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 806. Л. 21). Мария Павловна перешла в православие лишь 10 апреля 1908 г. (см.: Кузьмин Ю. А. Российская императорская фамилия (1797–1917). Биобиблиографический справочник. СПб., 2011. С. 238).

Мария Гессенская и Прирейнская) и великая княгиня Елена Павловна (принцесса Фредерика Шарлотта Мария Вюртембергская), супруга великого князя Михаила Павловича. К этому времени при императорском дворе выработался строгий ритуальный канон, которого придерживались при подготовке и проведении церемонии великокняжеского бракосочетания. Причем само таинство венчания вступающей в брак высородной пары являлось лишь завершающим, кульминационным актом в целой цепи церемониальных действий, через которые должны были пройти будущие супруги, как вместе, так и по отдельности. Для невесты каждый последующий шаг на этом пути к венцу означал повышение своего статуса при императорском дворе. У нас есть возможность проследить все этапы романтической истории Константина и Александры — от первого знакомства до праздничного обеда в Зимнем дворце, устроенного императорским двором по случаю успешного великокняжеского бракосочетания, когда все собравшиеся за столом — самые знатные люди России — поднимали кубки за «прочное благоденствие юной четь».

Николай Павлович, радушно встретивший будущую невестку 11 октября 1847 г. в своей загородной резиденции, по-видимому, испытывал полное удовлетворение. Все шло гладко, в соответствии с составленным им еще за пару лет до того сценарием.

Начало брачной истории Кости и Санны, как именовали новобрачных в узком семейном кругу, можно отнести к лету 1845 г. Сам Константин Николаевич подробно рассказывает об этом в дневнике⁵. 26 августа 1846 г., по пути из Кронштадта, куда император брал с собой юного генерал-адмирала, постепенно вовлекая его в сферу будущих служебных обязанностей, отец с сыном уединились в каюте и откровенно поговорили о будущей женитьбе великого князя. Тогда и было названо впервые имя его потенциальной невесты. «Я не знал, что со мной делается. Я весь дышал блаженством»⁶, — записал в дневнике потрясенный юноша. Отец поведал сыну историю своего знакомства с будущей невесткой. Летом 1845 г., когда царское семейство находилось в Италии, Николай Павлович, возвращаясь один на родину, остановился в Болонье, где узнал, что здесь же находится его двоюродная сестра — герцогиня

---

⁵ Мы используем выдержки из дневника Константина Николаевича, включенные в первую биографию великого князя, составленную А. И. Головинным. Литографированный экземпляр рукописи этой работы хранится в РГИА (Ф. 537. Оп. 1. Д. 192). Выписки приводим в авторской редакции. Головин Александр Васильевич (1821–1886) — русский государственный деятель. В 1850-е гг. служил секретарем при вел. кн. Константине Николаевиче.

⁶ Там же. Лл. 69 об.–70.

Альтенбургская⁷. Он знал ее «почти с детства», а задержалась она в городе потому, что все лошади были забраны для проезда императора со свитой. Вечером Николай отправился к герцогине с визитом и нашел ее одну с двумя дочерьми. Обе девушки ему понравились. «Старшая лет 18 или 19 очень стройная, приятная собою, и младшая лет 16-ти, премиленькая, умненькая, резвая, с добрым милым лицом, и Ему тотчас вошла в голову мысль, что вот была бы парочка для меня»⁸, — пишет Константин. Не откладывая дела в долгий ящик, Николай написал жене в Палермо, поделившись с ней своими замыслами. Но та несколько остудила супруга, ответив, что «об этом и думать еще нельзя, что это слишком рано», что сын «слишком молод еще и легкомыслен». Но вот теперь император посчитал, что дальше медлить в этом важном деле нельзя и решил направить сына в Альтенбург для знакомства с невестой. Целью поездки, по замыслу императора, было «ее увидеть, получить первое впечатление и узнать то, которое я произвел на нее», — замечает Константин. При этом важно было не уронить лица: встреча в Альтенбурге должна была выглядеть как визит вежливости, совершенный проездом. А для отца, как пишет взволнованный юноша, было важно только «узнать, понравится ли она мне, и тогда смотреть на нее как на такую, которая со временем может сделаться моей невестой и женой». Причем, по-видимому, помня наставления жены, Николай Павлович всячески уверял сына, что тот «еще слишком молод, чтобы думать о женитьбе и даже чтобы выбирать себе невесту», и «что о женитьбе думать нельзя прежде чем года через два или три, что до тех пор надо и поучиться, и поездить, и послужить, но что тем полезнее иметь такую суженую перед глазами, ибо теперь», когда он входит в такие годы, когда будет «часто в обществе молодых людей, где много говорят и делают, что не должно, и где легко можно сбиться с пути, что посему вдвое тогда полезнее иметь невесту, которая бы служила талисманом, чрез всю жизнь, таким, который удерживал бы всегда на прямом пути и не позволял с него сходить»⁹. В качестве образца для подражания отец предложил сыну свои отношения с его матерью, которая в течение трех лет до их свадьбы служила будущему императору «как бы талисманом, его удерживающим»¹⁰. В заключение

---

⁷ Герцогиня Амалия Вюртембергская (1799–1848), племянница императрицы Марии Федоровны, в 1817 г. вышла замуж за принца Иосифа Саксен-Альтенбургского, который после смерти отца с 1834 по 1848 гг. был владетельным герцогом Саксен-Альтенбургским.

⁸ Там же. Л. 70 об. Старшая принцесса — «стройная, приятная собою», — будущая великая герцогиня Ольденбургская Елизавета (1826–1896).

⁹ Там же. Л. 71 об.

¹⁰ Там же.

своих несколько затянувшихся отцовских наставлений Николай Павлович выразил надежду, «что, если с Божиею помощью наше дело пойдет на лад, то, может быть, родители ее согласятся отпустить ее к нам, в наше семейство, раньше, чтобы она выросла и обрусела под глазами Мама. После этого я стал на колени, и Папа меня поцеловал»¹¹. Этими словами юный Костя завершает свою дневниковую запись от 26 августа 1846 г. — «незабвенного на всю жизнь дня».

Уже через два дня в сопровождении сестры великой княжны Ольги Николаевны¹² юный князь отправился на пароходе «Камчатка» в Штеттин, а оттуда в Берлин и Альтенбург. Здесь 4 сентября он впервые увидел свою невесту — пятую дочь герцога Саксен-Альтенбургского принцессу Александру, которой к тому времени едва исполнилось 16 лет. В этот день в дневнике Константина Николаевича появляется запись: «Я не знаю, что со мною делается, я стал совсем другой человек, у меня одна мысль в голове, один образ перед глазами, все она, мой ангел, моя (звезда)¹³. Мне, право, кажется, что я влюблен. Да много ли я ее видел? Всего несколько часов, а я влюблен по уши. Ее окружает какое-то невыразимое, непонятное волшебство». Костя поделился своими эмоциями с отцом, написав ему. Реакция сына вполне удовлетворила Николая Павловича. Все шло в соответствии с задуманным императором планом: «С большой радостью мы получили письмо твое, милый Костя, и видим из него, что надежды наши сбылись. Будем молить Бога, чтобы этот луч надежды осуществился тогда, когда ты к этому зрел будешь. Теперь, имея ее в виду, ты усугубишь старания бросить детские привычки и делаться не только юношей, но зрелым мужем, ибо иначе ты бы недостойн был принадлежать ей и не был бы в состоянии сделать ее счастье. Пусть же она будет твоей звездой, твоим маяком, и мысль об ней да ведет тебя чрез те годы, которые еще посвятить должен довершению твоего воспитания»¹⁴.

30 сентября 1846 г. князь снова в Альтенбурге. Он приехал, «имея дозволение Государя объясниться в чувствах своих»¹⁵, а фактически

---

¹¹ Там же. Л. 72.

¹² Вел. кнж. Ольга Николаевна (1822–1892) только что справила пышную свадьбу в Петергофе, вступив в брак с наследным принцем Вюртембергским — Карлом, своим троюродным братом. Молодая чета направлялась на родину мужа.

¹³ Составитель биографии Константина Николаевича А. И. Головин указывает, что в оригинале дневника великий князь «звездой» (рисунком пятиконечной звезды. — Прим. В. А., Ю. Е.) «постоянно отмечал свою невесту, свою суженую» (Там же. Л. 69 об.). В своей рукописи Головин не отступает от оригинала и также рисует звезду на месте упоминания возлюбленной Константина Николаевича.

¹⁴ Там же. Л. 73–73 об.

¹⁵ Там же. Л. 73.

сделать неофициальное пока предложение. Он провел здесь неделю. Запись в дневнике от 1 октября 1846 г.: «Да точно, в этой дивной Санни готовится для земли новая Адини¹⁶, и я не первый и не единственный, который и в ее наружности находит сходство с Адини. Чем больше я ее вижу, тем больше сердце мое воспламеняется к ней истинною любовью. Какое это святое, новое, сладкое состояние души, когда она исполнена этим необъяснимым чувством, которое согласились называть любовью. Я воображал, что я уже знаю, что такое любовь, я ошибался; то были скороприходящие игры сердца и особенно воображения, но вот настоящая любовь — это то чувство, которое меня теперь жжет и от которого я просто нахожусь в лихорадке, когда слышу ее чудный голос». 2 октября 1846 г. в Альтенбурге состоялась «домашняя помолвка», а 8-го числа князь отправился домой и, с остановками в Берлине и Варшаве, 26 октября прибыл в Царское Село.

1 апреля 1847 г. Константин вновь выехал в Альтенбург, куда прибыл 10-го: на 11-е число была назначена т. наз. «формальная помолвка». Запись в дневнике от 11 апреля 1847 г.: «Утром в 9 часов я сошел вниз, и мы пили чай вместе, как бывало осенью. У меня сердце билось от того, что предстояло. Я пошел с Герцогом в другую комнату и отдал ему письмо Папа. Оно его тронуло, и он поцеловал меня и повторил свое согласие на наш союз. Тогда я воротился в кабинет Герцогини и отдал ей и Санни письма Мама. Когда они прочитали эти письма, которые их очень тронули, я в первый раз обнял Санни, мою невесту. Я не могу сказать, как я был счастлив в эту минуту. Право, чем более я с Санни, тем более я люблю ее. Я тотчас дал кольцо с крестиком, сказав, что наши души должны быть соединены в вечности верою. <...> Мы вдвоем одни пошли в Церковь и помолились там на коленях, для того, чтобы испросить благословения Божие на новую жизнь, которую мы начинаем. Я видел, Санни моя усердно молилась и на лице ее было написано такое дивное выражение, что я ее горячо обнял»¹⁷.

В эти дни Костя получил два письма от отца. Первое — от 12 апреля: «Полагаем, что теперь ты не только на месте, но уже счастливым женихом, цени свое счастье и пользуйся им умеренно и благоразумно и помни наши советы». Второе письмо — от 23 апреля: «Да благословит Милосердный твою помолвку, любезный Костя, и да будет тебе твоя Санни тем, что мне твоя Мама вот скоро 30 лет. Этот решительный шаг эпоха в твоей жизни, ибо не только в тайне ты пред

¹⁶ Домашнее имя скончавшейся при родах вел. кнж. Александры Николаевны (1825–1844) — сестры Константина Николаевича, с которой они были дружны с детства. Адини, отличавшаяся удивительной добротой, легким характером, художественной одаренностью, была любимицей не только царя, но и всей семьи.

¹⁷ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 192. Л. 75–75 об.

всем миром уже принадлежишь милому созданию, которое тебе вверило будущее свое счастье; все это требует от тебя сугубой осторожности и тщательного наблюдения за собою, чтоб все твое поведение имело на себе отпечаток не детства, но зрелости, которую тебе приобрести следует. Твое сердце и добрые чувства мне ручаются, что с помощью Божию, буде захочешь, все будет согласно твоему долгу и моим душевным желаниям. Обнимаю и благословляю Вас обоих»¹⁸. Как видим, заботливая рука отца еще находилась на сыновьем плече; и он не упускает возможности еще раз напомнить ему о таких качествах, как умеренность, благоразумие, осторожность и самоконтроль, которые, с его точки зрения, крайне необходимы в жизни взрослого мужчины, ответственного не только за себя, но и за семью, которую он предполагает в скором времени создать.

2 мая Константин отбывает в Ганновер, а оттуда через Голландию в Англию. Три месяца он путешествовал по Англии и Шотландии, а 13 августа возвратился в Кронштадт на фрегате «Паллада» в качестве его командира. Но в сентябре он отправился через Киев и Винницу в Варшаву, где встретился с невестой. 11 октября 1847 г. Константин возвратился в Царское Село уже вместе с ней. Они, по-видимому, были встречены царской семьей на границе города, после чего состоялся описанный нами торжественный въезд «Высоконареченной Невесты» в Царское Село.

Несколько дней спустя имел место похожий по содержанию, но иначе оформленный церемониал торжественного въезда принцессы уже в Санкт-Петербург¹⁹. Это случилось 16 октября 1847 г. Газеты предупредили об этом событии²⁰, так что публика была подготовлена к восприятию небольшого, но красочного кортежа — «торжественного поезда»²¹, который следовал по улицам, соединяющим Царскосельскую железную дорогу²² с Зимним дворцом. «Северная пчела» также полностью опубликовала «Высочайше утвержденный церемониал торжественного въезда в Санкт-Петербург Ея Светлости...»²³. Та же газета пару дней спустя поместила довольно подробный отчет об этом событии, в привычном для нее комплиментарном и верноподданническом стиле: «Государь и Россия

---

¹⁸ Там же. Л. 75 об.

¹⁹ РГИА. Ф. 469. Оп. 1. Д. 38. Лл. 2–3.

²⁰ Первым об этом сообщил «Русский инвалид» еще 15 октября 1847 г. 16 октября, т. е. в день въезда принцессы, сообщение «Русского инвалида» перепечатала «Северная пчела» (1847. № 234. 16 октября).

²¹ Северная пчела. 1847. № 236. 18 октября.

²² Первый временный деревянный вокзал был построен в 1837 г. Каменный вокзал в Петербурге для первой российской железной дороги начали строить по проекту К. А. Тона только в 1849 г.

²³ Северная пчела. 1847. № 234. 16 октября.

составляют одно нераздельное целое: они живут одною жизнью, имеют одни радости и одно горе. И потому-то семейная радость Государя составляет радость всей России. Вот мы снова дожили до радостного семейного для всей России праздника, и торжествуем преумножение Августейшего Царского Семейства одною Царевною, Высоконареченною Невестою второго царского сына, Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Константина Николаевича»²⁴. Согласно церемониалу, «венценосная семья» с «высоконареченной невестой» прибывала в город по железной дороге. Участники кортежа — а это «первые чины Двора, все шталмейстеры и состоявшие в этой должности, как Высочайшего Двора, так и Дворов Их Императорских Высочеств»²⁵, — во время ожидания поезда могли отдохнуть в специальной палатке, установленной у железной дороги на учебном месте лейб-гвардии Семеновского полка. По прибытии поезда первые чины двора разместились в придворных каретах, занявших места в головной части кортежа, позади конвоя. Далее верхом, по два в ряд, выстроились все шталмейстеры, а уже за ними следовал «парадный экипаж, в 8 лошадей, Государыни Императрицы», где вместе с ней ехали цесаревна Мария Александровна, великая княгиня Мария Николаевна и принцесса Александра. В нарушение опубликованного церемониала, «Император с четырьмя Царевичами, радостью и надеждою России, изволил сопроводить верхом великолепную карету»²⁶. Замыкали «поезд» парадные экипажи «со статс-дамами и фрейлинами, прибывшими из Царского Села», и еще одна группа конвоя. «В Царском жилище, после благословения архипастыря, совершено было благодарственное Господу Богу молебствие, которому вторило безмолвно все народонаселение столицы и которое повторит вся Россия. Вечером город был ярко иллюминирован, и вся Августейшая Фамилия, с Высоконареченною Невестою, благоизволили посетить Большой Театр», — продолжает свой репортаж самая популярная столичная газета. «Всех взоры обращены были там с сердечным умилением на Высоконареченную Невесту. Прекрасное лицо и светлый ласковый взгляд Ея выражают кротость и душевную доброту, убеждая в будущем счастье Высоконареченной Четы и умножении радости всего Царского Дома, подающего России и всему свету пример семейной любви и согласия. Господи, ниспосли Им долгие дни для нашего общего счастья и радости»²⁷.

Следует отметить, что описание церемониала, процитированное нами, помимо сообщения о порядке следования торжественного кортежа

²⁴ Северная пчела. 1847. № 236. 18 октября.

²⁵ Северная пчела. 1847. № 234. 16 октября.

²⁶ Северная пчела. 1847. № 236. 18 октября.

²⁷ Там же.

по улицам города, включало в себя еще пять пунктов, которые регламентировали порядок размещения в Зимнем дворце придворных и гостей, «кои имеют приезд ко Двору». Они должны были собраться здесь по случаю прибытия в столицу невесты великого князя Константина Николаевича в соответствии с «Высочайшим повелением», выпущенным за два дня до этого. Гости стали съезжаться во дворец еще к 11 часам утра. Среди них мы видим членов Государственного совета и сенаторов, которым отводилось самое почетное место — в Большой придворной церкви, где в присутствии членов императорской фамилии с великокняжеской невестой должен быть отслужен благодарственный молебен с участием митрополита. «Статс-дамы и камер-фрейлины и все придворные вторые чины Двора и прочие кавалеры» ожидали на втором этаже, чтобы спуститься в Парадные сени в момент прибытия императорской семьи к подъезду на Большом дворе. Они должны были встроиться в организованное обычным порядком церемониальное шествие императорской фамилии в дворцовую церковь. Остальным гостям, присутствие которых на молебне не предусматривалось (генералитету, офицерам армии и флота, первых двух гильдий почетному российскому и иностранному купечеству с их супругами), положено было собраться в помещениях, расположенных по пути следования царской семьи в церковь (в первой Аванзале, Фельдмаршальской и Гербовой залах). «Дамам, кои не имеют приезда ко Двору», позволялось быть «на хорах во всех залах, по билетам, а также и в сенях Парадной лестницы между столбов за шпалерами дворцовых гренадер». Дворцовые гренадеры выстраивались также «шпалером, в два ряда от дверей подъезда, по Парадной лестнице, до дверей первой Аванзалы, имея часовых у дверей Большой церкви и в Концертной зале». Знамя роты устанавливалось «на площадке Парадной лестницы по середине, спиною к нише». Таким образом, этот церемониал, опубликованный в городской прессе, имел, если можно так выразиться, две экспозиции. Одна из них представляла собой проекцию торжественного кортежа, рассчитанную на восприятие массового зрителя: ее могли «лицезреть» жители и гости города. Другая, являющаяся логическим продолжением первой, уже была скрыта от посторонних глаз за стенами императорской резиденции: она была обращена к очень ограниченному кругу зрителей, причем эта аудитория одновременно являлась и участником церемониала. И это был единственный случай, когда простым обывателям, составляющим, по выражению «Северной пчелы», «одно нераздельное целое» с царским семейством, было позволено хоть краем глаза взглянуть на внутреннюю жизнь царской резиденции на примере церемониала не самого пышного придворного ритуала. Тексты целой серии последующих церемониалов, относящихся к подготовке

бракосочетания Константина Николаевича, не подлежали публикации, и петербуржцы могли узнать о церемониальных процедурах внутри Зимнего дворца только по их отголоскам в виде канонады со стен Петропавловской крепости либо задним числом, читая публикуемые в газетах Высочайшие манифесты, подводившие итоги свершившимся событиям.

Следующим церемониальным действием, через которое предстояло пройти будущей супружеской паре, было состоявшееся 26 ноября 1847 г. принесение Константином Николаевичем присяги по достижении им совершеннолетия. Главным действующим лицом здесь был жених, которому исполнилось 20 лет, т. е. он достиг возраста, «определенного государственными основными законами для совершеннолетия Членов <...> Императорского Дома»²⁸. За несколько часов до этого ответственного публичного действия молодой князь сделал запись в дневнике: «Сегодня великий день моей жизни, сегодня я буду присягать. Часа через три я предстану пред Престол Божий, и там, призвав Бога в свидетели, я принесу торжественный обет служить за веру, Царя и Отечество, всеми силами души и сердца, не щадя живота своего и даже до последней капли крови, в чем дам Богу ответ на последнем Страшном суде. <...> Для меня мысли, которые выражены в присяге, не новы; я всегда их имел с самого детства, но теперь я их объявляю всенародно, во всеуслышание, и связываю себя на всю жизнь мою обетом, данным Богу. Это установление благое, которое всегда, во всю жизнь будет напоминать долг и будет служить новою пружиною к исполнению его». Собственно говоря, 20-летие великого князя праздновалось еще 9 сентября 1847 г., но тогда в семье решили не форсировать события, поскольку Константин готовился к поездке в Европу, на встречу с невестой. И хотя принесение присяги формально могло быть совершенно не связанным с намерением кого-либо из великих князей вступить в брак, но в данном случае эти два важных события в жизни Константина Николаевича оказались взаимообусловленными. Иными словами, только с момента принесения присяги Государю и Отечеству, согласно «Учреждению об Императорской Фамилии», великий князь приобретал полную дееспособность²⁹.

Придворная жизнь российской монархии, как никакой другой монархии мира, была чрезвычайно насыщена различными ритуалами и

---

²⁸ Высочайший манифест от 26 ноября 1847 г. // Северная пчела. 1847. № 271. 29 ноября.

²⁹ В Манифесте об обручении «Высоконареченной пары», Николай Павлович прямо сообщает, что путь к этому событию для сына открылся с наступлением его совершеннолетия. (Северная пчела. 1848. № 33. 11 февраля). Впрочем, для невесты, которой на момент обручения еще не исполнилось 18 лет, эта деталь биографии не послужила препятствием к совершению обручального церемониала.

церемониями³⁰. Церемониал принесения присяги со стороны мужского поколения императорской семьи, входящего во взрослую жизнь, всегда считался одним из основополагающих в системе самодержавной власти в России. Доказательством тому может служить тот факт, что в этом церемониале оказываются задействованными императорские регалии: держава, скипетр и корона. Они торжественно доставлялись в Придворную церковь Зимнего дворца и возлагались «на приуготовленном столе, по левую сторону аналоя, поставленного пред Царскими Вратами, для Животворящего Креста и Святого Евангелия»³¹. Впрочем, мы не будем подробно останавливаться на всех деталях этой сложной и тщательно прописанной придворной церемонии. Отметим главное. Насколько можно судить из содержания церемониала, принесение присяги Константином Николаевичем, в отличие от других церемоний такого уровня, было наиболее светской. Главной ее составляющей было не религиозное наполнение, а военное. Помимо генералитета и старших офицеров гвардии, армии и флота — неперменных гостей, собиравшихся в Зимний дворец почти на любое придворное мероприятие, — во всех залах, начиная от Концертной до Портретной галереи, располагались отдельные отряды гвардейских полков, при знаменах; в Портретной галерее — рота дворцовых grenадер, а в Георгиевском зале — отряд всех военно-учебных заведений. Кроме того, в церемонии принимали участие все находящиеся в городе кавалеры ордена Св. Георгия. В Тронном зале, где должна была проходить заключительная часть церемониала — принятие воинской присяги, — перед тронном, рядом с аналоем с крестом и Евангелием, устанавливалось знамя Гвардейского экипажа.

5 февраля 1848 г. состоялось таинство «Святого Миропомазания»³² принцессы Александры — она перешла в лоно православной церкви. Согласно традиции, восходящей еще к правлению Елизаветы Петровны, этот ритуал был неразрывно связан с обручением нареченной пары, которое непременно совершалось на следующий день³³ после

---

³⁰ Этому аспекту российской истории посвящен фундаментальный труд американского историка Ричарда С. Уортмана «Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии» (Т. I, II. М., 2002, 2004).

³¹ РГИА. Ф. 469. Оп. 1. Д. 38. Л. 5.

³² Там же. Лл. 9–10. Высочайше утвержденный Церемониал по случаю Святого Миропомазания Ея Светлости, принцессы Александры Саксен-Альтенбургской. 5 февраля 1848 г.

³³ 28 июня 1744 г. принцесса София Фредерика Августа перешла из лютеранства в православие, взяв имя Екатерины Алексеевны (имя императрицы Екатерины I — матери Елизаветы Петровны), а на следующий день была обручена с будущим императором великим князем Петром Федоровичем.

перехода невесты в православие. По сравнению с другими придворными церемониями, ритуал миропомазания носил подчеркнуто религиозный характер и был достаточно лаконичен. Все, как обычно, начиналось с торжественного прохода царской семьи в сопровождении придворных в церковь Зимнего дворца. Жених и невеста на этой церемонии шли порознь: Константин Николаевич вместе с младшими братьями — сразу за наследником престола и цесаревной, а невеста в паре с великой княжной Екатериной Михайловной — почти в хвосте процессии, пропустив вперед Михаила Павловича с Еленой Павловной и Марию Николаевну с герцогом Максимилианом Лейхтенбергским. Перед входом в церковь императорская чета была встречена членами Синода и «прочим знатным духовенством» во главе с митрополитом. В храме император изволил подвести принцессу Александру к митрополиту, после чего придворное духовенство приступило, «по обыкновенному церковному чиноположению, к священнодействию Миропомазания». Затем началась Божественная литургия. Во время причастного пения императрица подвела миропомазанную, которую теперь следовало именовать «Благоверная Княжна», к целованию «Святых Икон и ко Святому Причащению».

По окончании литургии их императорские величества, великий князь Константин Николаевич и благоверная княжна Александра Иосифовна принимали поздравления от духовенства, а потом вся императорская семья возвратилась прежним порядком во внутренние покои дворца.

Это событие, важнейшее на пути высокородной пары к венцу, нашло отражение в дневнике Константина Николаевича. «5-го февраля 1848 г. Настал важный день, совершилось миропомазание моей Санны. Она вошла в нашу Православную церковь. Я усердно молился и призывал в помощь Адини, которая я уверен была в это время тут, между нами»³⁴. На следующий день, как мы знаем, предстояло еще одно важное событие — обручение. Для Константина Николаевича было совершенно естественным шагом в данной ситуации посетить место упокоения сестры, которая и после своей кончины продолжала оказывать на него «благодетельное нравственное влияние»³⁵. «По окончании церемонии», — продолжает Константин записывать в дневнике, — «я ходил один-одинешенек по мосткам, в крепость, чтобы помолиться опять³⁶ над могилой своей сестры, которую считаю своим Ангелом-Хранителем»³⁷.

³⁴ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 192. Л. 83.

³⁵ Там же. Л. 78.

³⁶ До этого Константин посещал собор, как следует из дневника, 27 декабря 1847 г. (Прим. В. А., Ю. Е.).

³⁷ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 192. Л. 83.

Обряд обручения, как и последующий за ним обряд бракосочетания (венчания) членов императорского дома, относились к самым ярким, торжественным придворным церемониям. Помимо религиозного компонента, который, безусловно, являлся основополагающим в обоих церемониалах, значительное место занимали и чисто светские элементы — такие как устройство праздничного обеда («обеденного стола»), «пушечная пальба» со стен Петропавловской крепости, как по ходу церковных ритуалов, так и по провозглашении «здравных» тостов на праздничных обедах. Наконец, к сугубо светским мероприятиям нужно отнести придворные балы, которые, согласно церемониалу, являлись завершающими актами этих шумных празднеств.

Начало церемонии обручения Константина Николаевича и Александры Иосифовны было назначено на 11 часов утра 6 февраля 1848 г. Все приглашенные — а это очень широкий круг придворных и знатных особ обоого пола (высшее духовенство, генералитет, старшие офицеры гвардии, армии и флота, высшее чиновничество, российское и иностранное купечество первых двух гильдий) — разместились в дворцовых залах по пути следования императорской семьи в церковь. В сам храм заблаговременно были введены члены Государственного совета и дипломатический корпус. Их присутствие на обручении предусматривалось церемониалом. «Первенствующие чины Двора» присоединились к ним, войдя в церковь в числе лиц, сопровождавших торжественное шествие императорской фамилии. Порядок шествия членов императорского дома сохранился прежним, как и накануне. Сигнал к началу церемонии обручения по церковному образцу дал император, который вывел нареченную пару на середину церкви и вернулся на свое место. Во время церковного обряда «в надлежащее время» из алтаря на золотых блюдах были вынесены обручальные перстни, заблаговременно доставленные туда церемониймейстером императорского двора. Их выносили: для жениха — духовник императора, а для невесты — «обер-священник армии и флотов»³⁸. Митрополит, приняв от них перстни, возложил «оныя при обыкновенной молитве, на руки Государя Великого Князя Константина Николаевича и Благоверной Княжны». Императрица, подошедшая к обручаемой паре, изволила «разменять их перстнями». В это время со стен С.-Петербургской крепости был произведен 51 пушечный выстрел. Огньне на молитвах и «на Ектении Благоверная княжна» должна быть именована «Обрученною Невестюю, Благоверною Государынею Великою Княжною». По совершении обряда обрученные

---

³⁸ В это время духовником императорской фамилии был протопресвитер Н. В. Музовский, а обер-священником армии и флотов — протоиерей В. И. Кутневич.

«принесли благодарение Их Императорским Величествам; а за ними и все Высочайшие Особы» выразили монархам свои поздравления. Константин Николаевич тем временем занял место рядом с невестой. Затем был отслужен благодарственный молебен с коленопреклонением, а при возглашении протодиаконом многолетия с Петропавловской крепости был произведен 31 пушечный выстрел. После этого духовенство принесло поздравления императору и императрице, а также обрученной паре. На этом обряд был завершен, и императорская семья «прежним порядком» вернулась во внутренние покои, за исключением того, что жених теперь шел рядом с невестой.

На обеденный стол, организованный в Мраморной зале³⁹, предписано было остаться только обоюбого пола особам первых трех классов. Церемониалом устанавливалось, что «при питии за здравия», т. е. при возглашении тостов, со стен Петропавловской крепости будет осуществляться пушечная стрельба. Пили за здравие: «Их Величеств» (51 выстрел), а также «Высокообрученных», «Всего Императорского Дома», «Их Светлостей, Владетельных Герцога и Герцогини Саксен-Альтенбургских» и «Духовных и всех верноподданных». Каждый из этих четырех тостов был ознаменован в крепости канонадой из 31 выстрела.

В 8 часов вечера в Георгиевском зале был дан бал, на который съехались все имеющие приезд ко Двору особы обоюбого пола. Были приглашены и члены дипломатического корпуса с супругами. Последние до начала бала имели возможность принести поздравления высокообрученным в Концертном зале.

Весь день при церквях был колокольный звон, а вечером крепость и город были иллюминированы.

На следующий день высокообрученные принимали поздравления. В Зимний дворец к 11 часам съехалось знатное духовенство, военные, чиновничество первых пяти классов. В 12 часов их сменили дамы, имеющие приезд ко двору.

Несколько дней спустя в печати появился высочайший манифест, «возвестивший всех подданных» о важном событии, произошедшем в жизни императорской семьи. Император повелевал именовать свою будущую невестку «Великою Княжною Александрю Иосифовною, с титулом Императорского Высочества»⁴⁰.

Всю зиму Константин Николаевич провел с невестой в Петербурге. 7 мая 1848 г. на фрегате «Паллада» он отправился в Швецию

³⁹ В 1855 г., по решению императора Александра II, Большой Мраморный зал Зимнего дворца был переименован в Николаевский зал.

⁴⁰ Северная пчела 1848. № 33. 11 февраля.

и Данию. Вернулся в Кронштадт месяц спустя — и тут же выехал в летние лагеря в Петергоф. В столице в это время, как и 17 лет назад, свирепствовала холера. Как пишет А. И. Головнин, 28 июня у молодого князя случилось недомогание, «вроде холерического припадка», но его вовремя заметили и предприняли меры. Спустя сутки великий князь был уже «совершенно здоров»⁴¹.

30 августа 1848 г. последовало бракосочетание высокообрученной пары. Дата венчания тщательно выбиралась царем. Свой выбор Николай Павлович обосновал в высочайшем манифесте, выпущенным по этому случаю: «День сей, в который Православная Церковь чествует память Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского, избрали Мы для совершения священного сего обряда в том благоговейном уповании, что молитвами Угодника Божия, Нашего Венценосного Предка, некогда прославившего имя Русское на берегах Невских, несомненно призовется на любезных сердцу Нашему новобрачных благословение Божие без которого суетны и тщетны все дела человеческие»⁴².

Итак, 30 августа 1848 г., в 8 часов утра пять выстрелов со стен крепости «известили городу», что в Зимнем дворце готовится брачное торжество. Светское оформление этого ритуала — одного из самых торжественных и ярких таинств православной церкви — мало чем отличалось от того, что было прописано в церемониале обручения, проведенного за полгода перед этим. Здесь также предусматривался сбор в Зимний дворец всей столичной знати, организация праздничного обеда и бала. Но были и отличия. «Одевание Высокообрученной Невесты» было выделено в отдельную позицию церемониала. Его осуществляли специально назначенные для этого статс-дамы. Жених во время одевания возлюбленной покорно ожидал за пределами внутренних покоев дворца и только по окончании этой процедуры был допущен к невесте в сопровождении обер-церемониймейстера. Во время торжественного шествия императорской фамилии в церковь жених и невеста были третьей парой в процессии и шли вслед за императорской четой и наследником престола с цесаревной. Невеста имела на голове корону и, поверх платья, малиновую бархатную, подложенную горностаевым мехом, мантию с длинным шлейфом, который несли четыре камергера, а конец его нес «Управляющий Двором Его Императорского Высочества генерал-лейтенант граф Кушелев»⁴³. Шествие сопровождалось орудийной пальбой: со стен Петропавловской крепости был произведен 21 выстрел. В церкви, вскоре после начала богослужения, император возвел высокообрученных

---

⁴¹ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 192. Л. 83 об.

⁴² Северная пчела. 1848. № 195. 1 сентября.

⁴³ РГИА. Ф. 469. Оп. 1. Д. 38. Л. 21 об.

на приготовленное венчальное место. Одновременно к молодой паре подошли «с обеих сторон особы, назначенные для ношения венцов над главами Высокосочетавающихся». По ходу венчального обряда на ектениях имя Александры Иосифовны стало употребляться в соответствии с ее изменившимся статусом — как супруги великого князя Константина Николаевича с титулом «Великая Княгиня». По совершении венчания, во время благодарственного молебна с коленапреклонением из крепости прозвучал еще 101 пушечный выстрел. Завершив молебен, духовенство принесло поздравление императору и императрице, а также «Высокобракосочетавшейся» паре.

На праздничном обеде, который был устроен в Большой аванзале, вновь, как и полгода назад, провозглашались тосты — «за здравия». И вновь крепостные артиллеристы не отходили от пушек. Количество выстрелов в ознаменование каждого тоста, по сравнению с обручальным церемониалом, не изменилось.

На бал, по традиции проходивший в Георгиевском зале, были приглашены самые знатные особы города обоего пола, генералитет, старшие офицеры гвардии и флота, «чужестранные министры» и все «имеющие проезд ко Двору». Незадолго до окончания бала наследник престола и цесаревна с великой княгиней Марией Николаевной покинули Георгиевский зал и перешли «для принятия Высоконовобрачных <...> в Их апартаменты». Туда же, «по окончании бала, Их Императорские Величества в предшестве Придворного штата и в последовании статс-дам, камер-фрейлин и фрейлин» изволили «сопровождать Высоконовобрачных». При входе в апартаменты их ждали наследник, цесаревна и великая княжна Мария Николаевна. Они проводили молодых супругов во внутренние комнаты, где Александру Иосифовну ожидала «одна из статс-дам для раздевания».

«В сей день», как указано в церемониале, «имеет быть по всем церквам благодарственное молебствие, и как в оный, так равно и в следующие два дня колокольный звон, а вечером во все помянутые три дня город иллюминирован». Запланированное церемониалом принесение поздравлений новобрачным было «нарочито», выражаясь языком того времени, назначено на 1 сентября. Молодоженам дали один день на отдых.

С. П. Шевырёв

**Стихотворение, поднесенное великому князю
Константину Николаевичу по случаю его бракосочетания**

Что за новый пир веселый
В доме Царском учрежден?
От него пальбой тяжелой
Берег Невский потрясен.
Царь второго сына женит,
Веселится Царский Дом,
И задравный кубок пенит
Вся Россия за Царем.

Благодарные моления
Всходят к Небу без числа:
Без Его благословенья
Наши суетны дела.
Царь в посредники молитвы
Предка славного избрал,
Кто на поле грозной битвы,
Лавры Невские стяжал.

Чье прославленное тело
Жизни светлой чистотой
Петр, свое венчая дело,
Перенес на брег морской:
И оплотом сей святыни
Оградил Он свой престол
И гранитныя твердыни
Держат моря произвол.

Веселись, супруг счастливый,
Русский сердцем и душой,
Ты — моряк неприхотливый,
Ты — баюканный волной.
Неги к праздному веселью
Ты отцом не приучен:
Море дал он колыбелью
Для тебя с твоих пелен.

Про тебя молва такое
Говорит — что пылок ум,
Что кипуче ретивое,
Полно чистых русских дум,

Что все отзвуки родные
Милы сердцу твоему,
Жизни блага коренныя,
Ясны Русскому уму.

Это Божие внушенье
В наши бурны времена,
В нас Господь крепит спасенье,
Дел грядущих семена.
Жизни брачной новоселье,
Праздник братских именин
Сочетал в одно веселье
Ты, послушный брат и сын.

Раздели же сердца радость
С белокаменной Москвой,
Принеси любовь и младость
Показать Москве родной.
Моряки — звезду полночи
Ждут на горню высоту,
Покажи нам ясны очи
И Супруги красоту.

Через несколько месяцев желание Москвы исполнилось. Великий князь прибыл туда в марте 1849 г. Запись в дневнике Константина Николаевича за 27 марта 1849 г.: «Слава Богу, мы в белокаменной, опять среди нашей святыни, опять под благословением Святых угодников Московских. Боже мой, как я счастлив, как мне тут хорошо, как я рад что здесь не один (?), а что Господь удостоил меня быть с женой, с моей милой Санни»⁴⁴.

---

⁴⁴ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 192. Лл. 84 об.–85 об.

**Деятельность великого князя
Константина Николаевича в Святой Земле
в оценке члена Императорского Православного
Палестинского общества М. П. Соловьева**

В связи с происходящей переоценкой целого ряда событий и явлений прошлого усилиями отечественных историков к настоящему времени были возвращены имена многих замечательных государственных деятелей и мыслителей XVIII — начала XX вв. С меньшей предвзятостью стали говорить о реформах прошлых столетий. Модернизационные процессы, охватившие мир в конце XX — начале XXI вв., наступающая четвертая промышленная революция заставили по-новому взглянуть на эпоху Великих реформ второй половины XIX в., внимательнее проанализировать многочисленные сохранившиеся материалы и документы, расширить круг изучаемых персоналий, принявших участие в реформировании всех сфер экономической, политической, военной и культурной жизни общества.

Последние три десятилетия в поле зрения ученых и писателей находится личность и государственное служение великого князя Константина Николаевича (1827–1892) — брата императора Александра II, главы военно-морского флота и Морского ведомства, наместника в Царстве Польском, председателя Русского географического, Императорского археологического и Русского музыкального обществ. Подобное внимание способствует созданию более достоверной картины жизни и деятельности одного из ярчайших представителей Дома Романовых второй половины XIX в. Огромное значение в формировании объективного образа исторического деятеля имеет раскрытие источников и архивных документов, осуществляемое сотрудниками музеев, архивов, библиотек и академическими учеными. Начиная с 1990-х гг. им удалось комментированно опубликовать не только дневники и переписку Константина Николаевича, но и огромный свод личных и официальных материалов, характеризующих его вклад в развитие российской государственности, как одного из авторов Великих реформ и как блистательного дипломата, организатора науки и мецената¹.

---

¹ Например, см.: Дневник вел. кн. Константина Николаевича // Вопросы истории. 1990. № 5, 8, 12; Переписка императора Александра II с вел. кн. Константином Николаевичем / Публ. Л. Г. Захаровой и Л. И. Тютюнник // Российский архив. М., 1992. Вып. II/III. С. 119–237; Переписка императора Александра II с вел. кн. Константином

За прошедшие четверть века увидели свет несколько десятков добротных монографий и не меньшее количество статей, позволяющих объективно взглянуть на великого князя Константина Николаевича как крупнейшего государственного деятеля периода царствования Александра II, дающие возможность осмыслить его роль в формировании внутренней и внешней, а также культурной политики Российского государства².

Раскрытию значения жизни и деятельности великого князя во многом способствовало восстановление Стрельнинского дворца под

Николаевичем, 1857–1861; Дневник великого князя Константина Николаевича. 1858–1861 / Сост., авт. вступ. ст., указ. и коммент. Л. Г. Захарова, Л. И. Тютюнник. М., 1993; Константин Константинович, вел. кн. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма / Вступ. ст., коммент. Э. В. Матониной. М., 1998; Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце: воспоминания. М., 2001; Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров: Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II. М., 1990; Головин А. В. Записки для немногих / Отв. сост. и науч. ред. Б. Д. Гальперин. СПб., 2004; Он же Материалы для жизнеописания царевича и вел. кн. Константина Николаевича. СПб., 2006; Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855–1879 гг. / Отв. ред. В. Г. Чернуха. СПб., 2005; Шестаков И. А. Полвека обыкновенной жизни: Воспоминания (1838–1881) / Сост. В. В. Козырь. СПб., 2006; Воспоминания П. А. Кускова о великом князе Константине Николаевиче / Публ., предисл. и коммент. Ю. А. Кузьмина // Исторический архив. 2008. № 4, 5; Великий князь Константин Николаевич Романов: Эксклюзивный памятный фотоальбом / Авт.-сост. В. П. Моцардо. Самара., 2004.

² Например, см.: Вострышев М. И. Августейшее семейство: Россия глазами великого князя Константина Константиновича. М., 2001; Воронин В. Е. Великий князь Константин Николаевич: Становление государственного деятеля. М., 2002; Воронин В. Е. Польское восстание 1863 года: опыт «Примирительной политики» русского правительства. М., 2008; Воронин В. Е. Русские правительственные либералы в борьбе против «аристократической партии» (середина 60-х – середина 70-х гг. XIX в.). М., 2009; Воронин В. Е. Русская самодержавная власть и либеральная правительственная группировка в условиях политического кризиса (конец 70-х – середина 80-х гг. XIX в.). М., 2010; Завьялова Л. В., Орлов К. В. Великий князь Константин Николаевич и великие князья Константиновичи: история семьи. СПб., 2009; Соколов А. Р. Романовы. На благо России. СПб., 2009; Шевырев А. П. Русский флот после Крымской войны. М., 1990; Иванова Т. Г. В. И. Даль и великий князь Константин Николаевич (к истории публикации «Пословиц русского народа») // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 2000 год. СПб., 2004; Николаева М. В. Генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич и Морское министерство // Константиновский дворцово-парковый ансамбль: хроника, материалы, исследования: сборник статей. СПб., 2010.

Санкт-Петербургом и проведение на его базе и по инициативе его научных сотрудников ежегодных Константиновских чтений³.

Немаловажную роль в возвращении имени великого князя сыграло празднование 1000-летия Крещения Руси и появившиеся в связи с этим возможности активизации православного паломничества в Святую Землю. Деятельность Императорского Православного Палестинского общества (далее ИППО), направленная не только на организацию православного паломничества («Русского Поклонничества»⁴), но и на проведение научно-исследовательской работы, связанной с библейской историей и историей Русской Палестины, привела к изданию целого комплекса трудов, в которых была дана оценка «Иерусалимского проекта» Константина Николаевича и было раскрыто содержание и значение его визита в Палестину в мае 1859 г.⁵

Осмыслению деятельности великого князя Константина Николаевича в созидании Русской Палестины способствовала конференция, прошедшая в январе 2011 г. в Государственном архиве Российской Федерации. В сборник, изданный по ее итогам, вошли «исследования, посвященные истории раннего периода устройства Русской Палестины на Святой Земле, проблемам, связанным с изучением этого явления в российской историографии, и роли великого князя Константина Николаевича как инициатора «Иерусалимского проекта» России на Востоке после Крымской войны»⁶.

Статью крупнейшего исследователя жизни и деятельности великого князя Константина Николаевича профессора В. Е. Воронина,

---

³ См.: Журавская А. Н. Под сенью возрожденного Стрельнинского дворца: о ежегодных Константиновских чтениях // Московский журнал. История государства Российского. 2016. № 9 (309). С. 78–88.

⁴ Константин Николаевич, вел. кн. Письмо императору Александру II. 13/25 мая 1859 г. Бейрут // Российский архив. Вып. II/III. М., 1992. С. 205.

⁵ Например, см.: Лисовой Н. Н. Русское духовное присутствие в Святой Земле в XIX — начале XX вв. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы: в 2 т. Т. 1. М., 2000. С. 21, 23; Он же. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX вв. М., 2006. С. 109–112; Россия в Святой Земле. Документы и материалы: в 2 т. М., 2000; Дмитриевский А. А. Деятельность Русской Палестины / Сост. и автор предисл. Н. Н. Лисовой. М.–СПб., 2010; Смирнова И. Ю. Церковно-дипломатические отношения России и Иерусалимского Патриархата в первое десятилетие после Крымской войны // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 4 (142). История. Вып. 29. С. 101–102; Смирнова И. Ю. Церковно-дипломатические отношения России с Иерусалимским и Антиохийским Патриархатами (вторая треть XIX в.). Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2009.

⁶ Великий князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания: материалы конференции. М., 2012. С. 3.

принявшего участие в работе этой конференции, можно назвать программной в изучении начальной истории Русской духовной Миссии в Палестине. В связи с возникшей потребностью — определить роль представителей Дома Романовых в обеспечении ее работы — ученый дал наиболее яркую и емкую характеристику деятельности великого князя Константина Николаевича в этом направлении. Проведенный в статье анализ документов из фонда А. А. Дмитриевского⁷ позволяет раскрыть личный вклад великого князя в строительство и обустройство русских храмов в Палестине⁸.

Пониманию особенностей научно-исследовательских тенденций конца XIX — начала XX вв. способствует небольшая статья К. А. Ваха, посвященная историографии «первого периода создания Русской Палестины»⁹. Основной акцент в ней поставлен на раскрытии особенностей

---

⁷ ОР РНБ. Ф. 253. Дмитриевский А. А. 933 ед. хр. 1858–1929 гг. Дмитриевский Алексей Афанасьевич (1856–1929) — филолог, археолог; чл.-корр. Петербургской академии наук (1903); действительный статский советник.

⁸ Воронин В. Е. Роль вел. кн. Константина Николаевича в обеспечении деятельности Русской духовной миссии в Палестине: по архивным документам // Великий князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим. С. 11–15. В своей статье, опирающейся на «Документы Палестинского комитета и Азиатского департамента о деятельности Палестинского Общества в Сирии и Палестине (ОР РНБ. Ф. 253. Д. 40), В. Е. Воронин особо указал на следующие факты: 1) с 22 июня 1859 г. вел. кн. Константин Николаевич был председателем Палестинского комитета; 2) 30 августа 1860 г. — освящение русского храма в честь св. блгв. кн. Александра Невского по распоряжению вел. кн. Константина Николаевича; 3) ноябрь 1860 г. — доклад о строительстве церкви во имя св. царицы Александры в память о кончине матери — императрицы Александры Федоровны; 4) посредническая деятельность вел. кн. Константина Николаевича между русским правительством и патриархом Иерусалимским; 5) передача, по инициативе вел. кн. Константина Николаевича, «Иерусалимским заведениям» запасов упраздненных черноморских госпиталей; 6) личные пожертвования вел. кн. Константина Николаевича на строительство и обустройство русских храмов в Палестине: на строительство храма на горе Фаворской, на сооружение Царских врат и иконостаса церкви Святой Живоначальной Троицы в Иерусалиме; 7) тщательный контроль за расходованием средств Палестинского комитета и др.

⁹ Вах К. А. Об изучении первого периода создания Русской Палестины. 1856–1864 // Великий князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим. С. 7–11. В 2009 г. увидела свет книга К. А. Ваха «Великий князь Константин Николаевич на Святой Земле в 1859 году» (М., 2009). Кроме обстоятельной аналитической статьи, раскрывающей роль великого князя в создании Русской Палестины, в нее вошли материалы по истории первого русского августейшего паломничества на Святую Землю, предпринятого вел. кн. Константином Николаевичем в 1859 г. Помимо фрагментов дневника великого князя и его писем из Святой Земли в книгу включены: Отчет о поездке великого князя Константина Николаевича в Святую Землю

изучения и освещения деятельности великого князя. Ученый предложил свою периодизацию ранней историографии, указав на тот факт, что «деятельность великого князя Константина Николаевича в исторических работах конца XIX — начала XX вв. вообще была представлена мало. Его имя оказалось фактически вычеркнутым из официальной истории России в период царствования Александра III»¹⁰. Основание такого отношения К. А. Вах увидел в «хорошо известном либерализме в убеждениях Константина Николаевича»¹¹. По мнению ученого, немного изменилось в историографической ситуации и после воцарения Николая II. В этот временной период великому князю отдали должное в строительстве российского флота в подготовке и проведении Великих реформ. Но его имя «оставалось отрезано от истории русского присутствия в Святой Земле»¹². Единственным исследователем начала XX в., упомянувшим о посещении вел. кн. Константином Николаевичем Иерусалима в 1859 г., был, по мнению К. А. Ваха, литургист и доктор церковной истории А. А. Дмитриевский — автор книги к 25-летию деятельности ИППО¹³. Указывая на необъективность этого историка церкви в описании и оценке событий, связанных с учреждением Палестинского комитета, К. А. Вах приводит фразу из юбилейного исследования: «Государю Императору Александру II благоугодно было, в своих неустанных заботах об улучшении быта русских паломников в Св. Земле, образовать особый, Высочайше утвержденный Палестинский Комитет и во главе его поставить своего старшего (так в источнике. — Прим. Г. А.) брата Его Императорское Высочество великого князя Константина Николаевича. Благодаря этому обстоятельству, ему представилась счастливая возможность побывать в Св. Земле, ознакомиться на месте с бытом наших паломников в Иерусалиме и сделать выбор необходимого места для русских паломнических подворий <...>»¹⁴.

(ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 67), публикация в газете «Одесский вестник» (1859. № 62. 8 июня) о «Пребывании Его Императорского Высочества великого князя Константина Николаевича в Иерусалиме», фрагменты книги К. Тишendorфа о «Поездке на Святую Землю в свите великого князя Константина Николаевича в 1859 году» (Tischendorf K. Aus dem heiligen Lande. Leipzig, 1862) и др.

¹⁰ Вах К. А. Об изучении первого периода создания Русской Палестины. 1856–1864 // Великий князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим. С. 10.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Дмитриевский А. А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века: 1882–1907. СПб., 1907; Он же. Государственные защитники и покровители Святой Земли и августейшие паломники у Живоносного Гроба: речь, произнесенная в присутствии их величеств и высочайших особ в торжественном заседании ИППО 21 мая 1907 г. в Петергофе. СПб., 1907.

¹⁴ Вах К. А. Об изучении первого периода создания Русской Палестины... С. 9.

Обращаясь к истории присутствия России в Святой Земле, следует принять во внимание тот факт, что книги и исследования А. А. Дмитриевского, посвященные истории ИППО и увидевшие свет в 1900-е гг., не стали первыми обобщающими трудами в области истории созидания Русской Палестины.

В 1890-е гг. о Русской Палестине, об «историческом призвании России в Святой Земле», о значении создания и деятельности ИППО написал «достойнейший деятель»¹⁵, «убежденный член Палестинского Общества»¹⁶, юрист, искусствовед, писатель, действительный статский советник, глава управления по делам печати, «многосторонне образованный»¹⁷ Михаил Петрович Соловьев (1842–1901)¹⁸.

Михаил Петрович Соловьев¹⁹ родился 30 октября 1842 г. По окончании юридического факультета Московского университета, получив

---

¹⁵ Из письма Н. М. Аничкова М. Н. Степанову от 28 января 1899 г. Цит. по: Дмитриевский А. А. М. Н. Аничков [Некролог]. СПб., 1916. С. 18.

¹⁶ Доклад Секретаря ИППО В. Н. Хитрово на общем собрании Общества 8 апреля 1901 г. // Хитрово В. Н. Собрание сочинений и писем. Т. 3. Из эпистолярного наследия. / Сост., подг. текста и комментарии Н. Н. Лисового и Л. А. Герд. М.–СПб., 2012. С. 296.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Соловьев М. П. Святая Земля и Православное палестинское общество. М., 1891; Он же. Отзыв русского паломника о Бейрутских женских школах Общества // Сообщения ИППО. 1892. Т. 3. Февраль. С. 34–40; Он же. Святая Земля и Россия: речь действительного члена ИППО М. П. Соловьева при торжественном открытии Калужского отдела Общества в Вербное воскресенье 10 апреля 1894 г. СПб., 1894; Он же. Историческое призвание России в Святой Земле: Публичная лекция, чит. в пользу Эстляндской общины сестер милосердия Красного Креста в Ревеле 25 ноября 1893 г. Тобольск, 1894; Он же. По Святой Земле: (1891 г.). – СПб., 1897; Он же. Святая Земля и Россия. СПб., 1900.

¹⁹ Основным источником, дающим возможность проследить весь жизненный путь М. П. Соловьева, стали некрологи, опубликованные в газетах и журналах, и библиографические и биобиблиографические труды Д. Д. Языкова. См.: Гольдберг Г. А. Альманах современных русских государственных деятелей. СПб., 1897. С. 1063–1064; М. П. Соловьев [Некролог] // Московские ведомости. 1901. № 11. С. 2; Некролог // Новое время. 1901. 9 (22) января. № 8933. С. 4; Хитрово В. Н. Доклад Секретаря ИППО В. Н. Хитрово на общем собрании Общества 8 апреля 1901 г. // Сообщения ИППО. 1901. Т. XII. № 1. С. 4–21; И. Я. [Ясинский И.И.] М. П. Соловьев // Ежемесячные сочинения. Литературный журнал. СПб., 1901. Январь. Т. 4. № 1–4. С. 163–166; М. П. Соловьев [Некролог] // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1901. Т. 83. № 2 (февраль). С. 850–851; М. П. Соловьев [Некролог] // Литературный вестник. Издание Русского библиологического общества. СПб., 1901. Т. I. Кн. II. С. 259–260; Языков Д. Д. Материалы для «Обзора жизни и трудов русских писателей и писательниц». Вып. 21. Р–С (1901) // РГАЛИ. Ф. 637. Языков Д. Д. Оп. 1. Ед. хр. 30. Лл. 78–85.

в 1863 г. степень кандидата прав, он отправился в Привисленский край и «начал службу в Царстве Польском в комиссии по устройству крестьян»²⁰. В течение десяти лет (1863–1873) занимал должность чиновника особых поручений при Гродненском губернаторе, был мировым посредником, председателем Белостокско-Бельского мирового съезда и членом-редактором Варшавской юридической комиссии. Выйдя во временную отставку, он вернулся в Москву и в течение восьми лет был присяжным поверенным по Московскому судебному округу. В 1881 г. М. П. Соловьев поступил на службу старшим помощником юрисконсульта Военного министерства, а в 1890 г. занял должность делопроизводителя канцелярий того же министерства с производством в чин статского советника²¹.

25 мая 1896 г. произошло одно из важнейших событий в служебной карьере М. П. Соловьева: его назначили членом Совета Главного управления по делам печати «с производством в действительные статские советники», и до 1 января 1900 г. он исправлял должность начальника этого Управления.

Эти три с половиной года способствовали появлению самых противоречивых оценок М. П. Соловьева как государственного деятеля и государственного чиновника. Так, например, главный хранитель музея и библиотеки Общества любителей древней письменности Е. М. Опочинин в своих воспоминаниях охарактеризовал М. П. Соловьева как «человека малодушного, злого, коварного», «притом еще узкого, малообразованного и от природы неумного», «вскормленного канцелярщиной, погруженного в рутину», «давившего немилосердно на злосчастную русскую печать»²². Главный редактор литературного журнала «Ежемесячные сочинения», писатель, журналист, критик и переводчик И. И. Ясинский, вспоминая о своих рабочих встречах с чиновником, отмечал, что М. П. Соловьев «производил впечатление вообще несколько сухого человека, но крайне убежденного», что он «был интересным человеком». Но, к сожалению, «как начальник печати, он сумел возбудить против себя почти всю пишущую братию, но именно потому, что он также относился пренебрежительно к газетам, как, обыкновенно, относимся все мы сами»²³. Русский философ и мыслитель В. В. Розанов, говоря о своем «почитании» М. П. Соловьева,

---

²⁰ М. П. Соловьев [Некролог] // Исторический вестник. 1901. Т. 83. № 2. С. 851.

²¹ Биографические данные приводятся по: Языков Д. Д. Материалы для обзора жизни и трудов русских писателей и писательниц. Вып. 21. Р–С. Лл. 78–85; Соловьев Михаил Петрович // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1900. Т. 60 (XXXa). С. 796.

²² Опочинин Е. Н. Воспоминания. 1920-е гг. // РГАЛИ. Ф. 361. Опочинин Е. М. Оп. 1. Ед. хр. 10. Лл. 101–102.

²³ И. Я. [Ясинский И. И.] М. П. Соловьев // Ежемесячные сочинения. Литературный журнал. СПб., 1901. Январь. Т. 4. № 1–4. С. 163.

характеризовал его как «одного из самых честных людей», как «прекраснейшего человека, правдивого, сурового, редко-доброго»²⁴.

Публиковать научные работы и исследования, посвященные юридическим вопросам, Михаил Петрович Соловьев начал в 1870-е гг., во время службы в Привисленском крае. Это был труд «О недействительности брака и разводе по законам Царства Польского»²⁵. Затем увидело свет исследование по истории Прибалтийского края²⁶. Юридические статьи помещались в «Юридическом вестнике», издаваемом Московским юридическим обществом.

В 1880-е гг. М. П. Соловьев начал активно сотрудничать с газетами и журналами, отсылая в редакции свои статьи по истории искусства. В знаменитом «Вестнике изящных искусств», издаваемом русским искусствоведом и хранителем Эрмитажа А. И. Сомовым, были опубликованы такие статьи и заметки, как «Христианское искусство до эпохи иконоборцев»²⁷, «Иллюстрация Священного Писания»²⁸, «Художественное образование во Франции»²⁹, «Музей древнерусского искусства в Академии художеств»³⁰, «Византийские эмали г. Звенигородского»³¹. Он выступил в качестве рецензента таких известных научных трудов, как «История византийского искусства, рассматриваемого главным образом в миниатюрах» Н. П. Кондакова³², «Египетская археология» Г. Масперо³³, «Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной» А. Прохорова³⁴ и др.

²⁴ Розанов В. В. Автограф-отзыв на письме М. П. Соловьева // ОР РГБ. Ф. 249 (Розанов В. В.). М. 4208. Ед. хр. 1. Л. 1–1 об. Соловьев М. П. Письма В. В. Розанову. 1896 г. Приложен отзыв В. В. Розанова о М. П. Соловьеве. Автограф В. В. Розанова.

²⁵ Соловьев М. П. О недействительности брака и разводе по законам Царства Польского. М., 1873.

²⁶ Он же. Очерки истории Прибалтийского края. Ч. 1. СПб., 1883.

²⁷ Вестник изящных искусств (далее ВИИ). 1883. Т. I. Вып. III. Стлб. 329–355.

²⁸ ВИИ. 1884. Т. II. № 10 (15 мая). Стлб. 245–251; № 11 (1 июня). Стлб. 277–285.

²⁹ ВИИ. 1884. Т. II. № 18 (15 сентября). Стлб. 472–477.

³⁰ ВИИ. Художественные новости. 1885. Т. III. Стлб. 57–66.

³¹ Там же. Стлб. 289–298.

³² Соловьев М. П. Рецензия: Kondakow N. Histoire de l'art byzantin considéré principalement dans les miniatures. Paris, 1886 (Кондаков Н. История византийского искусства, рассматриваемого главным образом в миниатюрах. Париж, 1886. Т. 1) // Вестник изящных искусств. Художественные новости. 1887. Т. V. Стлб. 122–134.

³³ Соловьев М. П. Рецензия: G. Maspero. Archéologie Egyptienne (Масперо Г. Египетская археология. Париж, 1887) // Вестник изящных искусств. Художественные новости. 1887. Т. V. Стлб. 294–297.

³⁴ Соловьев М. П. Рецензия: Русские древности, издаваемые В. Прохоровым. 1876; Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной, издаваемые по Высочайшему повелению А. Прохоровым. 1883 // Вестник изящных искусств. 1883. Т. I. Стлб. 337–341.

Двадцать лет М. П. Соловьев сотрудничал с газетой «Московские ведомости», в которой вел постоянную рубрику — «Петербургские художественные новости». Именно в этой московской газете сосредоточилась вся его «литературная деятельность»³⁵. Также он активно сотрудничал и с «Русским обозрением», напечатав на его страницах статьи: «Ветхозаветный храм», «Очерки Абиссинии», «По Святой Земле» и «Письма из Италии».

В 1890 г. увидела свет его монография, посвященная творчеству писателя и историка искусств А. В. Вышеславцева³⁶, а в 1900 г. — труд «Символисты в Венеции»³⁷.

Публикация статьи «Иллюстрация Священного Писания» в журнале «Вестник изящных искусств» положила начало художественно-графическим размышлениям М. П. Соловьева о том, какими должны быть лицевые печатные издания текстов Нового Завета. Как художник-миниатюрист, он предложил свое видение образа Библейских книг и сначала создал иллюстрации к «Божественной комедии» Данте, затем серию листовых евангельских миниатюр³⁸ и рукописную книгу «Нагорная проповедь»³⁹. Члены редакции «Московских ведомостей» оценили художественный талант М. П. Соловьева как «необыкновенный», а его иллюстрации назвали «тонкими работами по библейской живописи»⁴⁰.

В 2000 г. несколько акварелей М. П. Соловьева были представлены на выставке Государственного Русского музея «Иисус Христос в христианском искусстве и культуре XIV–XX вв.» и вошли в ее каталог. Представляя графические работы М. П. Соловьева, сотрудники Русского музея оценили миниатюры М. П. Соловьева как «оригинальные, непохожие на евангельские иллюстрации его современников». Эти работы «очень красивы по цвету и декоративны. И главное — исполнены с огромной любовью, проникнуты глубоким, искренним религиозным чувством, что особенно важно при иллюстрировании Евангелия»⁴¹.

---

³⁵ Некролог [М. П. Соловьев] // Новое время. 1901. 9 (22) января. № 8933. С. 4.

³⁶ Соловьев М. П. Алексей Владимирович Вышеславцев: Для близких людей. СПб., 1890.

³⁷ Соловьев М. П. Символисты в Венеции. Б.М., 1900.

³⁸ Иисус Христос в христианском искусстве и культуре XIV–XX вв. Каталог выставки ГРМ, науч. рук. Е. Н. Петрова; авт. ст. В. Булкин, Т. Вилинбахова, М. Петров, Е. Петрова, И. Плешанова. СПб., 2000. С. 122, 123, 128, 129, 134, 150–151, 519. №№ 94, 99, 107, 117, 118, 119, 246, 298.

³⁹ «Нагорная проповедь»: [лицевая] / составлена и оформлена М. П. Соловьевым. СПб. 2/XI–1884 – 21/IV–1885 // ОР РГБ. Ф. 178. № 8328.

⁴⁰ М. П. Соловьев [Некролог] // Московские ведомости. 1901. № 11. С. 2.

⁴¹ Иисус Христос в христианском искусстве и культуре XIV–XX вв. Каталог выставки. С. 151.

Статьи и монографии по истории искусства, а также опыты по иллюстрированию Нового Завета принесли М. П. Соловьеву признание и известность «тонкого знатока живописи и церковных древностей»⁴². Императорская Академия наук «избрала его, как знатока изящных искусств, рецензентом известных трудов Н. М. Благовещенского “Греческая пластика” и покойного А. В. Вышеславцева “Биография Рафаэля”». Академия художеств также «присудила звание почетного вольного общника за его акварели к тексту Евангелия»⁴³.

Последний год своей жизни он трудился в Министерстве внутренних дел, будучи членом Совета министра. Скончался Михаил Петрович Соловьев, названный его современниками и единомышленниками «неутомимым бойцом за веру и правду»⁴⁴, после продолжительной болезни 8 января 1901 г. Его похоронили на Никольском кладбище Александро-Невской лавры⁴⁵.

Михаил Петрович много путешествовал, посещая святые для православного человека места, часто бывая в Греции и Италии. Результатом одной из таких поездок стала заметка «Бар-град». В ней, по словам одного из читателей, «тонкие наблюдения туриста идут рука об руку с замечаниями знатока-археолога, представляющими и чисто научный интерес. Не обойден и исторический элемент. История перенесения мощей святителя Николая передана просто и вместе с тем изящно»⁴⁶.

В 1890 г., за десять лет до своей кончины, «глубоко и убежденно верующий» М. П. Соловьев «посетил Святой Град, молился на Голгофе, лобызал камень Гробницы Господней»⁴⁷, и по возвращении, в 1891 г. он стал активным членом ИППО, членом Совета Общества и председателем Отделения пособия православным паломникам⁴⁸.

Литературным итогом поездок по Палестине стали труды «Святая Земля» (СПб., 1895) и «По Святой Земле (1891 г.)» (СПб., 1897). Рецензию на книгу «По Святой Земле» опубликовали «Московские ведомости», отметив «обстоятельность, искренность и изящество изложения», «живость и ясность слога»⁴⁹.

⁴² М. П. Соловьев [Некролог] // Московские ведомости. 1901. № 11. С. 2.

⁴³ Некролог [М. П. Соловьев] // Новое время. 1901. 9 (22) января. № 8933. С. 4.

⁴⁴ М. П. Соловьев [Некролог] // Московские ведомости. 1901. № 11. С. 2.

⁴⁵ Петербургский некрополь. Т. 4. СПб., 1913. С. 137.

⁴⁶ Языков Д. Д. Материалы для обзора жизни и трудов русских писателей и писательниц. Вып. 21. Р–С. Л. 84.

⁴⁷ Хитрово В. Н. Доклад Секретаря ИППО В. Н. Хитрово на общем собрании Общества 8 апреля 1901 г. С. 296.

⁴⁸ Данные приводятся по изданию: Хитрово В. Н. Собрание сочинений и писем. Т. 3. Из эпистолярного наследия. С. 106.

⁴⁹ А. Библиография. По Святой Земле. М. П. Соловьев. По Святой Земле. (1891 г.). С 34 рис. в тексте. СПб., 1897. 342 с. Ц. 2 р. // Московские ведомости. 1897. № 100.

Давая характеристику трудам М. П. Соловьева, связанным с его деятельностью как члена ИППО, как писателя, художника и паломника, необходимо привести пространный фрагмент рецензии (тем более что слова рецензента очень созвучны мыслям вел. кн. Константина Николаевича, зафиксированным в его письмах)⁵⁰. Вот что считал необходимым отметить рецензент: «Описывая различные явления палестинской жизни, автор приводит попутно и подробные исторические данные, характеризующие каждое явление, прослеживая, таким образом, все фазисы их изменчивой судьбы, останавливая внимание преимущественно на тех фактах, которые являются для всякого русского человека наиболее существенными и заслуживающими внимания».

Ввиду чрезвычайного разнообразия многочисленных наблюдений и фактов, наполняющих собой книгу М. П. Соловьева, мы совершенно не имеем возможности сделать подробную характеристику содержания книги и считаем достаточным указать только некоторые выдающиеся части ее, которые нам кажутся наиболее интересными. В этом отношении особенно заслуживает внимания вопрос о положении восточного христианства в Палестине.

Святая Земля, говорит автор, храня в себе Гроб Искупителя мира, является единственным местом, где сходятся мнения самых противоречивых исповеданий. Начиная с VII столетия, различные иноверные народы употребляли все усилия, чтобы стереть с лица земли погребальное ложе Богочеловека, но до конца дней многогрешной земли это каменное ложе будет тянуть к себе верующих, исторгать из очей слезы отрады и умиления и отпускать с примиренною душою припадающих к нему. «Здесь единственное место на земном шаре, где на одном и том же престоле служат литургию православные, армяне, латиняне, не смущаясь тем, что святость его нарушается таким совместительством». Только одни протестанты не считают себя достойными присоединяться к молитвенному хору христиан; на многих из них, по словам автора, Гроб производит даже самое неприятное впечатление. Протестантизму, говорит автор, и не может быть «места у Гроба воскресшего Богочеловека, ибо не Он основание их веры, а некий фантом, которого они тщетно стараются себе усвоить».

Русская духовная миссия в Палестине была до сих пор единственною хранительницей заветов Православия, употребляя всемерные усилия для примирения национальностей. Брошенная, однако, почти на совершенный произвол судьбы, «находясь в канонической зависимости и уклоняясь от обострения отношений к патриархии, русская духовная

---

⁵⁰ См.: Вах К. А. Великий князь Константин Николаевич на Святой Земле в 1859 г. С. 34–50.

миссия не могла сделать ничего ни для русских поклонников, ни для православных туземцев. Равнодушие к Православию и чиновничий космополитизм, которыми заражены были наши заграничные дипломаты, не благоприятствовали историческим задачам России на Востоке, установленными нашею религией и многовековыми народными стремлениями в Святую Землю, но только в недавнее время начинающими входить в сознание образованного общества”. Если русские, говорит автор, стали теперь твердою ногою на Святой Земле, то, конечно, этим Россия обязана начальникам нашей духовной миссии и главным образом неусыпной стойкой деятельности архимандрита Антонина.

Дальнейший успех нашего дела обеспечен основанием Палестинского общества, имеющего внушительное значение в глазах туземцев в виду непосредственной близости его к верховной власти. Благодаря усилиям Палестинского общества и его августейшего председателя в настоящее время русские паломники имеют полную возможность совершать путешествие в Святую Землю со значительными удобствами и без особенных затруднений. Приятное впечатление производит и пребывание в Иерусалиме. Благодаря попечительным заботам Палестинского общества русские люди находят себе необходимый приют и вполне обеспечены от всякой эксплуатации.

“Приехав в Иерусалим, говорит автор, русский попадает точно к старым друзьям или к родным и, уезжая, уносит самое отрадное воспоминание о хороших людях, поселившихся под знойным небом Святой Земли. Богатство веры, раскрываемое в Иерусалиме, дает этому городу реальное значение в среде верующих, поддерживает их силы, передается в устных рассказах и силой непосредственного воздействия паломников на своих земляков, по возвращении домой, другим, не бывшим у Святых мест, и затем неизбежно, хотя и неуловимо, отражается в различных сторонах их деятельности”⁵¹.

Главный редактор «Ежемесячных сочинений» И. И. Ясинский оценил описания Святой Земли, данные М. П. Соловьевым, как «дельные, прекрасные и точные»⁵².

Михаил Петрович Соловьев в публичных речах и лекциях счел необходимым поделиться своими мыслями об исторической связи «Святой Земли и России» и «Историческом призвании России в Святой Земле»⁵³,

⁵¹ Московские ведомости. 1897. № 100.

⁵² И. Я. [Ясинский И. И.] М. П. Соловьев // Ежемесячные сочинения. Литературный журнал. СПб., 1901. Январь. Т. 4. № 1–4. С. 164.

⁵³ Соловьев М. П. Святая Земля и Россия; Он же. Историческое призвание России в Святой Земле.

за что получил в зарубежной историографии XX в. прозвание «панславистского лидера», «греко-ненавистника» и «человека, поднявшего волну анти-греческой кампании»⁵⁴. Американский исследователь греческого происхождения Ф. Г. Ставр в своей неприязни к М. П. Соловьеву и его идеям, а также к русской политике в Святой Земле пришел к выводу о том, что именно «под влиянием этого панслависта» и «грекофоба» М. П. Соловьева в 1890-е гг. вышло «большое число публицистических изданий ИППО»⁵⁵.

Важнейшим, интересным и, в первую очередь, редким для конца XIX в. историографическим фактом, в котором присутствует оценка деятельности вел. кн. Константина Николаевича в связи с реализацией «Иерусалимского проекта», явилась книга М. П. Соловьева «Святая Земля и Православное Императорское палестинское общество», изданная университетской типографией в Москве в 1891 г.⁵⁶

«Главным пафосом этого писания» и основной идеей этого труда, по мнению историка и философа Н. Н. Лисового, стал «вопрос о верности вселенскому сознанию, о понимании русского православного присутствия в мире как служения Церкви Христовой»⁵⁷. В ее пяти главах рассматриваются серьезнейшие историко-политические, церковно-государственные и международные проблемы, связанные со Святой Землей и присутствием в Палестине различных христианских конфессий, а также вопросы выстраивания отношений между христианами и арабским миром. В первых двух главах раскрывается как история христианского паломничества новокрещенных народов Европы, так и история русского православного паломничества как важной составляющей народной дипломатии от времен князя Владимира до момента создания Палестинского общества. Также показаны особенности работы ИППО, проанализированы его уставные документы и сформулированы главные задачи его деятельности.

По мнению М. П. Соловьева, Святая Земля и отношение к ней русского народа стали одним из важнейших начал национальной истории. А паломничество «простых людей сеяло в продолжение веков крепкие народные связи между русскими и восточными христианами в самом центре христианства»⁵⁸. Охарактеризовав особенности выстраивания

---

⁵⁴ Цит. по: Лисовой Н. Н. В поисках вселенского единства. О книге и ее авторе // Соловьев М. П. Святая Земля и Императорское Православное Палестинское общество: к 130-летию основания ИППО (1882–2012). М., 2012. С. 8, 19.

⁵⁵ См. примечания к: Хитрово В. Н. Собрание сочинений и писем. Т. 3. С. 294.

⁵⁶ Соловьев М. П. Святая Земля и Православное Императорское палестинское общество. М., 1891.

⁵⁷ Лисовой Н. Н. В поисках вселенского единства... С. 23–24.

⁵⁸ Соловьев М. П. Святая Земля и Императорское Православное Палестинское Общество. М., 2012. С. 34.

взаимоотношений Руси-России с христианским миром в XV–XVIII вв., М. П. Соловьев, как знаток библейской и церковной истории, прекрасно ориентировавшийся в вопросах восточной политики, указал на то, что «неразрывная, извечная связь церкви и государства в православном мире» «роковым образом и неизбежно соединяет вопрос о православии с вопросом восточным, т. е. об изгнании халифа в Мекку или Медину»⁵⁹.

В историческом обзоре после оценки успехов внешней политики императрицы Екатерины II и Александра I, после раскрытия содержания прусского проекта 1851 г. по Иерусалиму и политики англиканской церкви в Святой Земле, М. П. Соловьев пере-шел к рассказу о контрпроекте русского правительства середины XIX в. — о миссии архимандрита Порфирия (Успенского), о роли Восточной (Крымской) войны, которая «не пошатнула обаяние России»⁶⁰.

М. П. Соловьев пятнадцать страниц этапного труда, раскрывающего роль и предназначение ИППО в Святой Земле, посвятил деятельности вел. кн. Константина Николаевича в 1856–1864 гг. во главе Иерусалимского комитета.

Прежде чем перейти к оценке трудов вел. кн. Константина Николаевича, исследователь привел статистику растущего «русского странничества» в Иерусалим и указал на возникшие в связи с этим у государства в 1857–1859 гг. «заботы о русских поклонниках»⁶¹.

Отправной точкой в формировании новой системы «дипломатических действий во Святой Земле», по мнению автора книги, стало учреждение в 1857 г. Русского Общества Пароходства и Торговли (РОПиТ), должного заниматься в том числе и перевозкой паломников. Следующим шагом на пути утверждения России в Святой Земле стало командирование от Морского министерства Б. П. Мансурова, донесения которого стали непосредственно получать имп. Мария Александровна и вел. кн. Константин Николаевич (в годы царствования Николая I напрямую доступу документов и донесений из Палестины всячески сопротивлялся министр иностранных дел К. В. Нессельроде, о чем также очень подробно пишет М. П. Соловьев). Итак, в первый раз имя великого князя упоминается в связи со строительством новых отношений на христианском Ближнем Востоке, с появившейся возможностью непосредственно получать информацию из Иерусалима, минуя высшее чиновничество (что происходило в предыдущую эпоху).

Далее М. П. Соловьев констатирует, что оба представителя царствующего дома (имп. Мария Александровна и вел. кн. Константин Николаевич) с «симпатией» отнеслись к «народному вековому тяготению ко Святым

⁵⁹ Там же. С. 37–38.

⁶⁰ Там же. С. 46.

⁶¹ Там же.

Местам»⁶². Пришло понимание необходимости «иметь свои учреждения, свои приюты, где бы странники могли найти защиту, убежище» и быть в Святой Земле как дома. Согласно указу императора Александра II, государственное казначейство отпустило 500 тыс. руб., и начался «сбор пожертвований, давший в 1857–1864 гг. 536 129 руб.». Это был третий шаг, совершенный Россией, к которому имел отношение вел. кн. Константин Николаевич. «Для принятия пожертвований и распоряжений был учрежден Палестинский комитет под председательством вел. кн. Константина Николаевича, не подчиненный ни одному из высших государственных учреждений»⁶³.

Затем М. П. Соловьев подробно описывает визит «августейшего председателя в 1859 г. в Святую Землю». Автор книги с удовольствием говорит о том, что Константин Николаевич стал «первым русским великим князем, вступившим на священную почву, и первым христианином, после крестоносцев, пред которым раскрылись ворота Соломонова храма на горе Мориа и мечети, осеняющей скалистое гумно Орна иевусея, подножие прежнего святилища ветхозаветного храма»⁶⁴.

В ходе этого визита был решен вопрос о «приобретении обширного участка земли под проектируемые русские постройки». Иерусалим «получил русского консула, которому исключительно было поручено заботиться о быте паломников», и возобновилась Духовная Миссия⁶⁵.

Реализации начатого великим князем дела созидания Русской Палестины, по мнению М. П. Соловьева, активно мешало внешнеполитическое ведомство России — ведь «Русское консульство в Иерусалиме было неприятным учреждением для дипломатов того времени, в школе Нессельроде пропитавшихся космополитическими, западными тенденциями, не способными понять национальную важность палестинских дел и сочувствовать глубоко религиозному, мистическому духу народа»⁶⁶. Сложность строительства отношений между Иерусалимской Патриархией и Миссией, консулом и комитетом, отзыв архимандрита Леонида (Кавелина) — все это могло остановить дело Русской Палестины, так активно начатое вел. кн. Константином Николаевичем.

В своей книге М. П. Соловьев обратил особое внимание читателей на печальное событие в истории Русской Палестины: в 1863 г. назначенный в Варшаву наместником в Царстве Польском вел. кн. Константин Николаевич вынужден был сложить с себя председательство в Палестинском комитете, а комитет «примкнул к одному из министерств и вошел

---

⁶² Там же. С. 49.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. С. 50.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. С. 51.

в состав Министерства иностранных дел»⁶⁷. Спасителем дела Константина Николаевича стал архимандрит Антонин (Капустин). Его стараниями пришло понимание того, что «Палестинское дело — это новая государственная задача, вдвинутая народом в русскую политику»⁶⁸.

Завершая размышления об оценках деятельности великого князя в Святой Земле, данных паломником, писателем, художником, активным членом ИППО М. П. Соловьевым, нельзя не указать на удивительно совпадение того, как описывают свои впечатления о молитве у Гроба Господня вел. кн. Константин Николаевич и чиновник и писатель Михаил Петрович Соловьев.

В мае 1859 г. великий князь писал своему брату — императору Александру II: «Вот наше Иерусалимское путешествие, на поклонение Святыне Господней, по благословению Божию, благополучно совершилось и оставило в нас всех, которые удостоились этого счастья, неизгладимое впечатление и память на всю жизнь. Описать, что чувствуешь, что происходит в душе, когда мы прильнули губами к Святому Гробу и к Голгофе, когда мы осматривали места, озаменованные земной жизнью Иисуса Христа <...> нет никакой возможности. <...> у меня вся душа обращалась в молитву, а между тем я слов для выражения молитвы не находил»⁶⁹.

В сентябре 1896 г. в письме В. В. Розанову, отвечая на выпады своих противников, М. П. Соловьев написал: «Г. Филиппов облыжно называет меня врагом Гроба Господня. Я искренне желал бы ему пережить все то, что я испытал у Святого Гроба и на Голгофе, и расстаться с ними столь же утешенным, как сподобился я»⁷⁰.

«Блестящий собеседник, горячий поклонник искусства в высшем его, религиозном, проявлении»⁷¹, М. П. Соловьев стал тем замечательным историком Русской Палестины, который смог достаточно полно и объективно раскрыть роль вел. кн. Константина Николаевича в защите интересов «русских поклонников», в строительстве так необходимых зданий, приютов и православных храмов.

Все вышесказанное позволяет говорить об историческом и историографическом значении работ М. П. Соловьева, увидевших свет в 1890-е гг. и переизданных в 2012 г.

⁶⁷ Там же. С. 54–55.

⁶⁸ Там же. С. 60.

⁶⁹ Письмо вел. кн. Константина Николаевича имп. Александру II. 13/25 мая 1859 г. Бейрут // Российский архив. Вып. II/III. М., 1992. С. 204–205.

⁷⁰ Соловьев М. П. Письма В. В. Розанову. 1896 г. // ОР РГБ. Ф. 249 (Розанов В. В.). М. 4208. Ед.хр. 1. Л. 5

⁷¹ М. П. Соловьев [Некролог] // Московские ведомости. 1901. № 11. С. 2.

**Духовенство в штате Придворной конторы
великого князя Константина Николаевича
Введенская церковь Мраморного дворца
(1848–1892)**

Жизнь вел. кн. Константина Николаевича (1827–1892) пришлась на наиболее яркий период в истории русского XIX столетия — эпоху великих реформ, одним из идеологов которой он был. Это определяет интерес исследователей к жизни и деятельности не только самого генерал-адмирала, но и его непосредственного окружения, где особое место занимают служащие, входившие в штат великокняжеской Придворной конторы.

Значительную роль в повседневной жизни русского императорского двора играло придворное духовенство¹. В резиденциях вел. кн. Константина Николаевича существовало два основных храма, к которым были причислены штатные священнослужители. Состав и структура духовенства, приписанного к Стрельнинской придворной Спасо-Преображенской церкви, были подробно рассмотрены нами в работе, опубликованной в 2017 г.² В новой статье речь пойдет о второй группе — о клириках, служивших в Введенской домово́й церкви Мраморного дворца.

Основной корпус источников составляют документы из фондов РГИА: Канцелярии заведующего придворным духовенством МИДв (ф. 805), Канцелярии Св. Синода (ф. 796), Духовного правления при протопресвитере военного и морского духовенства Синода (ф. 806), Канцелярии Министерства императорского двора (МИДв) (ф. 472),

---

¹ Придворное духовенство — клирики, служившие при русском императорском дворе. Подробнее см.: Федорук В. Н. Придворное духовенство // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия: в 3 тт. Т. 2: Десятинадцатый век. Кн. 5. П–Р. СПб., 2008. С. 602–603; Жерихина Е. Н. Придворные церкви // Там же. С. 655–662; Зимин И. В. Повседневная жизнь Российского императорского двора. Взрослый мир императорских резиденций. СПб., 2011. С. 429–474 (гл. «Духовники российских императоров»); Шавельский Г., протопресвитер. Русская церковь пред революцией. М., 2005. С. 416–417; и др.

² См.: Алексеева Т. А. Духовенство в штате Придворной конторы вел. кн. Константина Николаевича: Стрельнинское дворцовое управление (1848–1892) // Константиновский дворцово-парковый ансамбль: исследования и материалы. СПб., 2017. С. 31–60.

(ф. 499), Придворной конторы вел. кнг. Константина Николаевича и вел. кнг. Александры Иосифовны (ф. 537). Прежде всего, это документы официального делопроизводства: формулярные списки духовенства, формулярные ведомости, переписка по делам Придворной конторы и домовых храмов и др. Важное место занимают материалы церковно-приходского учета: метрические книги, исповедные росписи, книги брачных обысков³. В качестве вспомогательного материала используются источники личного происхождения и справочные издания (см. Приложение 2). Подавляющее большинство изученных архивных документов впервые вводится в научный оборот, что определяет, наряду с темой и кругом поставленных задач, актуальность и новизну исследования.

Придворная контора вел. кн. Константина Николаевича была высочайше учреждена 30 августа 1848 г. — в день его бракосочетания с принцессой Александрой Саксен-Альтенбургской⁴. Официальной великокняжеской резиденцией стал Мраморный дворец, пожалованный великому князю в декабре того же 1849 г. в вечное и потомственное владение и получивший с этого времени наименование Константиновский⁵. «Церковью Константиновского дворца» официально именовался с 1849 г. и небольшой домовый храм, освященный во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы и имевший статус придворного.

Духовенство Введенской церкви Мраморного дворца, «со всем причтом и прислугою», вошло в штат великокняжеского двора 30 августа 1848 г. (до этого времени клир храма состоял в ведении Департамента

³ К сожалению, клировые ведомости церкви Мраморного дворца за исследуемый период нами обнаружены не были.

⁴ ПСЗ РИ. Собр. II (1825–1881). Т. 23 (1848). Ч. I. Законы. С. 561. № 22538; Ч. II. Штаты и табели. С. 167–169. После смерти вел. кн. Константина Николаевича в 1892 г. контора была переименована в Придворную контору вел. кнг. Александры Иосифовны, а после ее смерти (†1911) в 1912 г. была упразднена (см.: ПСЗ РИ. Собр. III (1881–1913). Т. 32 (1912). С. 784. № 37383). Данные о структуре и личном составе императорского и великокняжеских дворов ежегодно публиковались в адрес-календарях и придворных календарях, а также в других справочных изданиях («Всеобщая адресная книга С.-Петербурга, 1867–1868» и др.).

⁵ «Предназначенный Указом моим 6 марта 1832 г. Департаменту уделов данным, любезнейшему сыну моему Е. И. В. В. К. Константину Николаевичу и вновь перестроенный Мраморный дворец со всем убранством и принадлежащим к нему Служебным домом, Всемилостивейше жалуя в дар Е. И. В. в вечное и потомственное владение, повелеваю Дворец сей именовать Константиновским». Подписано: Николай. 20 декабря 1849 года. // РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 71. Л. 351. См. также: ПСЗ РИ. Собр. II. Т. 24 (1849). Ч. II. Законы. С. 326. № 23748.

уделов). В соответствии с штатным расписанием, при церкви числились два священнослужителя — священник и диакон, а также несколько церковнослужителей⁶: два псаломщика, просвирня, два пономаря и «сторож из инвалидов, для прислуги»⁷. На придворное духовенство было возложено не только совершение богослужений, таинств и треб, но и ведение документов первичного метрического учета⁸, поскольку для проживающих при дворце придворнослужителей церковь фактически являлась приходской⁹.

Помимо выплат, ассигнованных из Главного казначейства (в год священнику жалования 429 и столовых 286, всего 715 руб. сер.; диакону 286 и 286 соответственно, всего 572 руб. сер.), духовенство получало из удельных сумм «на рясы» («на бархат и шелковую материю») по 121 руб. 57½ коп. Несколько раз в год (к Пасхе, Рождеству, а также «за окропление св. водою внутренних покоев дворца, в храмовый праздник и в день Богоявления Господня») «из личных сумм его высочества» клиру выдавалось денежное вознаграждение (40 руб. сер. священнику, 20 — диакону). Кроме того, диакон получал довольно значительные (в размере 42 руб. 86 коп.) «премии»: «за православие» (т. е. за служение особого чина Торжества Православия в первую седмицу Великого поста), а также за возглашение «великого многолетия» на вечернях Рождества Христова и Богоявления Господня. Всему духовенству с причтом (кроме

---

⁶ В настоящей статье не рассматриваются.

⁷ ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 23. Ч. II. С. 168.

⁸ Подробнее см.: Антонов Д. Н., Антонова И. А. Метрические книги России XVIII — начала XX вв. М., 2006; Александрова Т.М. Материалы церковно-приходского учета как этнографический источник // Этнография Петербурга — Ленинграда: тридцать лет изучения. 1974–2004. СПб., 2004. С. 32–60.

⁹ «Приходом в Православной Церкви называется общество православных христиан, состоящее из клира и мирян, пребывающих на определенной местности и объединенных при храме, составляющее часть епархии и находящееся в каноническом управлении своего епархиального архиерея, под руководством поставленного последним священника — настоятеля». // Цыпин В. А., прот. Церковное право: курс лекций. М., 1994. С. 451–454. Необходимо учитывать, что руководил всеми церквями придворного ведомства протопресвитер, духовник императорской фамилии, который подчинялся не Синоду, а непосредственно императору и министру двора. Исповедные росписи дворцовой церкви показывают, что к приходу Введенской церкви Константиновского дворца были приписаны все члены двора и придворнослужители с семьями: гофмейстер, шталмейстер, камер-фрау, камер-юнгферы, берейторы, вагенмейстеры, камердинеры, кастеляны, истопники, повара, лакеи, официанты, кучера, фореиторы, нарядчики, ездовые, подковные мастера, рейткнехты, конюхи, ясельничие, ездовые, а также придворное духовенство и проживавшие при дворце военные чины.

просвирни) выделялись казенные квартиры в Служебном доме¹⁰ при Мраморном дворце, для отопления которых ежегодно отпускались березовые дрова («священнику 42 саж., диакону 24 саж.»), а для освещения — свечи; в случае аренды жилья выделялось порядка 200 руб. «квартирных». Наконец, Придворная контора частично брала на себя расходы по воспитанию детей священнослужителей, подготовке приданого для выходявших в замужество дочерей, а также похоронные расходы¹¹.

В год образования Придворной конторы вел. кн. Константина Николаевича (1848) клир домовый церкви Мраморного дворца возглавлял иерей **Иоанн Алексеевич Орлов (1809–1866)**. Он родился в семье полкового священника и уже в 18-летнем возрасте стал регентом певческого хора у епископа Чигиринского (викария Киевской митрополии). По окончании в 1831 г. Киевской духовной семинарии, 19 июня 1832 г. был рукоположен во диакона, а 5 июля — во священника с назначением в 52-й Егерский полк, откуда вскоре был переведен полковым священником в Великолуцкий Егерский, а затем в Егерский Смоленский полк, где не только совершал богослужения и христианские требы, но и преподавал Закон Божий. В 1842 г. о. И. Орлов был переведен в Гусарский его величества короля Ганноверского полк и в 1843–1844 гг. командирован с походной церковью Императорской Главной квартиры в Дармштадт, где служил при цесаревиче и был его духовником, за что был награжден золотым наперсным крестом с украшениями. После перевода в 1844 г. в Образцовый пехотный полк был вторично командирован за границу в Киссинген (Бавария) для служения при императоре. По возвращении 4 декабря 1845 г. о. Иоанн Орлов был переведен к придворной церкви Мраморного дворца. В штате Придворной конторы вел. кн. Константина Николаевича священник состоял до 1850 г., после чего перешел на открывшуюся после смерти сакеллария И. Гаврилова пресвитерскую вакансию в соборе Зимнего дворца, где прослужил до последних дней жизни. Придворный протоиерей Иоанн Алексеевич Орлов скончался 4 августа 1866 г. и был похоронен на Смоленском православном кладбище.

На освободившееся в 1850 г. в церкви Мраморного дворца священническое место был назначен иерей **Димитрий Иоаннович Куколевский (1806–1861)**. Сын дьячка из Малороссии, он окончил курс

---

¹⁰ Служебный дом Мраморного дворца (Дворцовая наб., 6; Миллионная ул., 5), сооруженный П. Е. Егоровым в 1780-х гг., в 1844–1849 гг. был перестроен архитектором А. П. Брюлловым. Во время реконструкции здания духовенство размещалось на вольнонаемных квартирах, а затем квартиры для придворно-служителей, в том числе служебная квартира для священника с семейством, находились на третьем этаже, специально надстроенном Брюлловым.

¹¹ См.: РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Дд. 1–26. Повеления и постановления по Придворной конторе вел. кн. Константина Николаевича (1847–1880).

наук в Харьковском духовном коллегиуме¹² и был зачислен в архиерейский хор, где его, «отличного басиста», заметил статс-секретарь Лонгинов, разыскивавший новых певчих для Придворной певческой капеллы (ППК). В результате в 1831 г. Д. Куколевский был определен в придворный хор и, переехав из Харькова в С.-Петербург, был принят «в число придворных больших певчих сверх штата, с производством ему жалованья по 750 руб. в год и на экипировку 100 руб.». По словам самого Куколевского, он «в продолжении восьми лет <...> службы» «считался из числа первых, как по голосу, так и по поведению»¹³. Отметим, что в составе хора ППК Куколевский сопровождал императрицу Александру Федоровну в путешествиях в Берлин (1834) и Одессу (1837).

В 1838 г. директор ППК А. Ф. Львов сообщил министру императорского двора: «Куколевский <...> имеет в Малороссии престарелую мать с младшими братьями и сестрами его в крайней бедности и, будучи сам обременен семейством, желает для облегчения стесненного положения родителей и своего перейти в духовное звание и просить об увольнении его из Придворного хора»¹⁴. В результате в конце ноября 1838 г. Д. Куколевский покинул хор для поступления в духовное звание, получив в награду за службу 500 руб., и 6 декабря был рукоположен митр. Московским Филаретом во диакона к С.-Петербургскому Казанскому собору, где «заслужил общую любовь всех прихожан и сослужителей»¹⁵.

В 1841 г. Министерство императорского двора «озаботилось присланием к Высочайшему двору диакона с хорошим голосом и видной наружности»¹⁶. В числе кандидатов был предложен и диакон Казанского собора Д. Куколевский. 1 июля 1841 г. ему было повелено явиться в Петергоф «на испытание при соборном служении» — в придворной церкви, за богослужением по случаю дня рождения императрицы. В результате в марте 1842 г. Д. Куколевский был взят протодиаконом к Придворному собору «сверх штата, впредь до открытия вакансии, с производством ему содержания наравне с прочими»¹⁷, а вскоре направлен в Веймар, где стал

---

¹² Среднее учебное заведение в Харькове в 1721–1817 гг., одно из первых светско-духовных учебных заведений на юге России, важный просветительский центр. Среди его преподавателей были философ Г. Сковорода и выдающийся церковный композитор А. Ведель, а в числе выпускников — переводчик Н. Гнедич. В 1817 г. коллегиум был преобразован в Харьковскую духовную семинарию.

¹³ РГИА. Ф. 472. Оп. 3. Д. 93. Л. 34.

¹⁴ РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 1216. Л. 38.

¹⁵ РГИА. Ф. 472. Оп. 3. Д. 93. Л. 34.

¹⁶ РГИА. Ф. 472. Оп. 3. Д. 86. Л. 21.

¹⁷ РГИА. Ф. 472. Оп. 3. Д. 173. Л. 4.

протодиаконом в придворной церкви великой княгини Марии Павловны¹⁸. Это назначение стоило диакону Куколевскому больших усилий, которые, однако, не оправдались: несколько раз во время своего веймарского служения он обращался с прошениями на высочайшее имя о денежном пособии, о повышении жалования¹⁹.

В 1848 г. Куколевский, вернувшись из Веймара, был рукоположен во священника к церкви Преображения Господня в Колтовской слободе на Петербургской стороне. Однако годы служения в придворном ведомстве не прошли даром: 18 декабря 1849 г. вел. кнг. Александра Иосифовна передала на рассмотрение о. духовнику В. Бажанову «Записку о священнике Куколевском, желающем поступить на вакансию священника к Придворному собору»²⁰. Дело оставалось без движения до тех пор,

¹⁸ Мария Павловна (1786–1859) — великая княжна, дочь императора Павла I и императрицы Марии Федоровны, великая герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская, супруга великого герцога Карла Фридриха Саксен-Веймар-Эйзенахского.

¹⁹ В деле «Об избрании диакона для определения к придворной церкви вел. кн. Марии Павловны в Веймаре» (РГИА. Ф. 472. Оп. 3. Д. 93) сохранилась выписка из письма протодиака Д. Куколевского, в котором он объясняет, почему его «заела нужда». Ему (с семьей из пяти человек) выдали 142 руб., тогда как одинокому причетнику – 200. Не принесло выгоды и путешествие на пароходе за казенный счет: его с семьей довели до Данцига, а оттуда до Веймара он добирался 12 дней, тогда как от Любека было бы три дня. Жалованье ему назначили такое же, как и его предшественнику Егорову (900 руб.), однако, как пишет Куколевский министру императорского двора П. М. Волконскому, «с диаконом Егоровым я никогда не могу быть сравнен. <...> Диакон же Егоров, не в похвалу о себе скажу, ни в образовании, ни в голосе никакого не имел сравнения со мною» (Л. 34). Дело в том, что Егоров исполнял обязанности диакона, но «на причетническом окладе», и для Куколевского, протодиакона Придворного собора, стало «довольно унижительно перемещение в Веймар на причетническую вакансию» (Л. 34 об.). «Если бы я, в бытность мою при Казанском соборе знал, на каком положении буду находиться в Веймаре, то никогда не осмелился бы просить Вашего Сиятельства изъявлением своего согласия на занимаемое мною теперь место, но скорее согласился бы в Петербург причетником, которые имеют лучшее содержание, обеспечены квартирою и дровами, и которые надеются высшего производства. К несчастью, я послушался людей, только по неверным слухам знавших о диаконском месте в Веймаре. Осмелюсь сказать, что я пожертвовал Отечеством, родными и друзьями, что я пожертвовал своею честью, быв протодиаконом Придворного собора, теперь нахожусь на причетнической вакансии, — что и пожертвовал всем своим именем, ибо по причине недостаточной суммы на путевое мое содержание с семейством, я употребил в дороге все собственные деньги, вырученные за проданные в С.-Петербурге за бесценок мои домашние вещи, что, наконец, я пожертвовал спокойствием моего семейства, ибо жена моя, оставив в Петербурге родных и знакомых, редко теперь осушает слезы, и уже заметен зародыш болезни в глазах ея» (Лл. 35–36).

²⁰ РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 558. Л. 23.

пока 20 сентября 1850 г. Управление двора вел. кн. Константина Николаевича не обратилось к о. В. Бажанову с просьбой о назначении к церкви Константиновского дворца «особенно хорошего и достойного» священника, взамен перешедшего в Придворный собор о. Иоанна Орлова»²¹. В результате 4 октября 1850 г. Д. Куколевский подал прошение о переводе его в Константиновский дворец, куда и был назначен 9 ноября. Уже 15 ноября священник Д. Куколевский принял по описи все имущество церкви Мраморного дворца (ризницу, сосуды, иконы и всю утварь), а 18 ноября с семьей переехал в Служебный корпус, где ему была выделена квартира на третьем этаже. К несчастью, всего через полтора месяца после перевода священник овдовел. Придворная контора, «по недостаточному состоянию Куколевского», взяла на себя расходы по погребению усопшей матушки Параскевы Андреевны²², а впоследствии материально поддерживала священника и его детей. Так, сын Куколевского Николай (род. 1838), выйдя из духовного звания, обучался на казенный счет в Инженерном и Артиллерийском училище Морского ведомства²³, а дочь Ольга (род. 1835) долгие годы служила камер-медхен вел. кнг. Александры Иосифовны.

В 1850-х гг. о. Димитрий Куколевский постоянно совершал богослужения в придворной церкви, пользуясь благосклонностью великокняжеской семьи, удостаиваясь денежных подарков «за время говения Их Высочеств к празднику Св. Пасхи»²⁴, а также наград, в числе которых золотой наперсный крест (1855) и орден Св. Анны 2 степ. (1859). В 1858–1859 гг. свящ. Куколевский исполнял обязанности благочинного на Средиземноморской эскадре, сопровождая великокняжескую чету²⁵. В этой поездке вел. кн. Константину Николаевичу были подарены мощи некоторых святых, и 14 февраля 1860 г., в соборном сослужении трех

²¹ Там же. Л. 25.

²² РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 3. Л. 164.

²³ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 449. Л. 92. Вполне возможно, что непосредственное участие в судьбе Н. Куколевского принимал сам генерал-адмирал вел. кн. Константин Николаевич, бывший главой Морского ведомства.

²⁴ Отметим, что Куколевский не был духовником великокняжеской семьи – эти функции были возложены на заведующего придворным духовенством протопресвитера В. Б. Бажанова. См.: Жерихина Е. И. Протопресвитер придворного духовенства отец В. Б. Бажанов // В тени августейших особ. Непарадная жизнь императорских резиденций. СПб., 2012. С. 84.

²⁵ См.: Головин А. В. Записки для немногих. СПб., 2004. С. 192, 193–196. Согласно данным метрических книг церкви Мраморного дворца за 1858–1859 гг., в отсутствие о. Димитрия богослужения и требы совершали протоиереи л.-гв. Павловского полка Прохор Прокопович, свящ. Морского Адмиралтейского собора Иоанн Преображенский и др.

митрополитов (Григория Петербургского, Исидора Киевского и Иосифа Виленского) и о. Д. Куколевского, состоялось торжественное освящение креста-мошевика, который был установлен в домовом храме²⁶.

15 февраля 1861 г. вел. кн. Константин Николаевич записал в дневнике: «<...> В 2 ч<аса> ходили с жинкой к нашему священнику Куколевскому, который умирает той же болезнью, как М. П. Лазарев²⁷. Ужасно на него смотреть»²⁸. Через два дня, 17 февраля о. Димитрий Куколевский скончался «после ужасных страданий»²⁹. На панихиде о его упокоении молилась великокняжеская чета. После отпевания, совершенного 20 февраля соборно придворным духовенством, священник Д. Куколевский был погребен на Большеохтинском православном кладбище³⁰.

Следующим священником Мраморного дворца стал **Самуил Васильевич Михайловский (1827–1871)**. Он происходил из семьи диакона Тверской губернии, окончил Тверскую духовную семинарию (1849), полный курс наук в С.-Петербургской Духовной Академии (СПбДА) 1-м магистром XX курса (1849–1853)³¹ и был оставлен в академии бакалавром русской и гражданской истории (1853–1857); кроме того, занимал должность помощника библиотекаря (1854–1856) и был секретарем (делоправителем) редакции журнала «Христианское чтение» (1856–1857)³². Вскоре С. В. Михайловский вступил в брак с Софьей Михайловной Богословской — дочерью главного священника армии и флотов протоиерея М. И. Богословского³³.

²⁶ См.: Орлов В., протоиерей. Мраморный дворец: 1785–1885. СПб., 1885. С. 24–25; Переписка имп. Александра II с вел. кн. Константином Николаевичем, 1857–1861; Дневник вел. кн. Константина Николаевича, 1858–1861. М., 1994. С. 232.

²⁷ Рак желудка (Прим. Т. А.)

²⁸ Переписка имп. Александра II с вел. кн. Константином Николаевичем... С. 305.

²⁹ Там же. В метрической книге указано, что «священник Константиновского дворца Дмитрий Куколевский, 52 лет» скончался «от сжатия пищевого горла».

³⁰ РГИА. Ф. 805. Оп. 2. Д. 246. Лл. 536 об.–537.

³¹ 20-й курс СПбДА (вып. 1853 г.) был особенно выдающимся: из 61 окончивших студентов 25 магистров, 11 с правом на магистра, остальные 25 выпустились кандидатами. См.: Родосский А. Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов СПбДА в 1814–1869 гг. СПб., 1907. С. LXX.

³² Там же. С. 277–278.

³³ Богословский Михаил Измаилович (1807–1884) — главный священник армии и флотов (1865), протопресвитер, духовный писатель, профессор богословия СПбДА; состоял законоучителем в Училище правоведения, где преподавал также логику,

23 февраля 1857 г. С. Михайловский был определен законоучителем в С.-Петербургское Елизаветинское училище с производством в священники к церкви свт. Спиридона Тримифунтского этого учебного заведения и в тот же день рукоположен митрополитом С.-Петербургским Григорием.

В 1859 г. тесть о. Самуила протопресвитер М. И. Богословский был приглашен законоучителем к старшим детям вел. кн. Константина Николаевича — Николаю и Ольге, с которыми занимался до 1861 г.³⁴ Скорее всего, семейные связи сыграли определяющую роль в том, что после смерти о. Д. Куколевского на освободившуюся священническую вакансию при церкви Мраморного дворца 1 апреля 1861 г. был назначен именно о. С. Михайловский (по данным метрических книг, уже в 1859 г. он совершал в этом храме требы). Кроме того, он сменил своего тестя на посту законоучителя августейших детей. Впоследствии 15 октября 1867 г., ко дню бракосочетания его воспитанницы вел. кн. Ольги Константиновны с королем эллинов Георгом I, о. Самуилу был пожалован золотой наперсный крест с драгоценными украшениями.

В годы придворного служения о. Самуил постоянно жил на казенной квартире «в доме Константиновского дворца» на Миллионной ул. В бытность вел. кн. Константина Николаевича наместником Царства Польского священник Михайловский с 22 июня 1862 г. по 1 сентября 1863 г. находился при великокняжеском семействе в Варшаве, где совершил крещение новорожденного вел. кн. Вячеслава Константиновича³⁵.

В этот период о. Самуил ведет активную педагогическую деятельность: помимо Елизаветинского училища, он преподает Закон Божий

психологию и церковное право. В 1871 г. переведен в Москву кафедральным протоиереем Архангельского собора; в 1879 г. назначен протопресвитером Большого Успенского собора и членом Московской синодальной конторы. См.: Главный священник армии и флотов, протоиерей М. И. Богословский (1865–1871) // Боголюбов А. Э. Очерки из истории управления военным и морским духовенством в биографиях главных священников его за время с 1800 по 1901 гг. СПб., 1901. С. 110–139.

³⁴ См.: Боголюбов А. Э. Указ. соч. С. 112.

³⁵ Вел. кн. Вячеслав родился в Варшаве, где находились его родители, прибывшие в польскую столицу в связи с назначением вел. кн. Константина Николаевича наместником Царства Польского. Вероятно, этим и объясняется появление в семье Романовых такого редкого для них славянского имени. «Жена великого князя Константина одарила своего супруга сыном; было решено назвать его в угоду русским — Вячеславом, в угоду же полякам — Вацлавом. Этим надеялись примирить обе славянские расы, но вышло наоборот. Когда русский, говоря о новорожденном, называл его Вячеславом, поляк, выходя из себя, вызывающе восклицал: “Вы хотели сказать Вацлав, этот ребенок родился в Варшаве, он — поляк”. Когда же поляк называл его Вацлавом, русские негодовали и называли это наглостью». // Клейнмихель М. Э. Из потонувшего мира. Берлин, 1922. С. 22.

в Василеостровском женском училище для приходящих девиц (1858–1863) и в Мариинской женской гимназии (1863–1868). В 1867 г. о. Самуил был возведен в сан протоиерея и назначен постоянно присутствующим членом Учебного комитета при Св. Синоде, а в 1870 г. — председателем Комиссии для рассмотрения предоставленных на конкурс учебников по Закону Божию для начальных народных училищ. Как отмечал современник, «при прекрасном богословском образовании и отличных душевных качествах законоучительская деятельность его была особенно благотворна»³⁶. Кроме того, протоиерей С. Михайловский трудился как духовный писатель и оставил ряд духовных сочинений на богословские и церковно-исторические темы (см. *Приложение 2*); его труд «Жизнь святейшего Никона патриарха Всероссийского» выдержал несколько изданий. За годы службы он был удостоен многих наград, в числе которых золотой наперсный крест с украшениями (1867) и орден Св. Анны 2 ст. (1868).

Земная жизнь протоиерея Самуила Михайловского оборвалась внезапно и преждевременно: он скоропостижно скончался от холеры 8 марта 1871 г. Умиравшего исповедовал и приобщал Св. Таин член Св. Синода протоиерей Иоанн Васильевич Рождественский³⁷. На отпевании, состоявшемся 10 марта 1871 г. в Адмиралтейском соборе, присутствовала почти вся великокняжеская семья: Константин Николаевич, Александра Иосифовна, Николай, Константин, Дмитрий и Вячеслав Константиновичи. Надгробную речь произнес Павел, епископ Ладожский, викарий Санкт-Петербургской епархии (впоследствии архиепископ Кишиневский и Хотинский), который особо отметил законоучительскую деятельность усопшего, его знания, дарования, духовно-нравственные качества: «Деятеля честного, благородного, в высокой степени полезного, потеряли в нем и церковь, и общество <...> сродники и друзья не могут не оплакивать эту угасшую жизнь, столь дорогую, столь нравственно полезную для них; не могут не скорбеть о том, что среди их не будет слышаться слово почившего, столь здоровое, теплое, живое»³⁸. Прот. Самуила Михайловского похоронили на Смоленском православном кладбище. В знак уважения к заслугам покойного его вдове 22 июня 1871 г. была назначена пожизненная пенсия 250 руб. в год из личных сумм самого великого князя и его детей³⁹.

³⁶ Родосский А. Указ. соч. С. 277–278.

³⁷ РГИА. Ф. 805. Оп. 2. Д. 117. Лл. 142 об.–143.

³⁸ Речь, произнесенная 10 марта 1871 г. в С.-Петербургском Адмиралтейском соборе при отпевании тела протоиерея Мраморного Константиновского дворца Самуила Васильевича Михайловского Павлом, епископом Ладожским, викарием С.-Петербургским // Духовная беседа. 1871. Т. I (27 марта, № 13). С. 217–223. См. также: Слова и речи Павла, архиепископа Кишиневского и Хотинского: в 3 т. Т. 2. 1879. С. 411–418.

³⁹ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 19. Л. 64.

Штатное место диакона Введенской церкви при вел. кн. Константине Николаевиче занимали также несколько священнослужителей. В год создания Придворной конторы диаконское служение нес **Иоанн Федорович Лукин (1797 — после 1862)**. Сын протодиакона Придворного собора, в семинарии он не обучался, однако 16 декабря 1817 г. был определен псаломщиком к церкви Мраморного дворца, а в 1821 г. посвящен в стихарь. В мае 1836 г. диакон церкви Мраморного дворца Николай Орлов подал прошение об определении его на «праздное священническое место» в Петергофской придворной церкви, и протопресвитер Н. В. Музовский, управлявший придворным духовенством, предложил министру императорского двора князю П. М. Волконскому назначить на освободившуюся вакансию в церкви Мраморного дворца «псаломщика Иоанна Лукина, который при сей церкви и в сем звании находится 19 лет, поведения хорошего и имеет *довольно хороший голос для диаконского сана*»⁴⁰ (курсив мой. — Прим. Т. А.). Действительно, в русской богослужебной традиции диакону очень желательно обладать вокальными способностями, поскольку «в литургическом служении диаконы присутствуют как общие с церковным певческим искусством элементы, так и специфические составляющие, которые тесно связаны с сольным вокальным исполнительским искусством»⁴¹.

21 мая 1836 г. архиепископ Венедикт (Григорович) совершил диаконскую хиротонию псаломщика И. Лукина. В Служебном доме Мраморного дворца, взамен ранее занимаемой им квартиры «из одной комнаты с русской печью», ему была выделена «квартира, состоящая из четырех комнат и кухни, обращенная к Павловским казармам и смежная с Манежем»⁴².

Многочадный диакон Иоанн Лукин (в семье родилось девять детей) постоянно нуждался в средствах, получаемого жалования не хватало, и Придворная контора, во внимание к его многолетней службе, регулярно «усиливала» содержание⁴³. Свидетельством благосклонности великокняжеской семьи был тот факт, что крестным отцом родившейся в 1851 г. дочери диакона Лукина и матушки Пелагии Матвеевны стал сам вел. кн. Константин Николаевич (в лице Ф. С. Лутковского и гофмейстерины вел. кнг. Александры Иосифовны С. П. Апраксиной). В церкви Мраморного дворца венчались дети диакона Лукина: старший сын Федор Иванович (впоследствии

⁴⁰ РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 40. Л. 17.

⁴¹ Зырянов М. Л. Диаконское певческое искусство русской православной традиции XIX–XXI вв. Дисс. ... канд. искусствовед. Екатеринбург, 2016. С. 14.

⁴² РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 40. Л. 33–33 об. Впоследствии, в 1848 г. И. Лукин ходатайствовал о выделении ему другой квартиры (№ 11, третий этаж Служебного дома), однако ее отдали кастиляну дворца (РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 472. Л. 3 об.).

⁴³ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 4. Л. 6–6 об.

диакон церкви Мариинского дворца), дочь Мария (супруга выпускника СПбДА Василия Шафрановского, впоследствии священника Мариинской церкви в Павловске). Замечательный факт: 30 января 1856 г. в церкви Мраморного дворца о. Димитрий Куколевский венчал сразу двух сестер Лукиных: Александра Ивановна вступила в брак с кандидатом богословия, выпускником СПбДА Василием Александровичем Смирницким (впоследствии протоиерем, настоятелем Воскресенской Малоколоменской церкви), а Анна Ивановна вышла замуж также за кандидата богословия, выпускника СПбДА — 26-летнего Ивана Платоновича Преображенского⁴⁴, который вскоре стал преемником своего тестя-диакона (см. далее).

После ухода на покой о. Иоанн Лукин оставался жить при Мраморном дворце до 1862 г. — именно в этом году имя 67-летнего диакона в последний раз упоминается в исповедных росписях⁴⁵. К сожалению, дата смерти и место погребения священнослужителя остаются неизвестны.

Иоанн Платонович Преображенский (1828–1886), сын дьячка из Вышневолоцкого уезда Тверской губернии, получил духовное образование в Тверской семинарии, а затем поступил в СПбДА, которую закончил кандидатом XXI-го курса⁴⁶ (1851–1855) — «знаменитого курса, давшего России доблестного пастыря-молитвенника и благотворителя о. Иоанна Кронштадтского»⁴⁷, — после чего был назначен на духовно-училищную службу.

Когда 18 января 1856 г. диакон церкви Мраморного дворца Иоанн Лукин подал протопресвитеру В. Б. Бажанову прошение об увольнении в отставку «по причине расстроенного здоровья», он ходатайствовал и о предоставлении своего диаконского места выпускнику СПбДА И. Преображенскому, желавшему вступить в брак с его старшей дочерью Анной⁴⁸. В результате ушедшему в отставку диакону И. Лукину был назначен пенсия (381 руб. 33 коп.)⁴⁹, а Иоанн Преображенский 18 января 1856 г. вступил в Духовное ведомство, через полторы недели

---

⁴⁴ Интересно, что одним из поручителей по женихе был священник Арсений Двукраев (1825–1895), в будущем духовник великокняжеской семьи.

⁴⁵ См. исповедные росписи церкви Константиновского дворца за 1860–1862 гг. РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 235. Лл. 2, 25, 35.

⁴⁶ В 1856 г. диакон И. Преображенский обращался в Духовно-учебное управление при Св. Синоде с прошением о предоставлении ему права на получение степени магистра без повторного устного испытания (на основании лишь исправленного курсового сочинения), однако получил отказ. См.: РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 720. Лл. 5–7.

⁴⁷ Родосский А. Указ. соч. С. LXIV.

⁴⁸ РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 720. Л. 1. Получение места «со взятием» (путем заключения брака с дочерью уходящего на покой или умершего священнослужителя) было в XIX в. общераспространенной практикой.

⁴⁹ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 449. Л. 58.

обвенчался с Анной Лукиной, а 23 февраля был рукоположен во диакона к церкви Мраморного дворца.

Диаконское служение о. Иоанн совершал до октября 1858 г., когда, по собственному прошению, был определен на священническую вакансию при Адмиралтейском морском соборе во имя Свт. Спиридона Тримифунского, уволен из Придворного ведомства, а 9 ноября рукоположен в сан иерея.

Примечательно, что в отсутствие о. Д. Куколевского, сопровождавшего великокняжескую чету во время средиземноморского путешествия, в церкви Мраморного дворца служил и «священник Морского Адмиралтейского собора Иоанн Преображенский», да и впоследствии он неоднократно совершал богослужения и требы в своем первом храме. В дальнейшем о. И. Преображенский служил в различных церквях: Александро-Невской С.-Петербургского училища при Военно-чертежной школе (1860–1868), Военно-юридического училища (1868–1871), исправительного заведения (впоследствии больница Св. Николая) (1871–1875), Св. кн. Владимира на Петербургской стороне (1875–1883), Введенской на Петербургской стороне (1883–1886); исправлял требы в домовых храмах при Военно-юридической академии и при Главном военно-судном управлении. Параллельно о. Иоанн учительствовал в Сергиевском приходском училище (1858–1859), в Училище взаимного обучения для бедных, близ Городской тюрьмы (1859–1862), Женской Патриотической школе Казанской части (с 1865). В 1877 г. возведен в сан протоиерея. Скончался прот. Иоанн Преображенский 21 сентября 1886 г. в возрасте 58 лет и был похоронен на Митрофаньевском кладбище.

В церкви Мраморного дворца в 1858 г. диакона И. Преображенского сменил **Николай Прокопьевич Подгородинский (1834 – после 1880)** — сын известного церковно-музыкального деятеля Прокопия Николаевича Подгородинского (1796–1884). Благодаря исключительным вокальным дарованиям и знакомству со знаменитым композитором, управляющим ППК Д. С. Бортнянским малороссийский шляхтич Прокопий Подгородинский в 1824 г. был представлен императору Александру I: «Октава⁵⁰ Подгородинского произвела сильное впечатление на императора, и по его воле он был принят на службу в Придворную

---

⁵⁰ В православном церковном пении октавистами («октавами», «бас-октавами») называют певцов бас-профундо, владеющих очень низким диапазоном «на октаву ниже баса» (в нижней границе может достигать фа контроктавы). Знаменитыми октавистами были некоторые известные священнослужители, в том числе патриарший Великий Архидиакон Константин Розов (1874–1923) (прим. Т. А.).

Певческую капеллу»⁵¹. Многократные путешествия за границу в свите высочайших особ, в составе придворного хора⁵², привели к тому, что на П. Подгородинского обратили внимание при дворе: в 1844 г. он становится управляющим левым клиросом придворного хора, инспектором всех полковых хоров гвардейской пехоты, а в 1850-м — главным наблюдателем хоров во всех военно-учебных заведениях. На службе в ППК П. Н. Подгородинский, «дедушка Капеллы»⁵³, находился до 1883 г.

Талантливый музыкант, Прокопий Подгородинский дружил с Т. Г. Шевченко, был знаком с Гоголем, Жуковским. «Громоподобную» бас-октаву и «вдохновения» Подгородинского вспоминал выдающийся церковный композитор С. В. Смоленский⁵⁴, а живой образ регента сохранился на страницах мемуаров баронессы М. П. Фредерикс — фрейлины, сопровождавшей императрицу Александру Федоровну в путешествии в Ниццу⁵⁵. В этой поездке в Ниццу одним из четырех придворных певчих, входивших в свиту государыни, был сын Прокопия Подгородинского — Николай⁵⁶.

Унаследовав музыкальные дарования своего родителя, 8-летним мальчиком «Николай Подгородинский 2-й» по желанию отца поступил в 1842 г. в ППК в число малолетних певчих, а по окончании «полного курса наук» был переведен в штат больших придворных певчих (1852) и

---

⁵¹ Русский биографический словарь / Изд. под наблюдением предс. ИРИО А. А. Половцова. Т. 14. СПб., 1905. С. 188.

⁵² Так, в 1834 г. Прокопий Подгородинский (как и Димитрий Куколевский — другой придворный певчий) состоял в свите императрицы Александры Федоровны во время ее путешествия в Берлин.

⁵³ Замечательный юбилей // Домашняя беседа. 1875. № 2. С. 78–80.

⁵⁴ Смоленский С. В. Воспоминания // Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. IV. М., 2002. С. 289.

⁵⁵ «Для императрицы на вилле Авигдор был поставлен походный иконостас и устроена маленькая, совсем простенькая церковь <...> Императрица пожелала, чтобы мы участвовали в церковном хоре: графиня Гудович, Е. П. Эйлер и я. Хор наш был очень хорош, мы пели всякие концерты Бортиянского и проч. Но наш регент, один из певчих, старый хохол Подгородинский, донимал нас своими спевками. Иногда мы сидим с гостями, вдруг седая голова его просовывается в дверь, и он говорит басом: “надо бы спевочку”; он смотрел очень серьезно на это пение, и если кто-нибудь из нас ошибется, то он кричит: “стойте, вы сделали гагачку”, и мы, конечно, всегда расхохочемся на репетициях, а он, нахмурясь, заставляет нас повторять» (Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс. Ч. 2. // Исторический вестник. Т. LXXII. 1898. С. 75).

⁵⁶ Николай Подгородинский дважды был командирован за границу (причем один раз — в качестве регента) и удостоился наград: золотых часов от имп. Александры Федоровны (1856), бриллиантовой булавки от вел. кнг. Елены Павловны (1856); бронзовой медали на Андреевской ленте в память войны 1853–1856 гг.

произведен в коллежские регистраторы (1853). Конечно, талантливый певчий Николай Подгородинский, с детства участвовавший вместе с отцом в богослужениях в присутствии императорской фамилии, был известен при дворе, что и сыграло определяющую роль в его судьбе.

5 июня 1858 г. о. духовнику Бажанову было сообщено, что вел. кн. Константин Николаевич изъявил желание определить на открывшуюся в церкви Мраморного дворца диаконскую вакансию «большого придворного певчего Николая Подгородинского 2-го». Через несколько дней Подгородинский был уволен из ППК, получив единовременное пособие в 215 руб.⁵⁷

Однако, поскольку иерейская хиротония диакона И. Преображенского была отложена на несколько месяцев, дело о назначении Подгородинского затягивалось. В ожидании хиротонии, 3 октября 1858 г. он вступил в брак с 16-летней дочерью умершего диакона Гатчинского собора девицей Ольгой Иринеенной Великославинской⁵⁸ (венчание состоялось в Исаакиевском кафедральном соборе).

19 ноября 1858 г. Николай Подгородинский, «во исполнение повеления и желания Его Императорского Высочества великого князя Константина Николаевича»⁵⁹, был рукоположен во диакона к церкви Константиновского дворца епископом Ревельским Агафангелом. Для совершения хиротонии необходимо было получить особое разрешение, поскольку минимальный возраст для посвящения в диаконы в Российской империи — 25 лет, а Подгородинскому было лишь 24 года⁶⁰. Думается, помогло ходатайство не только великого князя — музыканта-любителя, по достоинству оценившего его вокальные таланты, но и священника церкви Мраморного дворца о. Дмитрия Куколевского — также «басиста» ППК и коллеги Подгородинского-старшего.

К сожалению, несмотря на удачное начало придворной карьеры, о. Николая Подгородинского постигло огромное несчастье. Первый ребенок умер в 1859 г. сразу после рождения. 1 апреля 1860 г. у диакона Николая Подгородинского родился сын, получивший при крещении 8 апреля имя Константин — несомненно, в честь августейшего владельца Мраморного дворца.

---

⁵⁷ РГИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1080. Л. 22.

⁵⁸ Отец невесты Ириной Семенович Великославинский (1816–1856) служил певчим, а затем диаконом в храме при Императорской Российской миссии в Швейцарии, с 1854 г. — диаконом в Павловском соборе в Гатчине. См.: Великославинская О. И. Потомки кирилловских церковнослужителей // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kimuseum.ru/issue/article.php?ID=2439> (дата обращения: 14.08.2018).

⁵⁹ РГИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1174. Л. 1.

⁶⁰ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 778. Метрическая книга Исаакиевского собора. Лл. 142 об.–143.

Крестными родителями младенца стали сам вел. кн. Константин Николаевич и его старшая дочь Ольга⁶¹. А через несколько дней, в Светлый Четверг 19 апреля 1860 г., 18-летняя матушка Ольга Иринеевна скончалась от родильной горячки и была похоронена 22 апреля на Смоленском православном кладбище⁶². Младенец Константин ненадолго пережил мать: он умер 25 апреля 1862 г. «от прореза зубов» и был погребен на Смоленском православном кладбище, рядом с матерью⁶³.

Несчастный вдовый диакон, потерявший жену и детей в молодые годы⁶⁴, находясь «в <...> горестном положении и совершенном расстройств чувств <...>, по судьбам неисповедимым»⁶⁵, «убедился в невозможности исполнять все священные обязанности возложенного <...> сана, а потому, следуя внушению совести <...> с чувством сердечного сожаления решился добровольно снять этот сан, с предположением возвратиться к прежним занятиям своим по части церковного пения»⁶⁶. 2 сентября 1862 г. Николай Подгородинский в последний раз упоминается в метрической книге Мраморного дворца как диакон⁶⁷.

Уволившись из духовного звания, Подгородинский, отправился в Варшаву, где в то время находился вел. кн. Константин Николаевич⁶⁸. Благодаря его покровительству бывший диакон Подгородинский в ноябре 1862 г. был назначен, согласно желанию великого князя, «учителем церковного пения девиц православного греко-российского вероисповедания при Александрийско-Мариинском институте» в Варшаве с жалованием 200 руб. в год. Вдобавок, также по ходатайству великого князя, в декабре 1862 г. бывший диакон, находившийся «в крайне стеснительных денежных обстоятельствах, по продолжительному пребыванию в Варшаве на собственном

⁶¹ РГИА. Ф. 805. Оп. 2. Д. 245. Лл. 782 об.–783.

⁶² ЦГИА СПб. Ф. 457. Оп. 1. Д. 63. Смоленское православное кладбище: книга о погребенных (1860). Л. 174 об.; Петербургский некрополь. Т. 3. СПб., 1912. С. 438.

⁶³ ЦГИА СПб. Ф. 457. Оп. 1. Д. 65. Смоленское православное кладбище: книга о погребенных (1862). Л. 215 об.

⁶⁴ Напомним, что в Русской православной церкви второй брак вдовым священнослужителям и церковнослужителям безусловно запрещается. См.: Цыпин В., прот. Духовенство // Православная энциклопедия. Т. 16. М., 2007. С. 383. Запрет вступать в новый брак поставил молодого диакона Н. Подгородинского, пережившего личную трагедию, перед трудным выбором, и решение его оказалось не в пользу священного сана.

⁶⁵ РГИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1174. Л. 7.

⁶⁶ Там же. Л. 1–1 об.

⁶⁷ РГИА. Ф. 805. Оп. 2. Д. 116. Л. 32.

⁶⁸ Генерал-адмирал вел. кн. Константин Николаевич занимал должность наместника Царства Польского с 27 мая 1862 г. до 8 сентября 1863 г.

содержании», был определен в число певчих Штаба войск в Царстве Польском с содержанием 215 руб. в год. Однако начавшиеся нестроения очень скоро вынудили Подгородинского покинуть Польшу и возвратиться в Петербург, где его ждал очередной поворот судьбы.

23 января 1863 г. в церкви Мраморного дворца сочетались браком «учитель Варшавского Александровского института благородных девиц Николай Прокопиев сын Подгородинский, православного вероисповедания и вторым браком, 26 лет» и «дочь надворного советника Ивана Даниловича сына Плетнева девица Екатерина Ивановна Плетнева, православного вероисповедания, 17 лет»⁶⁹. 6 декабря 1863 г. в церкви Мраморного дворца крестили родившегося 21 ноября сына Подгородинских Николая, и на крестины отцу было пожаловано из кассы МИДв 50 руб.⁷⁰ А 6 августа 1865 г. в семье родилась дочь Анна, крещенная 31 августа в том же храме⁷¹.

4 мая 1863 г. «бывший диакон церкви Константиновского дворца Николай Подгородинский» подал прошение директору ППК Н. И. Бахметеву о возвращении в состав «придворных больших певчих». Однако, согласно Своду законов 1857 г., уволенным по собственному желанию из Духовного ведомства диаконам воспрещалось вступать на гражданскую службу ранее шести лет⁷², поэтому Подгородинский был принят в Певческий корпус «по найму, без всяких служебных прав и преимуществ, с производством ему содержания, присвоенного большим певчим 4-го оклада»⁷³. Отметим, что, по тому же закону, чин коллежского регистратора, полученный Подгородинским до его перехода в духовное сословие, не возвращался. Т. о., материальное положение бывшего диакона, имевшего 215 руб. годового жалования, было сложным, хотя Подгородинские, согласно данным метрических книг и исповедных росписей, продолжали жить при Мраморном дворце, что может служить свидетельством особого покровительства со стороны великокняжеской семьи.

---

⁶⁹ Во «Всеобщей адресной книге...» отец второй жены Подгородинского надворный советник И. Д. Плетнев значится по адресу: Екатерининский канал, д. 3, кв. 8 (с. 376).

⁷⁰ РГИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1181. Лл. 1–2. Младенец прожил всего два года: он умер 2 октября 1865 г. «от колотья» и был погребен на Смоленском кладбище (РГИА. Ф. 805. Оп. 2. Д. 117. Лл. 121 об.–122).

⁷¹ РГИА. Ф. 805. Оп. 2. Д. 117. Лл. 19 об.–20.

⁷² Свод законов Российской Империи. Т. IX. Законы о состояниях. Ст. 276. СПб., 1857. С. 62–63. См. также: Чижевский И. Л. Устройство Православной российской церкви: ее учреждения и действующие узаконения по ее управлению / Сост. на основании церк.-гражд. законоположений прот. Иоанн Чижевский. – Харьков, 1898. С. 53–54.

⁷³ С разрешения министра императорского двора графа В. Ф. Адлерберга в предписание от 14 июля 1863 г. за № 3549 (РГИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1174. Лл. 3–3 об.).

Стесненные жизненные обстоятельства, «при сокрушенном сочувствии унывающих в безутешном отчаянии жены и престарелого отца»⁷⁴, подтолкнули Подгородинского 10 октября 1866 г. вновь обратиться к директору ППК камергеру Бахметеву с прошением о возвращении прежнего чина коллежского регистратора, а также прав, «коими он пользовался, состоя на службе в Капелле до поступления его в сан диакона Константиновского [дворца], а также и в сем звании»⁷⁵. Однако ходатайство даже не было передано на высочайшее рассмотрение, поскольку противоречило законодательству.

Во второй половине 1860-х гг. Николай Подгородинский служит вольнонаемным придворным певчим и библиотекарем Капеллы. Наконец, в июле 1870 г., т. е. по истечении установленного законом 6-летнего срока, «состоящий в придворных больших певчих по найму бывший диакон церкви Константиновского дворца Николай Подгородинский 2-й» по собственному прошению был уволен из придворного хора. Основной причиной увольнения стало материальное положение семьи, а также болезнь жены, требовавшая от отца семейства «усиленных частных занятий и времени для приобретения средств, как на лечение и содержание жены и детей, так равно и на уплату за летнее пребывание их в деревне»⁷⁶.

После ухода из ППК бывший диакон и бывший придворный певчий Н. П. Подгородинский поступил на гражданскую службу и в конце 1870-х гг. вышел в отставку. Последний документ, относящийся к его биографии, датируется 11 апреля 1880 г.: это прошение его жены Екатерины Ивановны на имя директора ППК Н. И. Бахметева и удостоверение о службе «отставного коллежского асессора Николая Прокофьевича Подгородинского»⁷⁷. Дальнейших сведений о судьбе бывшего диакона Константиновского дворца пока обнаружить не удалось.

Для замещения диаконской вакансии, образовавшейся осенью 1862 г. после неожиданного ухода Подгородинского, 23 ноября 1862 г. был рукоположен во диакона бывший послушник Троице-Сергиевой лавры **Иоанн Бегемотов** (1817 — после 1864), служивший в придворной церкви Мраморного дворца с 1844 г. псаломщиком. По распоряжению великого князя, новый (сверхштатный) диакон, причисленный к причту церкви Стрельнинского дворца (загородной великокняжеской резиденции), «замещал диаконскую вакансию

⁷⁴ РГИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1174. Л. 7.

⁷⁵ Там же. Л. 6.

⁷⁶ Там же. Л. 9.

⁷⁷ РГИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1174. Лл. 15–17.

в церкви Мраморного дворца <...> до приискания ему штатного места»⁷⁸.

15 ноября 1864 г. на открывшуюся вакансию поступил диакон **Валериан Иоаннович Орлов (1838–1895)**⁷⁹. Сын протоиерея, образование он получил в одном из уездных духовных училищ Тверской епархии, а в 1858 г. поступил во вновь образованный хор певчих Исаакиевского кафедрального собора. Женившись на дочери дьячка Петропавловского собора, в октябре 1863 г. он занял его место; 22 марта 1864 г. был рукоположен во диакона к этому храму сверх штата.

25 ноября 1864 г. диак. В. Орлов был определен на диаконскую вакансию к церкви Мраморного дворца. Некоторое время Придворная контора арендовала квартиру для его семьи, но в начале 1870-х гг. о. Валериан с домочадцами перебирается в Служебный дом Мраморного дворца. В январе 1878 г. он был произведен в сан протодиакона. В 1884–1885 гг., к 100-летию Мраморного дворца, протодиакон В. Орлов опубликовал подробнейший очерк его истории: одна из частей работы посвящена дворцовой церкви и описанию ее убранства⁸⁰.

29 января 1895 г. в церкви Мраморного дворца венчалась дочь о. Валериана Анна⁸¹. В конце того же года, 16 декабря 1895 г. о. В. Орлов скончался в возрасте 57 лет от крупозного воспаления легких. Умиравшего исповедовал и приобщал священник церкви Павловского полка Дмитрий Боголюбов. Похоронили протодиакона Валериана Орлова на Волковом православном кладбище⁸².

С 1871 г. диакон Валериан Орлов фактически возглавлял штат духовенства церкви Мраморного дворца, вел метрические книги и прочую церковную документацию⁸³. Дело в том, что после кончины

---

⁷⁸ РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 2957. Лл. 103–104. Формулярный список И. Бегемотова (1848); Ф. 796. Оп. 441. Д. 20. Лл. 1–4. Формулярный список о службе диакона придворной Стрельнинской церкви Иоанна Бегемотова (1864); Ф. 805. Оп. 1. Д. 912. Об определении псаломщика Константиновского дворца Иоанна Бегемотова к придворной Стрельнинской церкви диаконом сверх штата (1862).

⁷⁹ РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 954. Л. 8–8 об.

⁸⁰ См.: Орлов В., протодиакон. Мраморный дворец: 1785–1885. СПб., 1885. С. 20–26.

⁸¹ РГИА. Ф. 805. Оп. 2. Д. 118. Лл. 119 об.–120.

⁸² Там же. Лл. 163 об.–164.

⁸³ После его смерти всю метрическую документацию вели псаломщики И. Перетерский и М. Мухин, однако вскоре они вышли из духовного сословия и поступили на гражданскую службу. После их увольнения все штатные должности в церкви Константиновского дворца остались вакантными. В связи с этим протопресвитер И. Л. Янышев пишет управляющему двором вел. кнг. Александры Иосифовны П. Е. Кеппену: «Я нахожу необходимым, чтобы означенные псаломщики вместе с

прот. С. Михайловского 8 марта 1871 г. вел. кн. Константин Николаевич обратился через шталмейстера двора В. А. Бибикова к протопресвитеру В. Б. Бажанову с просьбой приискать временного священника. В результате управляющий придворным духовенством распорядился назначить «для совершения богослужений и исполнения треб в церкви Константиновского дворца» сначала одного из протоиереев Придворного собора Зимнего дворца⁸⁴, а впоследствии в храме «по совместительству» служили различные священники.

Согласно данным метрических книг, в 1871–1892 гг. в Введенской домово́й церкви, совместно с дворцовым клиром, который составляли диакон Валериан Орлов и в разные годы псаломщики Н. П. Смирницкий, А. А. Городецкий, Н. К. Флеров, И. И. Перетерский, М. К. Мухин, Г. И. Докучаев, Г. А. Голубев, совершали богослужения и требы священники не только Придворного, но и Военного ведомства, а также епархиальных храмов. Некоторые из этих клириков были «биографически» связаны с храмами Придворной конторы вел. кн. Константина Николаевича, как свящ. И. Преображенский и В. Шафрановский (зятья диакона И. Лукина) или свящ. В. Добронравов и В. Макаровский, в разное время служившие в Стрельнинской придворной Спасо-Преображенской церкви. Часто приглашались священнослужители из территориально близких храмов Придворного (напр., сакелларий Большого придворного собора прот. Ксенофонт Никольский) или Военного (Алекса́ндро-Невского храма при л.-гв. Павловском полку прот. Прохор Прокопович) ведомств; призывались приходские священники из расположенных неподалеку от Мраморного дворца храмов IX и X благочиний⁸⁵.

В 1872–1880 гг. законоучителем и духовником великих князей Константина, Дмитрия и Вячеслава Константиновичей⁸⁶ состоял

прошениями об увольнении их от службы представили в состоящую при мне Канцелярию печать церкви Константиновского дворца, метрические книги, брачные обыски и исповедные росписи, и вообще все относящееся к обязанности штатного причта документы и бумаги церковного архива, впредь до назначения при сей церкви штатных священнослужителей» (РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 1777. Л. 3 об.).

⁸⁴ РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 1156. Лл. 2–3.

⁸⁵ См.: Справочный указатель соборов и церкви С.-Петербургской епархии. СПб., 1867.

⁸⁶ См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 441. Д. 86. Лл. 25–28. Формулярный список А. Двукраева; Ганф Т. И. Памяти протоиерея Арсения Двукраева. [Электронный ресурс]. URL: <http://mitropolia.spb.ru/news/av/?id=17622> (дата обращения: 15.08.2018); Соколова Л. Духовник великих князей // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravpiter.ru/pspb/n121/ta013.htm> (дата обращения: 15.08.2018).

священник Входа-Иерусалимской Знаменской церкви **Арсений Иванович Двукраев (1825–1895)**. С начала 1870-х гг. он стал неофициальным духовником великокняжеской семьи⁸⁷ и часто совершал богослужения и требы в церкви Мраморного дворца. Вел. кн. Константин Константинович неоднократно упоминает в дневниках исповеди у о. Арсения⁸⁸; именно он давал молитву и нарекал имя новорожденным Константиновичам — княжне Татиане, князьям Константину и Олегу⁸⁹. Нельзя забыть и о духовном окормлении вел. кнг. Александры Иосифовны о. **Иоанном Сергиевым — св. прав. Иоанном Кронштадтским (1829–1908)**⁹⁰.

По приглашению августейших хозяев богослужения в храме Мраморного дворца до начала XX в. совершали насельники Александро-Невской лавры. Чаще всего упоминается с начала 1870-х гг. архимандрит **Исаия (Булин) (1828–1896)**, впоследствии наместник лавры (1890–1896), который близко общался с вел. кн. Константином Константиновичем, что отражено в его дневниках. В дневнике о. Николая Касаткина (будущий свт. Николай Японский) сохранилось свидетельство о посещении Мраморного дворца 27 января 1880 г.: «Утром с о. Исаием отправились в Мраморный дворец к обеду. По приезду он стал совершать проскомидию <...> В церкви были: сам Константин Николаевич и его дети — Константин и Дмитрий <...> Певчие хороши, иконопись строго византийская — После службы, продолжавшейся час с четвертью, мы с о. Исайей выпили по чашке кофе в семейной»⁹¹.

---

⁸⁷ Официально исповедь у членов августейшей семьи, как правило, принимали духовники императорской фамилии: в 1848–1883 гг. В. Б. Бажанов, а с 1883 г. — И. Л. Янышев.

⁸⁸ Дневник вел. кн. Константина Константиновича 1892 г. М., 2015. С. 51, 76 и др.

⁸⁹ Дневник вел. кн. Константина Константиновича 1890–1891 гг. М., 2015. С. 20, 45; Дневник вел. кн. Константина Константиновича 1892 г. С. 227; Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце. М., 2005. С. 22.

⁹⁰ «Исповедывать бабушку всегда приезжал приснопамятный Отец Иоанн Кронштадтский. Я видела, как по длинному коридору, устланному ковром-дорожкой, он шел один, а лакеи низко кланялись, просили благословения и молитв, называли его “отец родной”» (Игуменья Тамара. К столетию рождения поэта К. Р. Только в отрывочных картинках, каким я помню отца. (Записано его старшей дочерью). // Сборник памяти вел. кн. Константина Константиновича, поэта К. Р. Париж, 1962. С. 51). См. также: Ганф Т. И. Св. прав. Иоанн Кронштадтский и великокняжеская семья Константиновичей // Константиновские чтения — 2008 / Сб. материалов научн. конференции. СПб., 2008. С. 58–67.

⁹¹ Дневники свт. Николая Японского: в 5 тт. СПб., 2004. Т. 1. С. 156.

Возможно, отсутствие постоянного священника в штате придворной Введенской церкви объясняется тем, что, согласно данным метрических книг и генеральных табелей, с начала 1870-х гг. количество главных треб (крещений, венчаний и отпеваний), совершаемых в храме, неуклонно сокращается. Если, к примеру, в 1859 г. в церкви было совершено 15 крещений, 12 венчаний и 13 отпеваний, то в 1872 г. по два крещения и венчания и четыре отпевания, а за весь 1880 г. в храме состоялось лишь одно крещение! Создается впечатление, что после смерти прот. С. Михайловского приход Введенской придворной церкви как административно-территориальная единица, обязанная вести метрический учет своих прихожан (придворнослужителей и чинов двора, живущих при Мраморном дворце), фактически сходит на нет. Сам вел. кн. Константин Николаевич с середины 1870-х гг. нечасто бывает в своей петербургской резиденции. Его супруга подолгу живет в загородных дворцах Стрельны и Павловска, совершает заграничные путешествия; дети вырастают. Вместе с хозяевами стареет двор — и крестин с начала 1880-х гг. практически не совершается. Венчания также становятся редкими событиями и могут трактоваться как знак особого благоволения августейших хозяев — именно в Введенской домово́й церкви венчались фрейлины вел. кнг. Александры Иосифовны: П. И. Бибикова с князем А. И. Кропоткиным (11 ноября 1870 г.) и М. Э. Келлер с графом Н. П. Клейнмихелем (30 апреля 1871 г.). Единственное венчание в 1891 г. упомянуто в дневнике вел. кн. Константина Константиновича в записи от 19 октября: «В Мраморном благословил на свадьбу дочь старого моего камердинера Степанова»⁹². В сложившейся ситуации выделять средства на содержание постоянного клира и причта не представлялось необходимым.

Конечно, главными прихожанами храма остаются владельцы Мраморного дворца. Именно для них — прежде всего, вел. кн. Константина Константиновича, ставшего в 1880-х гг. главой большого семейства, и его младшего брата Дмитрия — по воскресным и праздничным дням совершаются Божественная Литургия и богослужения суточного круга, а также различные молебны. Великокняжеская семья часто молилась в маленькой молельне или особой комнатке за алтарем. На службах регулярно присутствовали дети, о чем вспоминал в эмиграции вел. кн. Гавриил Константинович: «Нас часто водили в Дворцовую церковь и причащали»⁹³. Новорожденных Константиновичей — княжну Татиану (5 февраля 1890 г.) и князя Константина (2 января 1891 г.) — крестили именно

⁹² Дневник вел. кн. Константина Константиновича 1890–1891 гг. С. 426.

⁹³ Гавриил Константинович, вел. кн. Указ. соч. С. 19. Многочисленные свидетельства сохранились также в дневниках вел. кн. Константина Константиновича.

в домовый церкви Мраморного дворца – их родного дома⁹⁴. Владельцы могли сослужить клирикам: на Вечерне Великой Пятницы 30 марта 1890 г. вел. кн. Константин Константинович участвовал в выносе Плащаницы вместе с «старым адмиралом Зеленым Ильей Александровичем» и Рамбахом⁹⁵. Конечно, августейшие хозяева всегда старались быть в своем храме в день его престольного праздника — Введения во храм Пресвятой Богородицы. Так, 20 ноября 1890 г. поэт К. Р. записал в дневнике: «Накануне Введения ходил с Иоанчиком ко всеобщей в нашу дворцовую церковь. Для маленького, кажется, нет большего удовольствия, как ходить к церковным службам»⁹⁶. Богослужбная жизнь Введенской церкви Мраморного дворца продолжалась и после кончины вел. кн. Константина Николаевича и его супруги и упразднения Придворной конторы.

Проведенное исследование позволяет достаточно подробно охарактеризовать состав и структуру штатного духовенства при дворе вел. кн. Константина Николаевича. Просопографический анализ — комплексное воссоздание и изучение биографий священников и диаконов, служивших в домовом храме Мраморного дворца во второй половине XIX в., — дает серьезные основания для создания коллективного портрета представителя придворного духовенства.

В 1848–1892 гг. — в период функционирования Придворной конторы вел. кн. Константина Николаевича — на штатных позициях в Введенской придворной церкви последовательно служили три священника и четыре диакона (см. *Приложение 1*). Все они (за исключением Н. Подгородинского) — выходцы из духовного сословия. Все, кроме диакона И. Лукина, получили семинарское духовное образование, а двое — С. Михайловский и И. Преображенский — закончили СПбДА. Назначение в Придворное ведомство, в штат придворной церкви происходило, как правило, в результате личных контактов с членами императорской фамилии (Н. Подгородинский), в т. ч. в заграничных путешествиях (И. Орлов), и различных протекций (Д. Куколевский), а также «со взятием» — в результате вступления в брак с дочерью уходящего на покой клирика (И. Преображенский). При поступлении ко двору С. Михайловского определяющее значение имел не только его «правильный» брак с дочерью обер-священника армии и флотов, но и выдающиеся научные и законоучительские таланты молодого магистра богословия. Наконец,

---

⁹⁴ Дневник вел. кн. Константина Константиновича 1890–1891 гг. С. 36–37, 269–270.

⁹⁵ Там же. С. 71.

⁹⁶ Дневник вел. кн. Константина Константиновича 1890–1891 гг. С. 239.

в ряде случаев решающую роль сыграла музыкальная и вокальная одаренность соискателя (И. Орлов, Д. Куколевский, Н. Подгородинский).

Служение духовенства, входившего в великокняжеский придворный штат, проходило на фоне перелома русской жизни и значительного церковно-общественного подъема, «оживления церковно-общественной деятельности», когда «возросла роль общества в церковной жизни, активизировалась духовная печать, возрождалось проповедничество, создавались приходские попечительства и братства»⁹⁷. Придворные священнослужители не только предстояли у престола, но и сопровождали великокняжескую семью в заграничных путешествиях (Д. Куколевский), были первыми законоучителями августейших детей и вели активную педагогическую деятельность (С. Михайловский), участвовали в делах благотворительности (И. Преображенский), работали над собственными историческими и богословскими сочинениями (С. Михайловский, В. Орлов).

Достаточная свобода открывалась благодаря особым условиям жизни придворного духовенства, которое находилось в гораздо более благоприятных социальных и материальных условиях, нежели основная масса русского приходского (и особенно сельского) священства⁹⁸. Кроме жалования, они могли пользоваться служебным жильем, имели казенный стол, отопление и освещение, а по выходу за штат могли остаться жить при дворце (И. Лукин). После кончины священнослужителя членам его семьи назначалась пенсия (С. Михайловский и др.). Даже в том случае, если он снимал с себя сан, Придворная контора продолжала оказывать поддержку бывшему клирику и его семье (Н. Подгородинский).

Представленное описание состава и структуры придворного духовенства важно во многих аспектах: для изучения истории Придворной конторы вел. кн. Константина Николаевича, реконструкции жизни великокняжеской семьи и ее придворного окружения; для характеристики придворного духовенства в составе МИДв и его учреждений; для историографии Русской православной церкви; для исследований по генеалогии священнослужителей. В перспективе сравнительный просопографический анализ придворного духовенства позволит создать коллективный портрет этой группы духовного сословия Российской империи и тем самым восполнить информационные лакуны в исследовании Синодального периода истории Русской православной церкви.

⁹⁷ Никулин М. В. Православная церковь в общественной жизни России (конец 1850-х — конец 1870-х гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 7.

⁹⁸ См.: Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX в. М., 2002; Розов А. Н. Священник в духовной жизни русской деревни. СПб., 2003; Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

**Духовенство в штате Введенской церкви
Мраморного дворца (1848–1892)**

Имя	Годы жизни	Сан	Образование	Годы служения в церкви Мраморного дворца	Предыдущее место священнослужения	Последующее место священнослужения
Иоанн Алексеевич Орлов	1809–1866	Диакон (1832) Иерей (1832) Пресвитер (1850)	Киевская духовная семинария (1831)	1845–1850	Походная церковь Императорской Главной Квартиры; Образцовый пехотный полк (1843–1845)	Придворный собор Зимнего дворца (1850–1866)
Димитрий Иоаннович Куколевский	1806–1861	Диакон (1838) Иерей (1848)	Харьковский духовный коллегиум (до 1831)	1850–1861	Спасо-Преображенская церковь в Колтовской слободе (1848–1850)	
Самуил Васильевич Михайловский	1827–1871	Иерей (1857) Протоиерей (1867)	Тверская духовная семинария (1849), СПбДА, магистр богословия, бакалавр русской и гражданской истории (1853)	1861–1871	Церковь Свт. Спиридона Тримифунтского при СПб Елизаветинском училище (1857–1861)	
Иоанн Федорович Лукин	1797 – после 1862	Диакон (1836)	В семинарии не обучался	1836–1856	Церковь Мраморного дворца (1817–1836), псаломщик	
Иоанн Платонович Преображенский	1828–1886	Диакон (1856) Иерей (1858) Протоиерей (1877)	Тверская духовная семинария (до 1851) СПбДА, кандидат (1855)	1856–1858		Адмиралтейский морской собор и др. храмы

Имя	Годы жизни	Сан	Образование	Годы служения в церкви Мраморного дворца	Предыдущее место священнослужения	Последующее место священнослужения
Николай Прокопьевич Подгординский	1834 – после 1880	Диакон (1858)	Придворная певческая капелла (1852)	1858–1862		Вышел из духовного звания
Валериан Иоаннович Орлов	1838–1895	Диакон (1864) Прото- диакон (1878)	Уездное духовное училище Тверской епархии (до 1858)	1864–1895	Петропавловский собор СПб, дьячок (1863–1864)	

Приложение 2

**Источники для описания
штатного придворного духовенства
Введенской церкви Мраморного дворца (1848–1892)**

1. Документы из фондов РГИА

Ф. 805. Оп. 2. Дд. 107–118. Метрические книги церкви Мраморного дворца (1847–1895).

Ф. 805. Оп. 2. Дд. 219, 226–227. Книга для записи брачных обысков (поручительств за жениха и невесту) церкви Мраморного дворца (1846–1859, 1859–1895).

Ф. 805. Оп. 2. Дд. 232–235. Исповедные росписи церкви Константиновского дворца (1850–1864).

Ф. 805. Оп. 2. Дд. 239–264. Метрические книги придворных соборов и церквей (1848–1885).

Ф. 537. Оп. 1. Д. 1374. Книга записей прибывающих и убывающих по Мраморному дворцу (1850–1880).

Ф. 537. Оп. 1. Дд. 1–26. Повеления и постановления по Придворной конторе вел. кн. Константина Николаевича (1847–1880).

Ф. 537. Оп. 1. Дд. 447–484. Повеления и постановления вел. кнг. Александры Иосифовны (1849–1892).

Д. И. Куколевский (1806–1861)

Ф. 472. Оп. 2. Д. 25. Об определении в число придворных певчих (1831). Лл. 1–9.

Ф. 472. Оп. 2. Д. 1216. О помещении в Певческий корпус на испытание предполагаемых к определению в малолетние певчии и вообще об определении и увольнении придворных певчих (1838). Лл. 38–42.

Ф. 472. Оп. 3. Д. 86. Об определении и увольнении придворного духовенства (1841–1842). Лл. 21–23.

Ф. 472. Оп. 3. Д. 173. Об определении и увольнении придворного духовенства и о выдачах оному пособий на обзаведение (1842–1843). Лл. 1–12.

Ф. 472. Оп. 3. Д. 93. Об избрании диакона для определения к Придворной церкви вел. кнг. Марии Павловны в Веймаре (1841–1846).

Ф. 805. Оп. 1. Д. 234. Об определении диакона Казанского собора Д. Куколевского протодиаконом к собору Зимнего дворца сверх штата с выдачей ему на обзаведение 142 р. 85 коп. и о перемещении его к придворной церкви вел. кнг. Марии Павловны в Веймаре, вместо умершего диакона Егорова (1842).

Ф. 537. Оп. 1. Д. 31. Переписка со священниками церкви Мраморного дворца <...> (1849–1851)

Ф. 805. Оп. 1. Д. 558. <...> о перемещении на вакансию пресвитера собора Зимнего дворца священника церкви Константиновского дворца Иоанна Орлова и об определении к сей церкви <...> священника Дм. Куколевского (1850).

Ф. 805. Оп. 1. Д. 2958. Лл. 4–7. Формулярный список Димитрия Куколевского за 1852 г.

Ф. 805. Оп. 1. Д. 620. Об увольнении из духовного звания сына придворного священника церкви Константиновского дворца Куколевского — Николая (1852).

Ф. 805. Оп. 1. Д. 662. Об объявлении священнику церкви Константиновского дворца Д. Куколевскому благословения Св. Синода за 100 томов книг, пожертвованных им в библиотеку Кавказской семинарии (1853).

Ф. 796. Оп. 441. Д. 154. Лл. 28–35 об. Формулярный список священника Константиновского дворца Димитрия Куколевского за 1860 г.

Ф. 805. Оп. 1. Д. 870. О смерти священника Константиновского дворца Димитрия Куколевского и об определении на его место священника церкви Елизаветинского училища Самуила Михайловского (1861).

И. Ф. Лукин (1797 — после 1862)

Ф. 805. Оп. 1. Д. 40. <...> об определении к церкви Мраморного дворца диаконом псаломщика той же церкви Ивана Лукина <...> (1836)

Ф. 796. Оп. 441. Д. 330. Лл. 53–56. Послужной список церкви Мраморного дворца священника Кодрата Федорова с братиею на 1837 г.

Ф. 805. Оп. 1. Д. 196. По ходатайству о принятии детей лиц придворного духовенства в семинарии и духовные училища: <...> сына диакона церкви Мраморного дворца Феодора Лукина (1841).

Ф. 805. Оп. 1. Д. 437. По ходатайству диакона церкви Мраморного дворца Лукина об определении дочери его Анны пенсионеркою в Дом трудолюбия (1847).

Ф. 805. Оп. 1. Д. 2957. Лл. 100–101. Формулярный список за 1848 г.

Ф. 805. Оп. 1. Д. 472. По ходатайству (несостоявшемуся) о предоставлении диакону церкви Мраморного дворца Лукину казенной квартиры в Служебном доме (1848).

Ф. 805. Оп. 1. Д. 487. О замечании, сделанном священнику церкви Мраморного дворца Орлову и диакону Лукину по поводу испрашиваемых ими себе наград (1848).

Ф. 805. Оп. 1. Д. 2958. Лл. 12–15. Формулярный список за 1852 г.

Ф. 805. Оп. 1. Д. 613. О назначении диакона церкви Мраморного дворца И. Лукина опекуном над детьми его и именем, оставшимся после смерти жены его (1852).

Ф. 796. Оп. 441. Д. 171. Лл. 43–44 об. Формулярный список о службе Дворцовой церкви <...> вел. кнг. Марии Николаевны диакона Федора Лукина за 1856 г.

Ф. 805. Оп. 1. Д. 720. Об увольнении диакона церкви Константиновского дворца Иоанна Лукина и об определении вместо него кандидата СПбДА Ивана Преображенского (1856).

С. В. Михайловский (1827–1871)

Ф. 796. Оп. 441. Д. 190. Лл. 1–44. Формулярные списки священника С. В. Михайловского (1860, 1867–1870).

Ф. 805. Оп. 1. Д. 867. Об определении с Высочайшего соизволения священника церкви Елизаветинского училища С. Михайловского к придворной церкви Константиновского дворца (1861).

Ф. 805. Оп. 1. Д. 870. О смерти священника Константиновского дворца Димитрия Куколевского и об определении на его место священника церкви Елизаветинского училища Самуила Михайловского (1861).

Ф. 796. Оп. 441. Д. 898. Ордера и указы к руководству и исполнению священнику церкви Константиновского дворца Михайловскому (1862).

Ф. 805. Оп. 1. Д. 1156. О смерти протоиерея церкви Константиновского дворца Самуила Михайловского (1871).

В. И. Орлов (1838–1895)

Ф. 805. Оп. 1. Д. 954. <...> об определении диакона Валериана Орлова к церкви Константиновского дворца (1864).

Ф. 805. Оп. 1. Формулярные списки протодиакона Придворной Константиновского дворца церкви Валериана Иоаннова Орлова: Д. 2959. Лл. 281–282 (1878), Д. 2961. Лл. 227–228 (1880), Д. 2965. Лл. 287–288 (1884), Д. 2968а. Лл. 333–335 (1889).

Ф. 805. Оп. 1. Д. 1777. О смерти протодиакона церкви Константиновского дворца Валериана Орлова... (16 декабря 1895 – 1 апреля 1896).

Ф. 805. Оп. 1. Д. 1779. О назначении пенсий: вдове протодиакона Софии Орловой <...> (1896–1903).

И. А. Орлов (1809–1866)

Ф. 805. Оп. 1. Д. 2957. Лл. 92–99. Формулярный список свящ. И. Орлова за 1848 г.

Ф. 537. Оп. 1. Д. 1308. Лл. 5–6. Формулярный список за 1863 г.

Ф. 805. Оп. 1. Д. 409. О награждении священника церкви Мраморного дворца Орлова — камиллавкой (1846).

Ф. 805. Оп. 1. Д. 487. О замечании, сделанном священнику церкви Мраморного дворца Орлову и диакону Лукину по поводу испрашиваемых ими себе наград (1848).

Ф. 805. Оп. 1. Д. 558. <...> о перемещении на вакансию пресвитера собора Зимнего дворца священника церкви Константиновского дворца Иоанна Орлова и об определении к сей церкви <...> священника Дм. Куколевского (1850).

Ф. 805. Оп. 1. Д. 933. О предоставлении казенных квартир <...> протоиерею Орлову (1863).

Ф. 805. Оп. 1. Д. 1028. О смерти протоиерея собора Зимнего дворца Иоанна Орлова <...> (1866–1868).

Ф. 805. Оп. 1. Д. 1030. О продолжении пенсии дочерям вдовы протоиерея придворного собора Зимнего дворца Марии и Анне Орловым, вплоть до выхода их в замужество (1866–1872).

Н. П. Подгородинский (1834 — после 1880)

Ф. 805. Оп. 1. Д. 793. Об определении певчего Николая Подгородинского диаконом к церкви Константиновского дворца вместо Ивана Преображенского, перемещенного священником к Адмиралтейской во имя Свт. Спиридона церкви (1858 г.).

Ф. 499. Оп. 1. Д. 1080. Об определении большого придворного певчего Подгородинского 2-го диаконом при церкви Константиновского дворца (тут же и о вступлении его в брак) (1858).

Ф. 796. Оп. 441. Д. 235. Лл. 15–19. Формулярный список о службе диакона церкви Константиновского дворца Николая Подгородинского за 1860 г.

Ф. 537. Оп. 1. Д. 1311. Об определении Николая Подгородинского учителем пения в Александрийско-Мариинском институте (1862).

Ф. 499. Оп. 1. Д. 1174. Об определении в придворные большие певчие, по найму, Николая Подгородинского 2-го, тут же и об увольнении его от службы (1863–1870).

Ф. 499. Оп. 1. Д. 1181. О предоставлении вольнонаемного певчего Подгородинского 2-го к 50 руб. на крестины сына <...> (1863)

И. П. Преображенский(1828–1886)

Ф. 805. Оп. 1. Д. 720. Об увольнении диакона церкви Константиновского дворца Иоанна Лукина и об определении вместо него кандидата СПбДА Ивана Преображенского (1856).

Ф. 805. Оп. 1. Д. 793. Об определении певчего Николая Подгородинского диаконом к церкви Константиновского дворца вместо Ивана Преображенского, перемещенного священником к Адмиралтейской во имя Свт. Спиридона церкви (1858 г.).

Ф. 806. Оп. 16. Д. 1930. Лл. 1–15. Формулярные списки свящ. И. П. Преображенского (1859–1867).

2. Сочинения священнослужителей церкви Мраморного дворца

С. В. Михайловский

Рассуждение о трех степенях иерархии в православной церкви. Соч. бывш. воспитанника Тверской духовной семинарии, а ныне студента С.-Петербургской духовной академии Самуила Михайловского, читанное им на публичном испытании учеников Семинарии 29 июля 1849 г. Тверь, 1850.

Обязанности супруги-христианки // Духовная беседа. 1858. № 41.

Христианский праздник // Духовная беседа. 1859. № 26.

Святейший Никон, патриарх Всероссийский. Соч. свящ. Самуила Михайловского. СПб., 1863.

О совершении христианских таинств по чину Православной церкви. Сост. свящ. Самуил Михайловский. СПб., 1865.

Жизнь святейшего Никона патриарха Всероссийского. М., 1878 и др. изд.

В. И. Орлов

Мраморный дворец: 1785–1885 (Очерк). СПб., 1885.

3. Справочные издания

Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на [1848–1892]. СПб., 1848–1892.

Адресная книга С.-Петербурга на [1892–1893]. СПб., 1892–1893.

Всеобщая адресная книга С.-Петербурга, с Васильевским островом, Петербургской и Выборгской сторонами и Охтой: В 5 отд. 1867–1868.

Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. VII. Ч. 1. СПб., 1883. С. 46–49 (Церковь Введения во Храм Пресвятой Богородицы в Мраморном дворце).

Петербургский некрополь: в 4 т. / [сост. В. И. Саитов]. СПб., 1912. Т. 3. С. 142 (С. Михайловский), с. 321 (И. Орлов), с. 499 (И. Преображенский).

Раздорский А. И. Историко-статистические описания епархий Русской православной церкви (1848–1961): сводный каталог, указатель содержания. СПб., РНБ, 2007.

Родосский А. Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов Санкт-Петербургской духовной академии (1814–1869). СПб., 1907. С. 277–278 (С. Михайловский), 383–384 (И. Преображенский).

Справочный указатель соборов и церкви С.-Петербургской епархии и состоящих при них священнослужителей и приходов с предварительным обозрением состава епархиального управления на 1867 г. СПб., 1867.

4. Источники личного происхождения

Бумаги великого князя Константина Константиновича и членов его семьи: семейная и литературная переписка, отрывки из дневника, завещания, 1874–1918 гг. / Сост., авт. предисл., коммент., биогр. справ. Т. А. Лобашкова. М., 2013.

Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце. М., 2005.

Дневник великого князя Константина Константиновича 1890–1891 гг. / Сост., авт. предисл., коммент., биогр. справ. Т. А. Лобашкова. М., 2015.

Дневник великого князя Константина Константиновича 1892 г. / Сост., авт. предисл., коммент., биогр. справ. Т. А. Лобашкова. М., 2015.

Дневники святителя Николая Японского: в 5 тт. Т. 1. СПб., 2004.

К. Р. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1994.

Переписка великого князя Константина Константиновича с родителями и няней Варварой Михайловой, 1863–1908 гг. / Сост., авт. предисл., коммент., биогр. справ. Т. А. Лобашкова. М., 2017.

Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем (1857–1861); Дневник великого князя Константина Николаевича (1858–1861) / Сост., авт. вступ. ст., указ. и коммент. Л. Г. Захарова, Л. И. Тютюнник. М., 1994.

Игуменья Тамара. К столетию рождения поэта К. Р. Только в отрывочных картинках, каким я помню отца. (Записано его старшей дочерью). Сборник памяти вел. кн. Константина Константиновича, поэта К. Р. Париж, 1962. С. 51–68.

Смотрители Стрельнинского дворца: «лейтенант и кавалер» Ханджогло

Во второй половине XIX в. Стрельнинская резиденция была поистине «дворцом морского царя»¹. В период владения ею великим князем Константином Николаевичем здесь царили флотские порядки. Во дворце, над которым реял генерал-адмиральский флаг, проходили совещания высших чинов Морского ведомства, у причала стояла яхта «Стрельна», в парке кабинет хозяину заменяла рубка с фрегата «Громобой», а на верхней террасе и у пристани каждую весну водружалась мачта. Управляющими имением в то время были моряки. Еще до того, как великий князь Константин Николаевич получил Стрельну в свое полное распоряжение, смотрителем Стрельнинского дворца был назначен штурман Балтийского флота М. Н. Пашинников². В 1859 г. его на этом посту сменил лейтенант Дмитрий Спиридонович Ханджогло (*рис. 1*) — личность в своем роде легендарная.

Имя выдавало в нем представителя греческой диаспоры. Фамилия Ханджогло (первоначально Ханджоглу) — греческий вариант турецкого «Хаджи-оглу» (буквально: «сын совершившего паломничество»). Семья Ханджоглу принадлежала к так называемым «балаклавским грекам», то есть грекам из Архипелага³, принимавшим при Екатерине II участие в русско-турецких войнах на стороне России и затем бежавшим от мести турок в Крым. Как и многие греки, Дмитрий Ханджогло был моряком. Его отец, Спиридон Иванович Ханджоглу⁴, некогда учился в Греческом корпусе и служил в русском флоте, вышел в отставку капитаном 2 ранга и георгиевским кавалером.

---

¹ «Если Версаль задуман и выполнен как обиталище короля земли, то Стрельна — дворец морского царя». // Курбатов В. Я. Сады и парки. СПб., 1916. С. 330.

² Состоящий по корпусу штурманов Балтийского флота подполковник Михаил Николаевич Пашинников находился в этой должности с декабря 1844 г. См.: Список чинам Министерства императорского двора. 1859 г. С. 417.

³ Архипелаг (греч. *Αρχιπέλαγος*) — группа островов, расположенных близко друг к другу. Первоначально так назывался лишь Греческий архипелаг, т. е. группа островов Эгейского моря.

⁴ «В службу Его Императорского Величества вступил греческой нации из дворян в 1788 г. июня 2 в Греческий корпус кадетом. 1796 г. ноября 20 гардемарин. 1797 мая 1 выпущен во флот в мичмана. 1804 г. декабря 31 произведен

Мать Дмитрия Спиридоновича, Елена Феодосьевна⁵, была дочерью генерал-майора Равелиоти⁶, которому принадлежали обширные земли на южном берегу Крыма. Одна из сестер Дмитрия Спиридоновича, Феодосия, вышла замуж за представителя флотской династии Бальзамов⁷. Архимандрит Неофит⁸, настоятель петербургской Греческой церкви, говорил о Д. С. Ханджогло: «Принадлежа к фамилии, верно служившей Богопрославленной России, которая всегда с материнской нежностью принимала и пригревала на своей груди всех православных Востока, искавших в ней убежища, он любил ее всей душой и беззаветно был ей предан. Об этой любви и преданности свидетельствуют многочисленные и тяжкие раны, которыми он был покрыт в приснопамятных сражениях за Отечество и которые служат осязательным и блистательным свидетельством его храбрости и самоотвержения»⁹.

в лейтенанты. 1812 г. декабря 12 в капитан-лейтенанты. Службу продолжал добродолично, находился в кампаниях на Балтийском, Немецком, Черном и Средиземном морях, и в 1807 г. взял в плен на Средиземном море <...> турецкую военную галеру, а в 1810 г. октября 17 был в сражении противу турецких батарей...». // РГИА. Ф. 1343. Оп. 31. Д. 1975. Лл. 3–4.

⁵ «Свидетельство о рождении и крещении 30 января 1829 г. у отставного флота капитана 2 ранга Спиридона Ханджоглу сына его Дмитрия. Мать — Елена Феодосьевна, дочь генерал-майора Равелиоти. Выдано священником Балаклавского пехотного батальона А. Капилети». // РГИА. Ф. 1343. Оп. 31. Д. 1975. Л. 38.

⁶ Феодосий Равелиоти (Теодосиос Ревелиотис, греч. Θεοδοσίος Δ. Ρεβελιώτης) (1771 –?) — деятель греческого национально-освободительного движения, генерал российской армии и крупный землевладелец Крыма. Во главе греческого батальона Балаклавы принимал участие в подавлении мятежей крымских татар, был награжден орденом Св. Георгия. Был в составе российской делегации, подписавшей Адрианопольский мир (1829). Владения генерал-майора Равелиоти на южном берегу Крыма включали в себя Алупку, Ореанду и Ливадию. На протяжении пер. пол. XIX в. недвижимость была распродана потомками.

⁷ Бальзам (Ханджогло) Феодосья Спиридоновна (1827–1913) — супруга сына адмирала Д. Е. Бальзама (1773–1867). О них и их детях см.: Государственный архив Республики Крым. Ф. 23. Оп. 1. Д. 62; [Электронный ресурс]. URL: <http://baza.vgdru.com/1/81835/> (дата обращения: 21.08.2018).

⁸ Неофит (Пагида Стефан) (1835–1892) — архимандрит, настоятель греческой посольской церкви в С.-Петербурге. Перевел на греческий язык и издал труды российских богословов, а также сочинение Е. В. Богдановича «Наварин. 1827–1877» (М., 1877), с целью напомнить о заслугах России в освобождении Греции от турецкого ига.

⁹ Надгробное слово, произнесенное настоятелем Греческой посольской церкви архимандритом Неофитом при погребении капитана I-го ранга Дмитрия Спиридоновича Ханджогло. СПб., 1878. С. 6.

*Рис. 1. Д. С. Ханджогло
(ист.: Севастопольцы. Сборник
портретов участников обороны
Севастополя в 1854–1855 гг..
СПб., 1903–1907)*

Одновременно с Дмитрием Ханджогло в русском флоте служили два его старших брата — Иван и Александр. Поскольку тогда было принято давать офицерам-однофамильцам порядковые номера по старшинству, то Дмитрий в списках флота числился как Ханджогло 3-й, а после ранней смерти Александра — как Ханджогло 2-й. Согласно «Общему морскому списку»¹⁰, служебная биография братьев Ханджогло началась одинаково: с производства в гардемарины Черноморского флота. Затем Дмитрий почти сразу же, а Иван спустя два года, были переведены в юнкера флота. Это говорит о том, что они не заканчивали Морской кадетский корпус. Судя по всему, не учились они и в Николаевском штурманском училище¹¹, в ко-

тором преподавался греческий язык, а директорами часто назначались этнические греки. В те времена кадровые офицеры флота были отдельной «кастой», состоящей только из дворян, в штурмана же брали и разночинцев, на военном корабле они занимали подчиненное положение. Во всяком случае, в формулярном списке Дмитрия Ханджогло указано, что он «воспитывался у родителей» и знает «астрономию, арифметику, геометрию, тригонометрию, сферу, навигацию, плоскую и меркаторную практику, эволюцию и прочие науки, относящиеся до морского офицера»¹². Несмотря на то что в подобного рода документах бывали и ошибки (например, указано, что ни у самого Ханджогло, ни у его родителей нет имени, тогда как оно было¹³),

¹⁰ Общий морской список от основания флота до 1917 г. / Сост. Ф. Ф. Веселаго. Ч. 12. СПб., 1900. С. 195–197.

¹¹ Об училище см.: Ковалева О. Ф., Чистов В. П. Очерки истории культуры Южного Прибужья. Кн. 1. Николаев, 2000. С. 98–102.

¹² РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 2010. Л. 10 об.

¹³ Спиридон Иванович Ханджоглу имел «Симферопольского уезда при деревне Топчикой мужеска и женска пола крестьян 45 душ, в Балаклаве виноградный и фруктовый сады, пахотной и сенокосной земли 35 десятин. Да при той же деревне виноградные и фруктовые сады на 10 десятинах, водяную о пяти поставах мельницу, пахотной и сенокосной земли с лесом 1000 десятин, особо при деревне Актаски виноградный сад на 1 десятине и в Балаклаве два дома с дворами, два хутора, один в урочище Энкерман, другой в черте города Севастополя, да в деревне Кадыковке виноградный сад.

Рис. 2. И. А. Владимиров. Затопление кораблей Черноморского флота на Севастопольском рейде 11 сентября 1854 года. 1906. ЦВММ

можно этому поверить. Начальные знания по морскому делу мог преподать отец, а службу братья Ханджогло начинали на линейном корабле «Селафайл»¹⁴ под командованием капитана 1 ранга Э. И. Вергопуло¹⁵. Там, в процессе морской практики, и постигались науки. Командир корабля тоже когда-то поступил волонтером в Черноморский флот, что не помешало ему впоследствии стать адмиралом. Дмитрий Ханджогло смог сдать экзамен на мичманский чин только через пять лет. Зато на его счету было «узнавание фронтовой службы в прикомандировании к 17 гребному

Жительствует в г. Балаклаве». // РГИА. Ф. 1343. Оп. 31. Д. 1975. Л. 42.

¹⁴ «Селафайл» — парусный 84-пушечный линейный корабль. Построен на Николаевской верфи в 1841 г. Первым командиром (1841–1847) был Э. И. Вергопуло. Находился в практических плаваниях в Черном море. В период Крымской войны в составе эскадры контр-адмирала Ф. М. Новосильского вышел из Севастополя к Синопу для усиления эскадры вице-адмирала П. С. Нахимова, но вынужден был вернуться в Севастополь из-за открывшейся течи. 11 сентября 1854 г. был затоплен у входа на Севастопольский рейд между Константиновской и Александровской батареями.

¹⁵ Вергопуло Эммануил Иванович (?–1857) — вице-адмирал, Георгиевский кавалер. Председатель аудиториата штаба Черноморского флота и портов. В 1806 г. поступил волонтером на Черноморский флот и через два года пожалован в гардемарины. Участвовал во взятии Варны во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В 1841–1847 гг. был командиром корабля «Селафайл», затем был произведен в чин контр-адмирала.

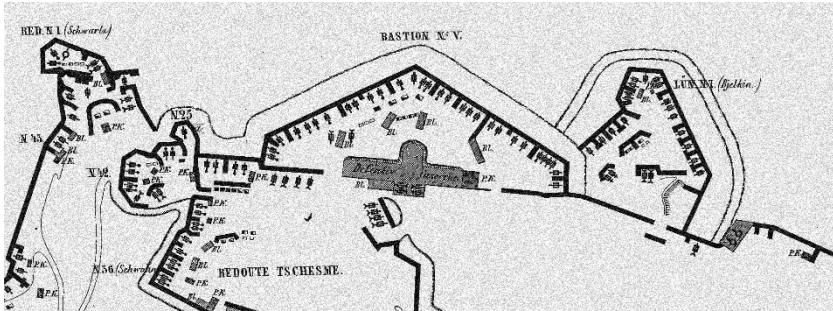

Рис. 3. Схема расположения пятого бастиона и редута Шварца
(ист.: Описание обороны г. Севастополя. СПб., 1863–1872)

Морскому экипажу»¹⁶ и крейсерства, в том числе и на одном из лучших линейных кораблей Черноморского флота — «Три святителя»¹⁷. Сразу после производства 19-летний мичман отправился на Балтийский флот. Карьеру его нельзя было назвать блестящей: он служил на транспорте, затем на брандвахте. Обратю на Черное море Ханджогло попал только в связи с угрозой начала войны, которую впоследствии назвали Крымской.

Архимандрит Неофит упоминал об участии Дмитрия Спиридоновича в Синопском сражении 18 ноября 1853 г., в котором эскадра вице-адмирала П. С. Нахимова разгромила турецкий флот. Однако в послужном списке¹⁸ Ханджогло сведений на этот счет нет, и вот почему. Осенью 1853 г. мичман Д. С. Ханджогло служил на бриге «Эней»¹⁹, который проводил рекогносцировку Синопа, и Нахимов перед боем

¹⁶ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 708. Лл. 317–330. Послужной список смотрителя Стрелинского дворца, состоящего по флоту капитана 2 ранга Ханджогло. Л. 318.

¹⁷ «Три Святителя» — парусный 120-пушечный линейный корабль. Построен на Николаевской верфи в 1839 г. Участвовал в Синопском сражении 18 ноября 1853 г. Во время обороны Севастополя был затоплен для заграждения входа в бухту. Погружался очень медленно, поэтому пароходофрегат «Громоносец» сделал по нему несколько выстрелов ниже ватерлинии.

¹⁸ Общий морской список. Ч. 12. С. 196.

¹⁹ «Эней» — 16-пушечный бриг. Заложен 23 июня 1840 г. на Николаевской верфи. Корабельный мастер Г. В. Афанасьев. Спущен на воду 26 июля 1842 г. Вошел в состав Черноморского (Азовского) флота. Главные размеры: 32 x 10,2 x 4,1 м. Вооружение: 14 x 18-ф. карронад, 2 x 8-ф. пушки. В ноябре 1851 г. отправлен в Севастополь, участвовал в Крымской войне. 11 ноября 1853 г., после обнаружения в Синопской бухте турецкой эскадры, отправлен П. С. Нахимовым с донесением в Севастополь, куда прибыл 13 ноября. В феврале 1854 г. вошел в эскадру защиты Севастопольского рейда. 27 августа 1855 г. затоплен при оставлении Севастополя русскими войсками.

отправил бриг в Севастополь с донесением. Интересно, что этот бриг в 1844–1851 гг. находился в распоряжении русского посланника в Греции. После Синопа, в феврале 1854 г. бриг «Эней» вошел в эскадру защиты Севастопольского рейда. А в апреле Д. С. Ханджогло был произведен в лейтенанты и переведен на пароходофрегат «Громомосец»²⁰. В июне, когда англо-французские пароходы сделали попытку рекогносцировки и прорыва на рейд Севастополя, «Громомосец» участвовал в погоне за неприятелем.

Затем Ханджогло включили в состав Сводного отряда моряков, который принял участие в разгромном для России Альминском сражении²¹. Стрелковым полубатальоном этого отряда командовал бывший командир брига «Эней» И. В. Ширинский-Шихматов²², который знал Дмитрия Спиридоновича по прежней службе. После возвращения из похода эта часть была переведена на пятый — «Центральный» — бастион. 10 сентября Ханджогло узнал о новом назначении, а 11 сентября ему пришлось увидеть, как «Громомосец» расстреливает у входа на рейд корабль «Три святителя», который упорно не хочет идти на дно²³. Начинаясь 349-дневная оборона Севастополя, во время которой моряки Черноморского флота, сойдя на берег, отстаивали город, превращенный ими в крепость.

Восемь месяцев — с сентября по май — лейтенант Ханджогло служил на пятом бастионе, который входил в первую дистанцию оборонительной линии (рис. 3). Вместе с матросами и солдатами он строил его (к моменту высадки вражеского десанта в Крыму там стояла только казарма), вооружал, заведовал артиллерийским огнем, заботился о быте.

---

²⁰ «Громомосец» — 14-пушечный пароходофрегат. Построен в Англии в 1843 г. по заказу Морского ведомства. Вошел в состав Черноморского флота. Основные размеры: 40,5 x 6,7 x 3,2 м. Паровая машина 260 л. с., 2 бортовых гребных колеса. Скорость 7,3 уз. Вооружение: 4 x 18-ф. пушки, 4 x 12-ф. пушки, 6 x 24-ф. карронад. Принимал участие в Крымской войне (1853–1856). После Синопского сражения буксировал в Севастополь поврежденные корабли. Принимал участие в затоплении линейного корабля «Три Святителя». Во время обороны Севастополя входил в отряд пароходов под командованием капитан-лейтенанта Г. И. Бутакова. 30 августа 1855 г. был затоплен на Севастопольском рейде при оставлении города гарнизоном.

²¹ Сражение на р. Альме (8/20 сентября 1854 г.) — первое крупное сражение Крымской войны, предопределившее начало многомесячной осады Севастополя.

²² Ширинский-Шихматов Иван Владимирович (1820 (?)–1855) — князь, капитан 2 ранга. Умер от ран, полученных на пятом бастионе при защите Севастополя.

²³ Этот момент изображен на картине И. А. Владимирова «Затопление кораблей Черноморского флота на Севастопольском рейде 11 сентября 1854 г.» (1906, ЦВММ) (рис. 2).

Офицеры севастопольских бастионов жили в блиндажах прямо на позициях, как и нижние чины, и здесь все были как на ладони (*рис. 4*). Участник обороны Петр Лесли²⁴ писал из осажденного города: «Если [матрос] и трус, то <...> трусость свою бросит в сторону, потому что видит, как все смотрят прямо в глаза своего офицера, и с полной доверенностью идут за ним, не рассуждая, куда ведет он их. Но если офицер спасует, то и они наградят его своим презрением, и уж, конечно, не выручат из беды <...> Но зато за храбрым офицером идут в огонь, не считая сколько неприятеля впереди и какая опасность»²⁵.

Пространство между четвертым и пятым бастионами прикрывал редут, получивший название по имени командира — лейтенанта М. П. Шварца²⁶. После тяжелого ранения Шварца командовать редутом было поручено Ханджогло. Очевидец писал: «Это самый знаменитый громовой редут <...> от него очень близки неприятельские батареи, а траншея всего только в шагах 70–80. Из этой траншеи французы бросают в редут из небольших мортирок небольшие же бомбы и гранаты ($\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{2}$ пудового калибра), причиняющие нам очень большие потери. С нашей стороны на редуте действуют в неприятельскую траншею девять тоже маленьких кегерновых мортир, также не любящих шутить во французской траншее»²⁷.

Возможно, Дмитрий Спиридонович так бы и остался одним из безвестных защитников Севастополя, если бы на его редуте не появился 10-летний мальчик — Николка Пищенко, которому он помог стать заправским артиллеристом (*рис. 5*). Командир представил юного героя командующему М. Д. Горчакову²⁸. Николка был сыном матроса, служившего

---

²⁴ Лесли Петр Иванович (1832–1877) — капитан-лейтенант, участник Синопского сражения и обороны Севастополя. Автор двух статей в «Морском сборнике» 1857 г.

²⁵ Письма отставного флота капитан-лейтенанта Петра Ивановича Лесли. В сб.: Сборник рукописей, представленных Е. И. В. Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами [репр. изд.]. М., 1998. С. 315.

²⁶ Шварц Михаил Павлович (1826–1896) — адмирал, участник Синопского сражения и обороны Севастополя. В чине лейтенанта 33-го флотского экипажа командовал редутом на левом фланге 1-го отделения оборонительной линии. 7 июня 1855 г. был контужен в голову. По окончании войны командовал разными судами Балтийского флота, был командиром 2-го флотского экипажа и кронштадтским комендантом.

²⁷ Севастополю 200 лет. Сборник документов и материалов. Киев, 1983. С. 244–245.

²⁸ Горчаков Михаил Дмитриевич (1793–1861) — генерал от артиллерии (1844), генерал-адъютант, командующий войсками в Крыму на исходе Крымской войны, с 1856 г. — наместник Царства Польского.

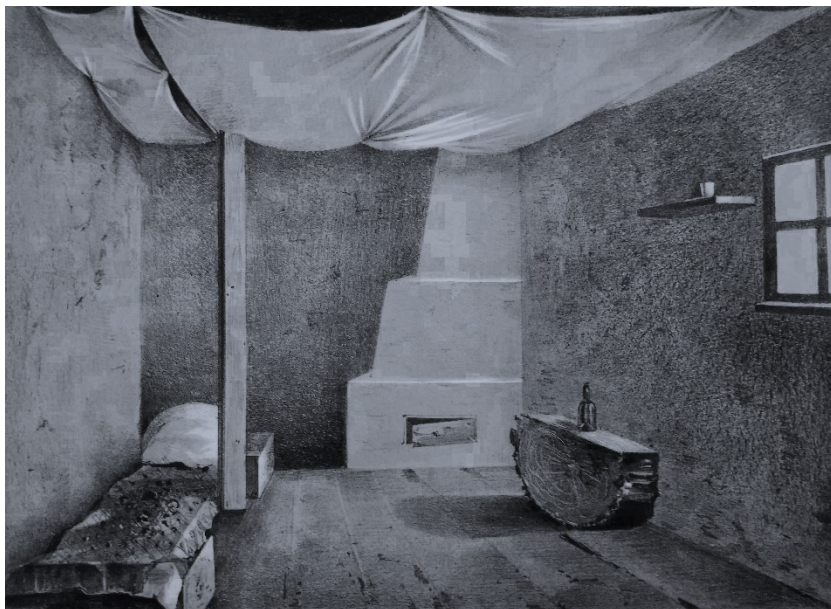

Рис. 4. Внутренность офицерского блиндажа на пятом бастионе (ист.: Берг Н. Севастопольский альбом. М., 1858)

комендором на батарее Забудского²⁹, находившейся рядом с редутом. После смерти отца, у которого он был заряжающим, и ранения матери, попавшей в госпиталь, мальчик не мог найти себе занятие. Н. В. Берг так описывает дальнейшие события: «Однажды [Николка] забежал на Шварцов редут, где увидел девять небольших мортир. — Позвольте мне выстрелить из мортирки! — сказал он командиру редута Ханджогло <...> Ханджоглу (так в источнике. — Прим. М. Н.) дозволил. Мальчик выстрелил хорошо и так полюбил мортирки, что начал проситься перейти на редут. Ханджоглу для формы послал его к Забудскому, как к старому начальнику, спросить, позволит ли он. Забудский отпустил Пищенко, и тот поселился на редуте Шварца, состоя под командой одного опытного матроса. 9 июля этот матрос был убит, и Пищенко остался у мортир один и до конца осады управлял ими»³⁰.

²⁹ Забудский Григорий Николаевич (1828–1891) — адмирал, участник Синопского сражения и обороны Севастополя. Командовал правым флангом четвертого бастиона. В послевоенное время командовал различными судами Балтийского флота, заведовал портом Свеаборга и доками Кронштадта.

³⁰ Берг Н. В. Записки об осаде Севастополя. М., 2016. С. 177.

Узнав от командира редута о юном артиллеристе, отличавшемся меткостью огня, М. Д. Горчаков награбил Николку серебряной медалью «За храбрость» и приказал отправить его в Петербург в школу кантонистов.

А Севастополь подвергся третьей, самой страшной бомбардировке, за которой последовал штурм. 27 августа 1855 г. защитники редута Шварца отбили все атаки неприятеля, однако Малахов курган был взят. На следующий день наши войска оставили укрепления южной стороны. Лейтенант Ханджогло вместе с уцелевшими артиллеристами редута переправился на Северную сторону и принял на себя командование 13-й батареей. Здесь он находился вплоть до окончания военных действий³¹. В период обороны Севастополя Дмитрий Спиридонович «был ранен в правый бок и левую ногу и контужен в голову, грудь и правую ногу» и был на излечении в госпиталях Севастополя и Николаева. А в 1857 г. Ханджогло оказался в Петербурге: был «причислен для пользования болезнью от ран и контузии» в 17-й флотский экипаж.

«За отличную храбрость и мужество» в 1854–1856 гг. Дмитрий Спиридонович был пожалован орденами: Св. Анны 3 ст. с мечами, Св. Владимира 4 ст. с мечами, Св. Станислава 2 ст. с мечами, а также награжден серебряной медалью на Георгиевской ленте и бронзовой медалью в память войны 1853–1856 гг. «В 1858 г. по Журналу Адмиралтейств-совета ст. 20.504 получил в пособие из наградного капитала одновременно 100 руб. сер.». Однако повышения в чине Ханджогло так и не дождался, оставшись лейтенантом, хотя по указу Николая I месяц службы в осажденном Севастополе приравнялся к году. Возможно, все дело было в природной скромности Дмитрия Спиридоновича: архимандрит Неофит отмечал его нежелание кичиться подвигами.

В 1858 г. Ханджогло, который находился в списках Комитета о раненых, был прикомандирован к Морскому кадетскому корпусу. Несмотря на то, что в формуляре указано, что он исполнял функции ротного командира, не надо думать, что он попал в корпус из-за славы наставника Николки Пищенко. Просто заслуженных офицеров, не годных более к строевой службе, временно приписывали к какой-либо части. Им также полагалась пенсия из «инвалидного капитала»³². В 1859 г. он в числе других севастопольских ветеранов был переведен на новую должность. Если его товарищи отправились в провинцию

---

³¹ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 708. Послужной список смотрителя Стрелинского дворца, состоящего по флоту капитана 2 ранга Ханджогло. Лл. 317–323, 324–330.

³² РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Ед. хр. 4141. О назначении кап.-лейт. Левину и лейт. Ханджогло пенсий из инвалидного капитала (апрель 1859 г.).

городничими, то «состоящий по флоту лейтенант Дмитрий Спиридонович Ханджогло 2-й» стал смотрителем Стрельнинского дворца³³.

Как Дмитрий Спиридонович получил должность управляющего резиденцией генерал-адмирала, неизвестно. Возможно, он познакомился с великим князем Константином Николаевичем еще во время войны: тот приезжал в Николаев выяснить, в каком состоянии находятся отступившие из Севастополя части моряков, а посещение госпиталей всегда входило в программу августейших визитов. Не исключено и знакомство в Морском кадетском корпусе, шефом которого был Константин Николаевич. Но, скорее всего, генерал-адмирал, желавший взять на эту должность моряка, просто просматривал списки ожидающих назначения флотских офицеров — ветеранов Крымской войны. В беседе с Д. С. Ханджогло он мог выяснить, что тот происходит из архипелагских греков. Великий князь Константин Николаевич с юности был весьма чувствителен к теме освобождения Греции от османского владычества. Во время посещения Константинополя в 1845 г. он был потрясен тем, что греки вставали перед ним на колени, и записал в своем «журнале»: «<...> с какими ожиданиями они встречали одноверного им православного князя, который еще сверх того носит самое дорогое для них имя, которое, так сказать, было залогом существования Царьграда <...> Они меня иначе не называют, как Василевс, Царь <...>»³⁴. Некогда правой рукой владельца Стрельны, цесаревича Константина Павловича, был грек Дмитрий Курута³⁵. При великом князе Константине Николаевиче смотрителем Стрельнинского дворца стал грек Дмитрий Ханджогло.

---

³³ РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Ед. хр. 4140. О переводе прикомандированных к корпусу раненых лейтенантов Завалишина и Оболянинова и мичмана О. Завалишина — городничими и лейт. Ханджогло — смотрителем Стрельнинского дворца (январь 1859 — февраль 1860 гг.).

³⁴ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 81. Л. 143 об., 171 об.—172. Цит. по: Воронин В. Е. Великий князь Константин Николаевич: становление государственного деятеля. М., 2002 (цит. по электр. изданию).

³⁵ Курута Дмитрий Дмитриевич (1769—1833) — граф, генерал от инфантерии. После окончания Греческого корпуса был определен ко двору великого князя Константина Павловича для обучения новогреческому языку. Будучи офицером флота, участвовал в русско-шведской войне 1788—1790 гг. В дальнейшем служил в сухопутных войсках. В 1810 г. стал адъютантом цесаревича Константина Павловича. Участвовал в Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе русской армии. Исполнял функции гофмейстера двора Константина Павловича. Похоронен в Стрельне, могила не сохранилась.

Стрельна вплоть до революции 1917 г. именовалась «мызой», то есть усадьбой, помещьем. На деле это было обширное поселение, в которое входил не только дворцово-парковый ансамбль со всеми постройками, но и соседние деревни с крепостными крестьянами, слободы мастеровых, дачи, принадлежавшие как представителям аристократических родов, так и купцам и мещанам. Прибавьте к этому леса и реки, сельскохозяйственные угодья и промышленные предприятия, дороги и транспорт. Здесь были свои церкви, полиция, образовательные и медицинские учреждения. До совершеннолетия великого князя Константина Николаевича управление Стрельной осуществлялось Департаментом уделов Министерства императорского двора. С 1848 г. Стрельнинский дворец перешел в полное распоряжение молодого генерал-адмирала, однако приписанные ко дворцу имения по-прежнему оставались в управлении Удельного ведомства.

От казны великому князю Константину Николаевичу полагалось содержание в 200 тыс. руб. в год. Его супруге — 43 тыс., их детям — примерно по 14 тыс. руб. На содержание Стрельнинского дворца выделялось 33 тыс. руб. Оплата труда Д. С. Ханджогло составляла чуть больше 500 руб. в год³⁶. В те времена слово «смотритель» имело совершенно иной смысл, нежели сегодня. Ханджогло фактически стал комендантом дворцово-паркового ансамбля. Он занимался тем, что сегодня называется вопросами жилищно-коммунального хозяйства, управлением штатом прислуги, приглашением мастеров со стороны, подрядными договорами и т. п. Он подписывал счета за отопление, обойные работы, очистку и проч.³⁷ Деньги на оплату произведенных работ Ханджогло получал под расписку от Придворной конторы великого князя Константина Николаевича, для этого ему нужно было обращаться к гофмейстеру К. П. Чичерину³⁸. Стрельнинское дворцовое правление располагало штатом в 85 единиц³⁹. Однако непосредственно смотрителю дворца подчинялось гораздо меньше человек, число их менялось в зависимости от пребывания в Стрельне великокняжеской фамилии. По документам на содержание штата

---

³⁶ Расписание доходов и расходов Министерства уделов в 1860 г. СПб., 1861.

³⁷ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1536. <...> Формулярный список смотрителя дворца Д. Ханджогло (1861).

³⁸ Чичерин Константин Петрович (1816–1867) — действительный статский советник, с 1838 г. управляющий гофмейстерской частью двора великого князя Константина Николаевича.

³⁹ ПСЗ РИ. Собр. II (1825–1881). Т. 23. Ч. 2. Штаты и табели. № 22539 (30 августа 1848 г.). С. 170.

Рис. 5. В. Е. Маковский. 10-летний севастиопольец Коля Пищенко на батарее (из альбома «Эпизоды Севастопольской жизни 1854–1855 гг.»). Картон, масло. 1872. ГИМ. Предположительно: слева — лейтенант Д. С. Ханджогло.

Стрельнинского дворца полагалось по 11 350 руб. 29 коп. в полугодие⁴⁰. Однако Ханджогло от Придворной конторы выдавалось гораздо меньше денег: например, в сентябре 1861 г. он получил на эти цели всего 2000 руб.⁴¹

Дмитрий Спиридонович по-прежнему считался офицером флота и продвигался по службе. На следующий год после вступления в должность Ханджогло были «всемилоостивейше пожалованы» знаки к ордену Св. Станислава 2 ст., а именно: над мечами появилась императорская корона. В том же году он был «пожалован сверх жалованья за должность пенсионом из Государственного казначейства 315 руб. сер. в год»⁴². В 1864 г. он был наконец произведен в капитан-лейтенанты.

Генерал-адмирал с большим уважением относился к севастиопольским героям и старался дать им место. Так, он осведомлялся у Дмитрия Спиридоновича, прибыл ли на должность сторожа Стрельнинского дворца флотский унтер-офицер⁴³. Скорее всего, речь шла о ветеране, которому потом дали прозвище «Нептун». «Получив рану в ногу и контузию в голову на Малаховом кургане, где он состоял близким человеком при убитом там

⁴⁰ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1536. Лл. 8–9, 79.

⁴¹ Там же. Л. 75.

⁴² Там же. Л. 5.

⁴³ Там же. Л. 87.

же адмирале Нахимове, он был уволен от службы уже стариком и был взят из сострадания великим князем Константином Николаевичем в Стрельну в качестве сторожа. Он жил уединенно на маленьком островке, близ морского берега, и вся его служба состояла в поднятии и опускании утром и вечером генерал-адмиральского флага на Стрельнинском дворце»⁴⁴.

В августе 1859 г. в Придворную контору великого князя Константина Николаевича прислали документы нового смотрителя: формулярный список и четыре аттестата «об окончательном довольствии»⁴⁵. К моменту прибытия Ханджогло в Стрельну он уже был женат. Его избранницей стала дочь титулярного советника Хартулари (Хартуляри) Елизавета Федоровна⁴⁶ — тоже гречанка. В Стрельне в семье Ханджогло родилось трое детей — двое сыновей, Петр и Александр, и дочь Екатерина. Восприемником при крещении старшего сына Дмитрия Спиридоновича был сам великий князь Константин Николаевич⁴⁷. Годовой доход главы семьи вместе с пенсионом составлял больше тысячи рублей⁴⁸. Когда старшие дети выросли, великая княгиня Александра Иосифовна поручила Е. Ф. Ханджогло заведование Стрельнинской школой⁴⁹. Освобождена от этой обязанности она была только после смерти супруга и переезда из Стрельны в Петербург.

В 1861 г. для семьи смотрителя Стрельнинского дворца построили дом — он, видимо, и считался той самой «казенной квартирой», поскольку был сооружен на средства Экономического Стрелинского капитала⁵⁰. Деревянный дом по проекту архитектора Потолова⁵¹ строил столяр Козьма Смирнов. Сумму за постройку дома в 9250 руб. можно считать условной, поскольку она фигурирует и в другие годы — например,

⁴⁴ Записки графа Николая Егоровича Комаровского. М., 1912. С. 62.

⁴⁵ РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Ед. хр. 4140. Л. 14.

⁴⁶ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 2010. Л. 11.

⁴⁷ РГИА. Ф. 805. Оп. 2. Д. 245. Метрическая книга Стрельнинской придворной церкви за 1860 г. Лл. 997 об.–998.

⁴⁸ «Смотритель дворца <...> Получает в год: жалованья 572 руб. сер., столовых 143 руб., пенсии 315 руб. Итого 1 030 руб. сер. (Имеет) казенную квартиру». // Список чинам Министерства и Императорского двора. 1861 г. С. 406.

⁴⁹ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 4497. О поручении г-же Ханджогло заведывания школой. Лл. 1–2.

⁵⁰ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1536. Лл. 36, 42–43, 46.

⁵¹ Потолов Иван Яковлевич (1815–1887) — архитектор, действительный статский советник. В 1859 г. был назначен архитектором при дворе вел. кн. Константина Николаевича и городского правления г. Павловска. В 1861 г. был коллежским асессором, его жалованье составляло 343 руб. сер. в год. См.: Список чинам Министерства императорского двора. 1861 г. С. 404–405.

«за постройку флигеля, сараев, конюшен, ледников, и за устройство для гофмейстера кухни»⁵². Историк архитектуры С. Б. Горбатенко считает дом, фотографии которого сохранились в ИИМК РАН под названием «Дом дворцового правления»⁵³, тем местом, где жили смотритель и секретарь. Это здание старого садовничьего дома, перестроенного в 1802 г., можно считать и «Гофмейстерским домом», куда в 1880 г. была переведена школа. Однако в документах о доме Ханджогло употребляется выражение «вновь построенный» и нигде не упоминается про старый фундамент или какие-либо переделки. Напротив, отдельно оговариваются работы по «устройству для гофмейстера кухни», что дает основания предполагать, что Гофмейстерский дом (он же дом дворцового правления, изображенный на фотографиях начала XX в.) и дом смотрителя дворца Ханджогло — разные здания.

После отмены крепостного права в 1861 г. управление великокняжеской резиденцией существенно усложнилось. Речь шла не только о том, что в услужение теперь вместо крепостных нужно было нанимать свободных людей, но прежде всего о системе выкупа земельных участков и проч. С 1865 г. управление г. Павловском и Стрельной, которые с конца XVIII в. принадлежали одним и тем же владельцам, было объединено. С этого момента капитан-лейтенант Д. С. Ханджогло стал подчиняться главе Павловского городского правления К. П. Ротгасту⁵⁴, который одновременно стал заведующим мызой Стрельной. С января 1872 г. на этот пост был назначен К. П. Голенко⁵⁵, который со временем стал доверенным лицом великого князя. Где и когда Голенко познакомился с генерал-адмиралом, не знают даже его потомки⁵⁶. Но Голенко и Ханджогло когда-то оба сражались на бастионах Севастополя. В памятном

⁵² РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1536. Л. 76.

⁵³ Горбатенко С. Б. Архитектура Стрельны. СПб., 2006. С. 267.

⁵⁴ Ротгаст (Ротгаст) Константин Петрович (1819–1902) — действительный статский советник, глава Павловского городского правления (1860–1871).

⁵⁵ Голенко Константин Петрович (1823–1884) — участник Севастопольской обороны в период Крымской войны (1853–1856). В течение десяти месяцев командовал третьим бастионом. Кавалер ордена Св. Георгия 4 ст. По окончании войны перешел на службу в торговый флот. В 1861–1870 гг. — мировой посредник, затем мировой судья в Островском уезде Псковской губернии. Приказом от 6 января 1872 г. назначен управляющим города Павловска и заведующим мызой Стрельна. Впоследствии ему было вверено управление и другими имениями великого князя Константина Николаевича. Скончался, сопровождая великого князя в поездке в Крым.

⁵⁶ Голенко И. Г., Гореликова-Голенко Е. Н. Великий князь Константин Николаевич и Константин Петрович Голенко. Годы вместе // Константиновские чтения — 2011. 160 лет со дня рождения великой русской книги и греческой королевы Ольги Константиновны / Сб. материалов научной конференции. СПб., 2011. С. 97–106.

альбоме «Севастопольцы»⁵⁷, изданном к 50-летию начала Крымской войны, их портреты находятся на соседних страницах.

Дмитрий Спиридонович был смотрителем Стрельнинского дворца до самой смерти. В 1867 г. король эллинов Георг I пожаловал Ханджогло греческим орденом Спасителя 4 ст. В 1869 г. заслуги Ханджогло были отмечены орденом Св. Анны 2 ст. с императорской короной мечами над орденом. Последней наградой Дмитрия Спиридоновича стал орден Св. Владимира 3 ст. В отставку он вышел капитаном 1 ранга. В марте 1878 г. Ханджогло умер, не дожив и до пятидесяти лет — видимо, сказались давние ранения.

Петербуржцы и сегодня знают один из памятников архитектуры — знаменитый дом Мурузи на Литейном проспекте. Здание в негласной «Греческой слободе» было построено по заказу фанариотского грека⁵⁸, потомка господарей Молдавии и Валахии. В этом доме жил брат Елизаветы Федоровны, действительный статский советник Д. Ф. Хартулари⁵⁹. Квартира № 18 в доме Мурузи стала последним пристанищем Дмитрия Спиридоновича⁶⁰. Вдове досталось от умершего мужа «состоящее при деревне Топчикой, Таврической губернии в Симферопольском уезде, на речке Каче, недвижимое имение, в количестве 429 десятин 1797 кв. сажень хлебопахотной, лесной, выгонной и других качеств земли <...> с находящимися на них фруктовыми садами и виноградниками»⁶¹. Однако оно доходов не приносило; более того, Елизавета Федоровна не могла даже выплатить вовремя долг в 5 тыс. руб., который брал под залог через доверенного еще Дмитрий Спиридонович — для обустройства этого

---

⁵⁷ Севастопольцы. Сборник портретов участников обороны Севастополя в 1854–1855 гг. / Сост. и изд. П. Ф. Рерберг. СПб., 1903–1907. Т. 3. Вып. 1. Ч. 2. С. 34 (портрет), 35 (пояснения).

⁵⁸ В период обороны Севастополя князь Мурузи командовал греческими волонтерами. См.: Тотлебен Э. И. Описание обороны Севастополя. 1868 г. Ч. 2. Симферополь, 2005. С. 60.

⁵⁹ 18 ноября 1886 г. Д. Ф. Хартулари указывал: «Жительство имею: Литейной части 3 уч., по Пантелеймоновской ул., в доме княгини Мурузи, № 26/27» // РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 22. Л. 8.

⁶⁰ «Елизавета Федоровна Ханджогло с душевным прискорбием извещает родных и знакомых о кончине супруга своего, капитана 1 ранга Дмитрия Спиридоновича Ханджогло, последовавшей 18 сего марта в 2½ часа пополудни. Панихиды имеют быть ежедневно, в час пополудни и 8 час. вечера в квартире покойного, угол Литейной и Пантелеймоновской, дом князя Мурузи, кв. № 18». // Голос. 1878. № 79 (20 марта / 1 апреля).

⁶¹ РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 22. О предоставлении отсрочки уплаты долга по Таврическому капиталу сельской промышленности вдове капитана Ханджогло. Л. 6.

же хозяйства. Виной всему были неурожайные годы, а также «семейные несчастья — продолжительная и тяжкая болезнь и последовавшая затем смерть старшего сына — подпоручика Петра Дмитриевича Ханджогло, и серьезная болезнь ее дочери, Екатерины Дмитриевны Ханджогло»⁶². Через некоторое время вдове из шикарного особняка пришлось переехать в неприглядный доходный дом Кельберга (Моховая ул., 30)⁶³.

Похоронить себя Д. С. Ханджогло завещал в Стрельне, на кладбище Троице-Сергиевой пустыни. Его старшие дети, Петр и Екатерина, умерли вслед за отцом и похоронены, как и их мать, рядом с Дмитрием Спиридоновичем⁶⁴. Младший сын Александр⁶⁵ детей не имел. У смотрителя Стрельнинского дворца не осталось потомков. Семейная усыпальница Ханджогло, как и многие другие могилы обитатели, не сохранилась.

С портрета в памятном альбоме на нас смотрит красивое, с правильными чертами лицо. Выражение глаз спокойное и доброе. Мундир со многими орденами, бакенбарды с проседью. «Портрет был доставлен вдовою»⁶⁶, — указывает составитель. Современник уподоблял «открытое, веселое лицо» Дмитрия Спиридоновича «тихому, светло-прозрачному заливу». Он «постоянно пребывал в мире и тишине, был прямым и ровным, честным и незлобивым; не знал, что такое гнев и другие порывы страстей. Со всеми он был ласковым и обходительным, держался в высшей степени просто и без претензий, не было в нем ни тени неискренности, всех принимал радушно и всех привлекал к себе»⁶⁷. Таков был старый моряк, герой обороны Севастополя, смотритель Стрельнинского дворца Дмитрий Ханджогло.

---

⁶² См.: Там же. Лл. 7–17.

⁶³ Весь Петербург. Алфавитный указатель жителей города С.-Петербурга, Кронштадта, Царского Села, Гатчины и Петергофа. 1901 г. С. 617.

⁶⁴ Петербургский некрополь: в 4 т / [сост. В. И. Саитов]. СПб., 1912. Т. 4. С. 403.

⁶⁵ Сведения на 1915 г.: Ханджогло Александр Дмитриевич (1876–?) — статский советник, действительный член Попечительного совета Приюта принца Петра Георгиевича Ольденбургского. Из потомственных дворян Таврической губернии. Окончил полный курс наук в Петроградском университете. Служил бухгалтером Департамента общих дел МВД. Женат на дочери действ. ст. сов. Ольге Анатольевне Мининой, детей не имеет. Имения нет. // РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 921. Лл. 66–69.

⁶⁶ Севастопольцы. С. 34–35.

⁶⁷ Надгробное слово, произнесенное настоятелем Греческой посольской церкви архимандритом Неофитом при погребении капитана 1 ранга Дмитрия Спиридоновича Ханджогло. СПб., 1878. С. 8–9.

Литература

- Берг Н. В. Севастопольский альбом. М., 1858.
Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 гг. Т. 1–4. СПб., 1877.
Греки Балаклавы и Севастополя: сборник статей / РАН, Ин-т славяноведения. М., 2013.
Дубровин Н. Ф. Первая оборона Севастополя, 1854–1855 гг. «Русская Троя». М., 2014.
Николупулос И. Греки и Россия, XVII–XX вв.: сборник статей / РАН, Ин-т славяноведения и балканистики. СПб., 2007.
Общий морской список: от основания флота до 1917 г. / Сост. Ф. Ф. Веселаго. Ч. 10–12. СПб., 1900.
Описание обороны г. Севастополя / Сост. под руководством ген.-адъютанта Тотлебена. Ч. 1. СПб., 1863–1872.
Шавшин В. Г. Севастополь в истории Крымской войны. Севастополь, Киев, 2004.

Приложение

Образ Д. С. Ханджогло в художественной литературе

Отрывок из повести М. Л. Лезинского и Б. М. Эскина «Сын бомбардира» (М., 1978. С. 11–16)

Новый командир редута лейтенант Ханджогло смотрел в подзорную трубу на Малахов курган. Почти всю возвышенность заволокло дымом. Сквозь редкие просветы видны развороченные блиндажи и землянки, сорванные с лафетов стволы. Полуразрушенную Корниловскую башню лижут языки пламени — горят туры. Лейтенант повернулся вполоборота и поймал в окуляр французские мундиры. «Пришли в движение, — мелькнуло в голове, — видно, скоро уже».

Обстрел внезапно прекратился, но тревога, прочно засевшая в сердце, так и не покинула командира. Два дня артподготовки не сулили ничего хорошего.

Ханджогло отыскал унтер-офицера.

— Ваше благородие, — тут же доложил унтер, — больше половины орудий уничтожено. Заменить бы нужно... Разрешите приступить к ремонту, ваше благородие?

— Действуй! — тихо приказал лейтенант. <...>

До полуночи над редутом стоял гомон восстановления: удары молотков, глухой стук кирки и лома, визгливый звук пилы. Собирались работать до утра, считали: до рассвета управятся. Только в полночь заглушная было бомбардировка внезапно возобновилась. Однако по редуту стреляли мало, весь шквал огня обрушился на город и на укрепления Корабельной.

— Продолжать работы! — раздался голос Ханджогло.

— Продолжать работы! — тотчас повторил унтер-офицер.

— Продолжать работы!.. Продолжать работы!.. Продолжать работы! — понеслось по редуту. И вновь заговорили лопаты, ломы, кирки. <...>

Обстрел редута заметно усилился. Усилился и обстрел всех бастионов. С земляного вала хорошо видно, как загорелся пороховой погреб на Малаховом кургане и весь курган превратился в черное, исполосованное багровыми языками облако. <...>

К утру бомбардировка поутихла.

Начинался 349-й день обороны.

— Идут!

— Спокойно, Николка.

— Палить надобно...

Кок взглянул в сторону офицерского блиндажа: на крыше его стоял лейтенант Ханджогло и спокойно наблюдал за противником.

— Будет указание, Николка. Его благородие не прозевают.

В эту минуту лейтенант повернулся, словно подслушал разговор, и, не повышая голоса, как-то по-домашнему скомандовал:

— Картечью... Пли!

Прогремел выстрел. Рядом отозвалось другое орудие. <...>

Лейтенант Ханджогло приказал прекратить огонь: навстречу французам разворачивался Житомирский полк. <...>

При штурме Корабельной стороны противник имел почти четырехкратное (80 против 22 тысяч) превосходство в силах. Враги захватили Малахов курган. <...> Фактически больше ни одно наше укрепление не было взято ни французами, ни англичанами, ни турками. Упорнее других сражались пятый бастион, редут Шварца и соседний люнет Белкина. В бумагах одного из русских генералов есть такая запись:

«...Едва эти массы были отбиты и бежали в свои траншеи, как оттуда свежие колонны бросились на редут Шварца. Приступ с фронта и левого фаса был отражен, но на правом фаса французы ворвались в редут, и тогда завязался жестокий рукопашный бой с житомирцами, минцами и екатеринбургцами, из ко-его ни один француз, из числа ворвавшихся, не вышел живой, за исключением 153 взятых в плен. <...> Неприятель еще бросался на редут Шварца, но уже не с тою запальчивостью, и был отбит огнем с бастиона и люнета Белкина...».

Севастопольцы выдержали этот страшный натиск. Однако вечером того же, 28 августа, к огромному удивлению противника, Горчаков отдал приказ оставить бастионы и переправляться на пароходах или переходить по плавучему мосту на Северную сторону. Одновременно специальные команды начали взрывать пороховые погреба, уничтожать батареи и орудия...

Село солнце, когда поступил приказ покинуть южную часть города.

— Не уйдем с бастионов! Не велел Павел Степанович!.. Пусть сухопутное начальство уходит, а матросы до последнего останутся здесь! — Батарейцы не прячут слез.

В этих возгласах тонет голос командира редута Ханджогло:

— Поймите, это бесполезно. Только лишние смерти. Без Малахова нам не удержаться...

Стрельнинская школа под покровительством великой княгини Александры Иосифовны

*К 170-летию бракосочетания
великого князя Константина Николаевича и
великой княгини Александры Иосифовны.*

В 1827 г. император Николай I утвердил «Положение и штат школы при мастеровом дворе Гофинтендантского ведомства». В это учебное заведение принимались исключительно дети придворных служащих¹. Впоследствии на основе этого положения открывались школы при других ведомствах, в числе которых и школа при Стрельнинском дворцовом правлении, существовавшая с 1846 г.² Судя по архивным документам³, в 1861 г. Стрельнинская школа для детей придворнослужителей становится частной, поскольку переходит под покровительство августейшей хозяйки Стрельны великой княгини Александры Иосифовны. С этого времени школа, располагавшаяся «в Стрелинском дворцовом здании», финансируется из личных пожертвований — прежде всего, «от щедрот Ея Императорского Высочества Великой Княгини Александры Иосифовны» (500 руб.)⁴, а также благодетелей: князя Н. А. Орлова⁵

---

¹ См.: Зимин И. В. Повседневная жизнь Российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М., 2010. С. 437.

² «Школа и учитель заведены для обучения придворнослужительских детей с разрешения Г. Управляющего Министерством Уделов в 1846 г.» // РГИА. Ф. 495. Оп. 3. Д. 3026. Л. 11.

³ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 4845. Л. 12.

⁴ «На содержание учреждаемой в м[ызе] Стрельне частной школы, повелеваю отпустить ежегодно из сумм Моих по 500 руб. сер. с 1 января сего года. Александра. 24 января 1861 г.» // РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

⁵ Орлов Николай Алексеевич (1827–1885) — князь, русский дипломат, участник Крымской войны, военный писатель и общественный деятель. Слушал курс законоведения барона Корфа вместе с великим князем Константином Николаевичем. В 1846 г. был назначен состоять при великом князе Константине Николаевиче и сопровождал его в заграничных путешествиях. Пожертвования на школу в Стрельне князь вносил до конца жизни (см.: РГИА. Ф. 495. Оп. 4. Д. 4069. Лл. 51, 53 и др.), а после его смерти традицию продолжили его сыновья Алексей и Владимир (см.: РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 4887. Л. 12; Д. 5053. Л. 14 и др.).

(200 руб.), графа И. И. Чернышева-Кругликова⁶ (100 руб.) и стрельнинских купцов В. Початкина и Василия Жукова (по 25 руб. каждый); всего 850 руб. в год⁷.

Суммы на содержание школы выдавались из Придворной конторы Константина Николаевича и Александры Иосифовны «по третям» (или, как мы сейчас говорим, «ежеквартально»); с 1862 г. они составляли по 700 руб. в год⁸. В это время в школе преподавали «священник придворной церкви Василий Антонович Макаровский безвозмездно»⁹ и «смотрительница школы вдова умершего полковника Александра Ивановна Раговская — по обязанности»¹⁰. Находясь «в заведывании Стрелинского дворцового правления», предназначалась школа «для детей обоего пола без различия званий, как постоянно живущих в м[ызе] Стрельне, так и из окрестных деревень». Число учащихся в школе: «в 1862 г. муж[ского] пола 10, жен[ского] пола 20; в 1863 г. муж[ского] 24, жен[ского] 22». В школе преподавали: «Закон Божий, чтение, чистописание, арифметику, рукоделие», а с 1863 г. добавляются «география и история России, церковное пение с чтением по-славянски»¹¹.

Перемены в школьной программе были связаны с тем, что в октябре 1863 г. шталмейстер двора великого князя Константина Николаевича В. А. Бибииков¹², на основе полученного в июне рапорта управляющего Павловском и Стрельной П. К. Ротаста¹³, предложил произвести в школе

⁶ Чернышов-Кругликов Ипполит Иванович (1834–1907) — граф, флигель-адъютант императора Александра II.

⁷ РГИА. Ф. 495. Оп. 4. Д. 3668. Книга для записывания добровольных пожертвований на содержание учреждаемой в мызе Стрельне частной школы с августа месяца 1861 г. Л. 1 об.

⁸ Там же. Лл. 1, 2.

⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 441. Д. 176. Лл. 48–100. Формулярные списки протоиерея В. А. Макаровского за 1869–1877 гг. Макаровский Василий Антонович (1827–1882) — магистр богословия (1852), протоиерей (1868), штатный священник Придворной конторы вел. кн. Константина Николаевича, настоятель Стрельнинской придворной Спасо-Преображенской церкви (1861–1876). См.: Алексеева Т. А. Духовенство в штате Придворной конторы великого князя Константина Николаевича: Стрельнинское дворцовое управление (1848–1892) // Константиновский дворцово-парковый ансамбль: исследования и материалы. СПб., 2017. С. 45–46, 59–60.

¹⁰ РГИА. Ф. 495. Оп. 4. Д. 3744. Л. 2 об.

¹¹ Там же. Лл. 8 об.–9.

¹² Бибииков Виктор Александрович (1807–1883) — действ. статский советник; с 1848 г. шталмейстер (придворный чин 3-го класса, заведовавший придворными коношнями) двора вел. кн. Константина Николаевича, в 1862–1865 гг. управлял его именьями.

¹³ Ротаст (Роттаст) Константин Петрович (1819–1902) — действ. статский советник, управляющий городом Павловском и мызой Стрельной в 1860–1871 гг.

Рис. 1. В церковно-приходской школе. Фото нач. XX в.

преобразования, так как, «по неимению должного контроля над школою в мызе Стрельне, в течение минувшей зимы, преподавание в оной наук вовсе не было, тогда как плата на содержание производилась постоянно <...>»¹⁴. Далее шли предложения, принятые без изменений великой княгиней Александрой Иосифовной, которая «повелеть соизволила обратить внимание на Стрелинскую школу и сделать распоряжение, чтобы она переобразована [так. — Прим. А. Ж.] была в более соответствующее настоящему требованию положение, для чего разрешено:

а) Отпускаемые от щедрот Ея Императорского Высочества на содержание школы деньги, распределить следующим образом:

1. На наем в центре м[ызы]Стрельны приличного помещения для школы и смотрительницы — 300 руб.
  2. На жалованье смотрительнице 120 руб.
  3. На жалованье священнику и диакону за преподавание ими наук в школе 175 руб.
  4. На наем прислуги для соблюдения чистоты 55 руб.
  5. На учебные пособия 50 руб.
- Итого 700 руб.

¹⁴ РГИА. Ф. 495. Оп. 4. Д. 3770. Л. 3.

б) Приношения, могущие быть от добровольных дателей, употреблять на поощрение учащихся.

в) В школу эту принимать детей обоюго пола, без различия званий, как постоянно живущих в Стрельне, так и из окрестных деревень.

Для принятия в школу детей назначить возраст: для мальчиков от 8 до 15 лет, а для девочек от 7 до 13 лет.

г) Предметы преподавания в школе постановить: Закон Божий, русский язык, чистописание, арифметику, географию и историю России, церковное пение с чтением по-славянски, а для девиц рукоделие.

д) Дневные занятия в школе священнику и диакону назначить с 9 до ½ первого часа утра, с разделением на три урока, полагая на каждую перемену ¼ часа отдыха, послеобеденные занятия в течение полутора часов, предоставить исключительно смотрительнице школы.

е) Главное заведование и контроль над школою возложить на Стрелинское дворцовое правление <...>¹⁵.

Согласно проекту организации обучения, предлагалась следующая образовательная программа.

«<...>1. Из Закона Божьего предполагается преподавать начатки Христианского учения, а именно: краткую историю Ветхого и Нового Заветов, объяснение Символа Веры, Молитвы Господней и проповедей Закона Божия. (Если позволит время — краткое объяснение Литургии и историю Господских праздников.

2. Из Русского языка — письмо под диктовку, с соблюдением правописания.

3. Из арифметики первые четыре действия над отвлеченными и именованными числами.

4. Из Русской географии указание на карте губерний Европейской России с замечанием крупных особенностей.

5. Из Русской истории — очерки периодов Российской истории и главнейших деятелей в ней.

6. Церковное пение — для всех учеников и учениц главнейших молитв — Господней, Богородичной и Символа Веры, два лучших по голосу — всей Литургии и избранных песнопений Всенощной службы.

Чтение по-славянски — для всех.

Время занятий в году для детей Стрелинских жителей предполагается, за исключением летних каникул — от половины июня до половины августа, Рождественских и Пасхальных праздников, постоянных для крестьянских детей, от 15 сентября до 15 апреля. Три месяца лишних для Стрелинских детей против детей крестьянских посвящаются преимущественно занятиям по истории и географии. Занятия в Великом Посту

¹⁵ РГИА. Ф. 495. Оп. 4. Д. 3753. Лл. 1 об–2.

с детьми преимущественно остаются на учительнице, дважды в неделю по вторникам и четверникам занимается о. диакон. Священник по постоянной службе, не может заниматься, но случайно, смотря по удобству, посещает школу. Дневные занятия в школе продолжаются от 9 часов до половины первого. <...> Уроки по дням распределяются между священником и диаконом по взаимному их согласию. В случае отлучения на службу или требы священника и диакона с детьми занимается учительница <...> по собственному усмотрению, или по указанию священника и диакона. В понедельник, среду и пятницу после чтений дневного Евангелия, которое читается каждодневно, Закон Божий, Р[усская] География и чистописание, впоследствии письмо под диктовку. Во вторник, четверг и субботу арифметика, Р[усская] История и пение или чтение по-славянски с объяснением непонятных слов. В субботу читается и объясняется воскресное Евангелие. Чрез каждые три месяца делаются испытания детей при члене Конторы. Если найдено будет возможным, более прилежные дети для поощрения награждаются книжками или картинками. Неисправные ученики и ученицы наказываются оставлением в школе дольше положенного срока после уроков, после трехкратного оставления дается знать родителям о их неисправности. Смотрение за порядком и дисциплиной всех уроков предоставляется учительнице»¹⁶.

Первоначально школа располагалась «в Портовой улице», в доме вдовы коллежского секретаря Екатерины Мочалиной¹⁷. Некоторое время смотрительницей школы служила Л. И. Березовская¹⁸, однако в октябре 1863 г. появляются новые претендентки на эту должность: «бывшая классная дама Павловского института (дочь умершего поручика) Мария Скарينو и жена отставного губернского секретаря Козачкина (прежде служившего в Павловске и ныне в крайней бедности) <...>»¹⁹. В результате пост смотрительницы заняла Надежда Казачкина (именно так она именуется в переписке). 21 октября 1863 г. ей сообщается, «что она принята на должность смотрительницы «Стрелинской школы с производством жалованья по 120 руб. сер. в год» и предлагается «к 1 числу наступающего ноября месяца прибыть со всем имуществом своим в мызу Стрельна в нанятое для школы и Вас помещение по Орловской улице в доме Архипова <...>»²⁰.

Уже через полгода после реформирования Стрельнинской школы, осуществленного в октябре — ноябре 1863 г., управляющий Стрельнинским имением, на основании отзыва К. П. Ротаста, сообщает великой княгине

---

¹⁶ РГИА. Ф. 495. Оп. 4. Д. 3770. Лл. 1–2.

¹⁷ Там же. Лл. 2 об.–3.

¹⁸ РГИА. Ф. 495. Оп. 4. Д. 3631. Л. 3.

¹⁹ РГИА. Ф. 495. Оп. 4. Д. 3729. Л. 12.

²⁰ РГИА. Ф. 495. Оп. 4. Д. 3770. Л. 15.

Александре Иосифовне: «В преобразованной с соизволения Вашего Императорского Высочества Стрелинской школе дети в короткое время оказали весьма большие успехи. Относя это к старанию преподавателей школы, священника и диакона, а равно и смотрительницы школы, я полагаю бы справедливым выдать им в награду к празднику Св. Пасхи из остаточной училищной суммы, а именно: священнику 25 руб., диакону 20 руб., смотрительнице 20 руб., употребить на подарки детям 13 руб. и прислуге 3 руб.». Резолюция Александры Иосифовны: «Согласна, но на этот только раз»²¹. Однако уже начиная со следующего года такие подарки к Пасхе стали традиционными, причем суммы эти из года в год оставались неизменными. Награждались денежными подарками служащие при школе и в ознаменование семейных праздников. К примеру, 23 октября 1867 г. награды были выданы «в ознаменование бракосочетания <...> Великой Княжны Ольги Константиновны с Его Величеством Королем Эллинов <...>»²²; 13 июля 1886 г. «в ознаменование Святого Крещения Высококороченного Князя Иоанна Константиновича по приказанию Августейших его родителей <...> Великого Князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны» «дается <...> 100 руб. Стрельнинской школе <...>»²³. Поскольку деньги на содержание школы выделялись из средств Придворной конторы великого князя Константина Николаевича²⁴, то великий князь был в курсе дел своей супруги и по возможности принимал участие в ее благотворительных начинаниях. Так, 29 апреля 1883 г. «по соизволению» Константина Николаевича, «<...> смотрительнице Стрелинской школы Фрост разрешено выдавать в пособие <...> по 60 руб. в год на воспитание сына <...> Леонида впредь до окончания им курса наук в гимназии <...>»²⁵.

Чтобы привлечь к школьным делам благотворителей, Александра Иосифовна предлагает тем, кто желает оказать помощь школе, стать ее почетным членом. Здание школы постоянно требовало ремонта, а в 1877 г. возникла необходимость капитального ремонта. Все затраты взял на себя купец

²¹ РГИА. Ф. 495. Оп. 4. Д. 3729. Л. 26.

²² Там же. Л. 87. В 1867 г. вел. кнж. Ольга Константиновна, старшая дочь Константина Николаевича и Александры Иосифовны, в 1867 г. стала женой короля Греции Георга I.

²³ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 4825. Л. 21. В 1886 г. у вел. кн. Константина Константиновича (сына вел. кн. Константина Николаевича и вел. кн. Александры Иосифовны) и его жены вел. кн. Елизаветы Маврикиевны родился первенец — князь императорской крови Иоанн Константинович.

²⁴ РГИА. Ф. 495. Оп. 4. Д. 3989. Л. 38.

²⁵ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 4711. Л. 31.

Рис. 2. Вид улицы в Стрельне. Фото нач. XX в.

Баландин, которому «Ея Высочество выразила желание за такое <...> усердие лично благодарить <...> назначением почетным членом этой школы <...>»²⁶. 29 августа 1877 г. «С.-Петербургский 1-й гильдии купец Иван Иванович Капустин изъявил желание жертвовать ежегодно на содержание Стрельнинской школы по 100 руб. сер.», а Александра Иосифовна, «изъявила желание принять это пожертвование и изъявить благодарность купцу Капустину, и принять его в действительные члены Стрельнинской школы»²⁷. Такой статус для «дателей», безусловно, был выгоден. 19 октября 1877 г. почетный гражданин Михаил Стариков дает на содержание «Стрелинского училища» 300 руб. сер. «по званию почетного члена этого училища»²⁸. А уже 8 апреля 1880 г. смотритель дворца С. Сухонин пишет управляющему Павловском и Стрельной о том, что почетный член Стрелинской школы Михаил Александрович Стариков уже три года дает на содержание школы ежегодно по 300 руб., а также помогает учебными пособиями, поэтому он просит ходатайствовать «ему Высочайшую награду орден Станислава 3 степени», тем более что Стариков и дальше может быть полезен школе и уже имеет «две золотые медали и знак Красного Креста»²⁹. Правда, Старикову было отказано, т. к. по закону время следующей награды еще не подошло. Обиженный Стариков пишет Сухонину 19 апреля 1880 г., что

²⁶ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 4470. Л. 38.

²⁷ Там же. Л. 42.

²⁸ Там же. Л. 68.

²⁹ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 4605. Л. 58.

многие из его знакомых получали награды раньше положенного срока: «Где существуют для этих счастливых правила и исключения из циркуляров, указать не знаю»³⁰. В 1879 г. купец Чубыкин жертвует на школу 6350 руб. с условием, что деньги будут положены в банк под проценты³¹.

Жалованье «учащим» — школьным преподавателям — было неизменным и распределялось следующим образом (Табл. 1)³².

Таблица 1

	<i>В год (руб. сер.)</i>	<i>В месяц (руб. сер.)</i>
Священнику Василию Макаровскому	100 руб.	8 руб. 33 коп.
Диакону Александру Лебедеву ³³	75 руб.	6 руб. 25 коп.
Смотрительнице школы Надежде Казачкиной	120 руб.	10 руб.
Прислуге для соблюдения чистоты	55 руб.	4 руб. 58 коп.

В течение семнадцати лет (1863–1880 гг.) для школы использовался дом придворного служащего Архипова и его братьев: «1863 года ноября 1 дня я, истопник Николай Архипов, заключил сие условие со Стрелинским Дворцовым правлением, в том, что я, Архипов, с согласия своих братьев, собственный наш деревянный дом, состоящий в м[ызе] Стрельне по Орловской улице, отдал в наем под занятия школою <...> с платою мне за оный без отопления по 175 руб. сер. в год, <...> одновременно еще 25 руб. сер. на устройство кухни. В означенном доме отдаются под помещение школы и смотрительницы за оною, четыре комнаты, передняя и кухня, а во дворе сарай для клажи дров и проч., принадлежащие же к этому дому. <...> Архипов, или братья мои, обязываемся, требующиеся в продолжение срока необходимые по дому поделки и исправления, как то: починку печей, крыши и полов, а также очистку дымовых труб и чистоту во дворе, производить на собственный наш счет; вставка же зимних рам и окраска комнат

³⁰ Там же. Л. 62.

³¹ 6 июня 1879 г. дворцовым правлением «принято % по бумагам 1-го Восточного займа, принадлежащим к Стрелинской школе (по капиталу Чубыкина) <...> за ½ года — с 6350 руб. 160 руб. сер.» // РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 4582. Л. 40.

³² См.: РГИА. Ф. 495. Оп. 4. Д. 3753. Л. 12.

³³ Лебедев Александр Алексеевич (1833–1907) — диакон Стрельнинской придворной Спасо-Преображенской церкви (1855–1892), священник церкви Стрельнинского «Братства для ближнего» (1892–1905). В 1889 г. был сопричислен к ордену Св. Анны 3-й ст. «в награду 25-летних усердных трудов по образованию крестьянских детей» (РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 2968а. Л. 380 об.). См.: Алексеева Т. А. Указ. соч. С. 48–50, 57–58.

должны оставаться на счете Дворцового правления, равным образом не отвечаю за битие стекол <...>³⁴. Этот договор затем продлевался, пока школа не переехала в 1880 г. в Гофмейстерский дом³⁵.

Стрельнинская школа находилась под наблюдением инспектора народных училищ Санкт-Петербургской губернии С.-Петербургского учебного округа Министерства народного просвещения (МНП). 9 августа 1883 г. он отправляет запрос: «для полноты статистических сведений о числе учащихся Петергофского уезда <...> не отказать доставлением сведений о числе учащихся Стрельнинского Ея Выс[очества] Вел[икой] Кн[ягини] Александры Иосифовны училища, и, если возможно, указать в числе их детей местных крестьян». Из ответа следует: «<...> мужского пола 35 ч[еловек], женского пола 31 ч[еловек]. Из крестьянских детей мужского пола 9, женского 6 <...>³⁶. Отсюда видно, что крестьянских детей в школе было меньшинство.

Дети в школе полностью обеспечивались всем необходимым не только для занятий, но и для общего развития: в сентябре — декабре 1864 г. «куплено для школы: 24 книги, 4 ящика с красками и кисточками, 4 веревочки прыгать, 4 бильбоке³⁷, мячики, 4 волчка (два с пружиной), 2 женских рабочих ящика³⁸, 1 игра Гусёк³⁹ <...>». А также подарки детям: старшим «2 ящика с красками и кисточками, домино, ножик перочинный, кубики, чернильницы <...>»; младшим: «чернильницы, корбочки с магнитами⁴⁰, бильбоке <...>⁴¹. Обязанности по закупкам необходимого для школы были разделены между священником В. А. Макаровским и смотрительницей (учительницей) школы Н. М. Казачкиной. Священник занимался в основном покупкой книг, а смотрительница приобретала подарки для детей и все необходимое для рукоделия. 24 февраля 1866 г. для школы куплены:

³⁴ РГИА. Ф. 495. Оп. 4. Д. 3753. Л. 7.

³⁵ «С разрешения Его Имп. Высоч. Великого Князя Константина Николаевича поместить школу в бывшем Гофмейстерском доме» (26 марта 1880 г.). // РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 4605. Л. 51. Гофмейстер — управляющий дворцовым хозяйством и штатом придворных.

³⁶ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 4711. Лл. 45, 46.

³⁷ Бильбоке́ (фр. bilboquet) — игрушка: шарик, прикрепленный к палочке. В процессе игры шарик подбрасывается и ловится на острие палочки или в чашечку. Побеждает тот, кто сможет поймать шарик наибольшее количество раз подряд (зд. и далее комментарии к выдержкам из архивных документов мои. — Прим. А. Ж.).

³⁸ Коробочки с отделениями для рукоделия.

³⁹ Гусёк — наименование старинной игры в кости. Цель игры — быстрее соперников провести свою фишку или несколько фишек по заданному маршруту на поле.

⁴⁰ Коробочки, разделенные внутри на секции, с вложенными магнитами для хранения принадлежностей для письма или рыбалки.

⁴¹ РГИА. Ф. 495. Оп. 4. Д. 3822. Лл. 16, 45, 52.

Рис. 3. Игра «Гусёк» Конец XIX в.

швейная машина, ножницы, крючки и проч. на 99 руб.⁴² Рукоделием смотрительница и девочки занимались не только для себя, но и шили постельное белье для Павловского и Стрельнинского дворцов, причем работа эта оплачивалась: «15 июля 1866 г. для Павловска сшито 72 шт. простыней. За работу каждой (ученице. — Прим. А. Ж.) 10 коп. — 1 руб. 20 коп. <...> Наволочек 72 шт. За работу каждой 6 коп. — 4 руб. 32 коп. <...>»⁴³. Учились девочки и вязанию: 31 декабря 1866 г. Казачкиной из Дворцового правления возвращаются деньги, которые она уплатила девочкам «за вязание кофточек, нагрудников и поддевок для Их Императорских Высочеств Великих Князей <...>»⁴⁴.

Чтобы разнообразить школьную жизнь и приобщать детей к рукоделию, проводились лотереи. 4 декабря 1868 г. протоиерей В. А. Макаровский обращается к Ротасту с просьбой разрешить «начальнице Стрелинской школы Козачкиной для поощрения девочек в рукодельных работах <...> устроить лотерею на следующем основании: предметы лотерейных выигрышей будут состоять из вещей, связанных девочками, обучающимися

⁴² РГИА. Ф. 495. Оп. 4. Д. 3964. Л. 13.

⁴³ Там же. Л. 36.

⁴⁴ Там же. Л. 74.

В 1869 году в Петербурге вышел журнал «Детское чтение» (1869–1918), издаваемый А. Острогорским. Каждый номер содержал рассказ или повесть, очерк о жизни животных и природы, листок для воспитателей и родителей, рецензии книг. Именно в «Детском чтении» начал свой путь детского писателя Д. Н. Мамин-Сибиряк. Его рассказы «Емеля-охотник», «Зимовье на Студеной», «Аленушкины сказки» вызвали огромный интерес у маленьких читателей.

Рис. 4. Обложка журнала «Детское чтение». А. Острогорского

в школе, из материалов, купленных на счет г. Козачкиной. Сумма, превышающая стоимость материалов, предоставится в пользу девочек, упражнявшихся в работах. Билетов лотерейных предполагается 250 по 30 коп. с пятьюдесятью выигрышами. Распродажа билетов предполагается только между лицами, служащими в ведении дворцовой конторы, и близкими знакомыми»⁴⁵.

Анализируя списки закупаемых для школы книг, видно, что подбираются они не только как учебный материал, но и как развивающие детей и расширяющие их кругозор: «17 августа 1866 г. куплено для школы: 20 штук катехизисов⁴⁶ в перепл[ете], 10 прописей, 10 азбук, Свящ[енная] история Золотова⁴⁷ с карт[инами] <...>»⁴⁸. 2 сентября 1866 г. «для старшего класса в школе куплены <...>: География, Русская история

⁴⁵ РГИА. Ф. 495. Оп. 4. Д. 4069. Л. 65.

⁴⁶ Катехизис — официальный вероисповедный документ, огласительное наставление, учебник, содержащий основные положения христианского вероучения. В основном предназначались для наставления в вере детей, однако существуют и катехизисы для взрослых. Как правило, катехизисы составляются в форме вопросов и ответов и являются устной формой наставления.

⁴⁷ Золотов Василий Андреевич (1804–1882) — русский педагог, посвятивший жизнь развитию народного образования. В числе его трудов, помимо известнейшей «Русской Азбуки», — иллюстрированная книга «54 картины из Священной истории Ветхого Завета» (СПб., 1861), которая бесплатно рассылалась во многие города Российской империи.

⁴⁸ РГИА. Ф. 495. Оп. 4. Д. 3964. Л. 51.

Иловайского⁴⁹, арифметика Меморского⁵⁰, грамматика Восток[ова]⁵¹»⁵².

28 августа 1871 г. «куплено для школы: 6 книг для чтения Водовозова⁵³, книги "Наш друг"⁵⁴, 3 книги "Родное слово"⁵⁵»⁵⁶. И снова в декабре 1871 г.: «в подарок к празднику для детей Стрелинской школы», «для расширения кругозора всех детей <...> географических карт

---

⁴⁹ Иловайский Дмитрий Иванович (1832–1920) — выдающийся русский историк, последователь Карамзина и Соловьева, внесший большой вклад в русскую историческую науку. Для Стрельнинской гимназии, очевидно, приобретались его «Краткие очерки русской истории» (СПб., 1860).

⁵⁰ Меморский Михаил Федорович (? — до 1830). Его «Краткая арифметика, служащая к легчайшему обучению малолетнего юношества в вопросах и ответах» (М., 1794) выдержала более 20 изданий и использовалась в педагогической практике более 100 лет. Методические качества этой книги были очень невысоки; по существу, это был сборник правил, отвечающий на вопросы, как поступать в каждом отдельном случае.

⁵¹ Востоков Александр Христофорович (1781–1864) — филолог-славист, палеограф, поэт, переводчик. Крупнейшим вкладом в научную и учебную лингвистику начала XIX в. стали его труды «Сокращенная русская грамматика для употребления в низших учебных заведениях» и «Русская грамматика по начертанию сокращенной грамматики, полнее изложенная», изданные в 1831 г. Эти работы стали продолжением «Российской грамматики» Ломоносова и имели огромное значение для дальнейшего развития русской морфологии и синтаксиса.

⁵² РГИА. Ф. 495. Оп. 4. Д. 3964. Лл. 51, 60.

⁵³ Полное название этого произведения В. И. Водовозова (1825–1886) — «Книга для первоначального чтения в народных школах, содержащая рассказы для первоначального ознакомления с окружающим миром, рассказы из естественной истории, из географии и этнографии, рассказы о важнейших промыслах, о некоторых лицах, событиях и обычаях древней русской жизни, также повести, сказки, стихотворения, собрание пословиц, загадок и проч.». Книга печаталась в 1870 г. в виде приложения к журналу «Народная школа», а в 1871 г. впервые вышла отдельным изданием.

⁵⁴ Автор книги для чтения «Наш друг» (СПб., 1871) — Николай Александрович Корф (1834–1883), известный русский общественный деятель, организатор земских школ, педагог и публицист, сторонник идеи объяснительного чтения.

⁵⁵ Учебник «Родное слово» Константина Дмитриевича Ушинского (1823–1870), состоящий из трех книг, издавался с 1864 г. по 1917 г. Первая книга состоит из 36 тематических уроков, где главное место занимают художественные тексты: рассказы, басни, народные песни, сказки, стихи русских поэтов, загадки, пословицы, поговорки. Вторая часть «Родного слова» отличается значительно большим объемом научно-познавательных статей, написанных самим автором. Третья, постепенно усложняясь, обогащала знания ребенка и давала достаточно цельное представление об окружающем мире.

⁵⁶ РГИА. Ф. 495. Оп. 4. Д. 4219. Л. 49.

пяти частей Света и России <...>». В этот же счет протоиерей Василий Антонович Макаровский включает и закупку «5-ти беднейшим ученикам ситцу на рубашки 18 арш[ин] 17 верш[ков]⁵⁷»⁵⁸. 20 августа 1873 г. закупаются «для Стрелинской придворной школы: Начатки христианского чтения в переплете, буквари Дерикера⁵⁹, Руководство к русской истории⁶⁰, грамматика Востокова, Рассказы про старое время⁶¹, Беседы о природе, Сельские беседы, География Иванова ч. 1-я, Картины из естественной истории в переплете⁶², Притчи Христовы, Библейская история <...>»⁶³.

Со временем меняется список книг, в нем появляется серьезная современная литература для чтения. Так, в счете из книжного магазина П. Е. Кехрибарджи в декабре 1879 г. указаны: «<...> Басни Крылова; Сказки и быль Марка Вовчка⁶⁴; <...> Маракуево Полесье⁶⁵; <...> Студницкий. Об открытии Америки; Погоский. Старина⁶⁶; Разин. Разоренный год⁶⁷; Горы и горная природа; Старик Пахомыч⁶⁸; Тарас Бульба; Рассказы о русских самоучках; Басни Крылова (народное издание); 7 книжек из Ясной

---

⁵⁷ 1 вершок = 4,445 см; 1 аршин = 16 вершков, т. е. было куплено примерно 13,5 м ткани.

⁵⁸ РГИА. Ф. 495. Оп. 4. Д. 4219. Л. 65.

⁵⁹ Букварь для народных школ, с объяснением лучших способов преподавания, составленный несколькими учителями и изданный В. Дерикером. СПб., 1866.

⁶⁰ Устрялов Н. Руководство к первоначальному изучению Русской истории. Изд. 11-е, с атласом. СПб., 1859.

⁶¹ Им. в виду сочинение русского историка и педагога Александра Фомича Петрушевского (1826–1904) «От начала Русской земли до Петра Великого» (СПб., 1866).

⁶² В конце XIX в. приветствовалась прогрессивная теория английского философа, педагога и социалиста Р. Оуэна (1771–1858), согласно которой наглядное обучение в школе должно было основываться на непременном показе ученикам самого предмета или, по крайней мере, его рисунка. См.: Смирнов В. З. Очерки по истории прогрессивной русской педагогики XIX века. М., 1963. С. 91.

⁶³ РГИА. Ф. 495. Оп. 4. Д. 4317. Л. 56. Книги закупались ежегодно, иногда дважды в год. Здесь приводятся выборочные примеры закупок.

⁶⁴ Марко Вовчок. Сказки и быль. СПб., 1874. Марко Вовчок (Вилинская Мария Александровна, 1833–1907) — классик украинской литературы, прозаик, поэтесса, переводчица. Основоположница украинской детской прозы.

⁶⁵ Маракуев, Владимир Николаевич (?–1921). Полесье и полешуки (Из путевых записок). Чтение для школ. М., 1879.

⁶⁶ Погоский Александр Фомич (1816–1874) — известный писатель для народа и деятель народного образования.

⁶⁷ Разин Алексей Егорович (1823–1875) — русский журналист, детский писатель, редактор и издатель журналов, популяризатор науки. Зд. упомянута его книга: «Разоренный год. Повесть из русской истории (1812 г.)» (СПб., 1868).

⁶⁸ Бахницкий С. А. Старик Пахомыч. СПб., 1879.

Поляны⁶⁹; Суд людской и Божий⁷⁰; Любовь к животным; Иван Сусанин; Николай Коперник»⁷¹. 6 июля 1888 г. оплачен счет из магазина П. Ф. Каратаева о проданных книгах для школы: «<...> Пушкин. Капитанская дочка, Сказки, Повести Белкина, Сказка о рыбаке и рыбке; Ермак Тимофеевич⁷²; Черная курица⁷³; Карамзина Повести⁷⁴; Достоевский. Бедные люди; Данилевский. Исторические рассказы»⁷⁵. Все счета поступали на рассмотрение и одобрение к великой княгине Александре Иосифовне.

Августейшая покровительница и служащие при школе не ограничивались обеспечением учебного процесса. Из архивных документов видно, что все они принимают непосредственное участие в жизни и судьбе детей. Так, 14 августа 1871 г. протоиерей В. А. Макаровский пишет К. П. Ротасту, что «ученица Стрелинской школы дочь придворного слесаря Анна Данилова <...> оказывает постоянные успехи по предметам, и по своим способностям, прилежанию и поведению, заслуживает того, чтобы позаботиться о дальнейшем ее образовании <...>»⁷⁶. В декабре 1879 г. «<...> Великая Княгиня во время пребывания в Стрельне изволила выражать свое желание, чтобы при устройстве елки для обучающихся в Стрелинской школе всякому мальчику и девочке досталось что-либо полезное из платья и сверх того, хотя бы небольшая игрушка, без которой, как Ея Высочество изволила выразиться, для ребенка всякий подарок не будет полон, кроме того, <...> тем из питомцев, у которых по бедности нет теплой одежды или обуви, сделать таковую на счет Ея Высочества, для чего и выдано <...> 100 рублей <...>»⁷⁷. Также в декабре 1879 г. стрельнинским школьникам покупается теплая одежда и обувь: «сыну умершего крестьянина Николаю Егорову теплое пальто, дочери крестьянина Александре Лукиной теплое пальто, сыну караульного

⁶⁹ В 1872 г. начал издаваться педагогический журнал Л. Н. Толстого «Ясная Поляна». Состоял из двух отдельных выпусков: «Ясная Поляна. Школа. Журнал педагогический» и «Ясная Поляна. Книжки для детей». На основании этих выпусков было издано 12 книжек, под общим заглавием «Из Ясной Поляны (журнал Л. Н. Толстого)».

⁷⁰ Суд людской и Божий. Соч. А. Погоского и Г. Полисадова. СПб., 1886.

⁷¹ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 4605. Л. 6.

⁷² Видимо, это рассказ Л. Н. Толстого «Ермак», вошедший во «Вторую русскую книгу для чтения» (М., 1875).

⁷³ «Черная курица, или Подземные жители» Антония Погорельского (псевдоним Алексея Алексеевича Перовского, 1787–1836). считается первым авторским, а не народным произведением для детей на русском языке.

⁷⁴ Именуются в виду повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза», «Евгений и Юлия», «Марфа Посадница», изданные в 1792–1802 гг. и неоднократно переиздававшиеся.

⁷⁵ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 4851. Л. 22.

⁷⁶ РГИА. Ф. 495. Оп. 4. Д. 4236. Лл. 42–43.

⁷⁷ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 4564. Л. 93.

Алексею Васильеву сапоги, сыну малярного мастера Ивану Слепкину сапоги, сыну сторожа Михайловской дачи Семену Ермолику сапоги, дочери умершего сторожа железной дороги Вере Федоровой ботинки, дочери фельдшера Анне Семеновой ботинки <...>⁷⁸.

Александра Иосифовна постоянно следит за качеством преподавания в школе. 24 августа 1870 г. по согласованию с ней, «принимая в соображение усиленные занятия смотрительницы Стрелинской <...> школы Козачкиной по случаю увеличившегося числа в оной учеников⁷⁹ <...> определить к ней помощницею дочь ее Марию, окончившую курс наук в Демидовском училище <...>⁸⁰.

В 1873 г. исполнилось 10 лет со дня «переобразования» Стрельнинской школы. 26 октября 1873 г. протоиерей В. А. Макаровский, диакон А. Лебедев и смотрительница Н. Г. Казачкина отправляют отчет о работе школы «на милостивое воззрение Ея Императорского Высочества Государыни Великой княгини Александры Иосифовны, как основательницы школы: <...> 1 ноября сего 1873 года Стрелинская школа считает десять лет своего существования <...> Прежде всего считаем приятным долгом довести до сведения Вашего Императорского Высочества, что жители Стрельны и соединенных с ней деревень: Ижорской, Старой и Новой Кикинки и Пустыньки питают к Вашему Императорскому Высочеству беспредельную благодарность за то, что дети их могут по Высочайшей милости Вашей бесплатно получать в школе первоначальное образование, удовлетворяющее их быту и положению.

Благодаря школе, или лучше материнской милости Вашего Императорского Высочества, в Стрельне и в означенных деревнях едва ли есть дети, не умеющие грамоте в учебном возрасте. Школа состоит в ведении Дворцовой конторы, которая нанимает для нее помещение, отпускает отопление, платит жалованье учащим, дает деньги на учебные пособия и проч. <...> Школа разделяется на два класса: младший и старший, для детей мужеского и женского пола. В том и другом классе мальчики и девочки обучаются вместе. Занятия по классам между учащими распределены так: в старшем классе в утренние часы от 9 до 12 занимается протоиерей,

---

⁷⁸ Там же. Л. 95.

⁷⁹ Если в 1862 г. в школе числилось 30 учеников, а в 1863 г. — 44 ученика (см. выше), то в 1870 г. — уже 50 человек. Но цифра эта была непостоянной, т. к. дети по разным причинам уходили из школы, особенно весной, когда начинались огородные работы, и возвращались осенью или зимой. Например, в январе 1873 г. в старшем классе обучались: «мальчиков 23 чел., девочек 7 чел. В меньшем классе: мальчиков 40 чел., девочек 15 чел. Всего 85 чел.» (РГИА. Ф. 495. Оп. 4. Д. 4298. Л. 71). На протяжении долгих лет количество учащихся составляло порядка 80 человек (прим. А. Ж.).

⁸⁰ РГИА. Ф. 495. Оп. 4. Д. 4182. Л. 38.

в младшем диакон. После 12 часов дети увольняются обедать. Те дети, которых место жительства близко, отправляются домой, которым далеко до дому, те остаются и кушают принесенное из дому, в школе. К половине второго часу дети возвращаются к послеобеденным до половины третьего часа занятиям, которыми исключительно заведывает учительница и ее помощница. Под руководством их послеобеденные занятия для девочек состоят в шитье и вязаньи, мальчики в это время читают или пишут, или поют. В промежутках между 9 и 12 часами детям дается получасовой отдых. Летом и вообще в хорошую погоду позволяется им играть на школьном дворе. С апреля месяца 1872 года, в некоторые дни после учебных утренних часов, регент учит избранных мальчиков церковному пению⁸¹. В субботу обучение идет от 10 до 12 часов <...> К послеобеденным занятиям в субботу дети не ходят <...> Дети посещают школу с 16 августа по 10 июня, за исключением двух недель праздника Рождества Христова, недель Страстной и Пасхальной, и 4-й недели Великого поста, в которую дети говеют и приобщаются Св. Таин. Нужно сказать, что до половины сентября и даже октября месяца осенью, и половины апреля весной, дети, особенно крестьянские, неисправно посещают школу, потому что или оставляются дома родными для помощи в работе, или посылаются ими для приобретения ими какой-либо зидельной (сдельной? — Прим. А. Ж.) платы на работы сторонния, напр., в дворцовом саду, на шоссеиной дороге и проч. <...> Число учеников в школе бывало от 20 до 28 в старшем классе и от 40 до 50 с лишком в младшем, так что в обоих классах бывало от 60 до 80. В этом числе были дети чиновников, придворных служителей, торговцев, крестьян, отставных и служащих артиллерийских солдат и мещан, были дети колонистов (10), чухонцев⁸² (14) и даже евреев (8). <...> Некоторые учились в школе по два, по три и по четыре года для лучшего усвоения преподаваемого. Из того и из другого класса школы выходило в год от 20 до 30 человек и приблизительно столько же поступало вновь. <...> Желательно было бы, чтобы мальчики, в соответствие работам девочек, занимались в послеобеденное

---

⁸¹ В 1883 г. А. П. Верландер, описывая Стрельнинскую придворную Спасо-Преображенскую церковь, сообщал: «<...> летом же, во время пребывания в Стрельне великой княгини Александры Иосифовны, храм не вмещает в себя всех желающих молиться. Прекрасное богослужение, при двух хорах певчих Константиновского дворца и *Стрельнинской школы, находящейся под покровительством великой княгини Александры Иосифовны* (курсив мой. — Прим. А. Ж.), много содействует привлечению прихожан». // Верландер А. П. По Балтийской дороге. Ч. 1. СПб., 1883. С. 87.

⁸² Чухна, чухонцы — устаревшее название прибалтийско-финских народов в новгородских землях. Впервые упоминается в Псковской 2-й летописи 1444 г. в форме «чухно».

время каким-то ремеслом <...> Еще желательно, чтобы можно было выписывать какой-либо педагогический журнал. В нем и дети нашли бы для себя приличное чтение, и учащие могли бы следить за педагогическими приемами и деятельностью в других учебных заведениях <...>»⁸³. Переписано письмо красивым почерком одним из учеников школы Федором Калининым.

В январе 1876 г. Надежда Михайловна Казачкина, «находясь в должности смотрительницы школы с 1863 г., <...> по случаю расстроенного здоровья продолжать свою обязанность не может» и просит об увольнении вместе с дочерью и «милостивого пособия при увольнении» обоим⁸⁴. Смотрительница, долгие годы преподававшая русскую грамматику, «неоднократно была посещаемая Ея Императорским Высочеством Великой Княгиней Александрой Иосифовной»⁸⁵. После ухода Н. М. Казачкиной в начале февраля 1876 г. в Стрельнинское дворцовое правление поступает прошение от жены отставного садового мастера Федосьи Григорьевны Фрост о принятии ее на освободившуюся должность смотрительницы школы вместе с дочерью Лидией⁸⁶.

Весной этого же года сменился и священник в придворной церкви. Им стал Николай Никитич Кедров⁸⁷. 5 октября 1884 г. Александра Иосифовна посетила школу, «осталась весьма довольна ответами учеников и просила передать, что она не встречала до той поры столь теплого, ясного и понятного для детей преподавания Евангелия», как у священника Н. Н. Кедрова⁸⁸.

---

⁸³ РГИА. Ф. 495. Оп. 4. Д. 4363. Лл. 1–9.

⁸⁴ РГИА. Ф. 495. Оп. 4. Д. 3770. Л. 23.

⁸⁵ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 4431. Лл. 1, 2, 12, 13.

⁸⁶ Там же. Л. 15.

⁸⁷ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 4431. Л. 41. В 1876 г. диакон Придворной конюшенной церкви Николай Никитич Кедров (1835–1904) был рукоположен во священника к Стрельнинской придворной Спасо-Преображенской церкви, где настоятельством почти тридцать лет (1876–1904). В 1888 г. был возведен в сан протоиерея, причем в ходатайстве Стрельнинского дворцового правления в числе заслуг священнослужителя особо упомянуто «преподавание Закона Божия <...> в школах мызы Стрельны», и прежде всего — в школе великой княгини Александры Иосифовны (РГИА. Ф. 495. Оп. 6. Д. 5648. Л. 5). Могила свящ. Н. Н. Кедрова, погребенного на Стрельнинском кладбище, сохранилась до наших дней. См.: Алексеева Т. А. Указ. соч. С. 46–47, 56–57.

⁸⁸ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 756. Л. 65. К моменту перехода в штат придворного духовенства Стрельнинского храма о. Николай Кедров обладал значительным опытом законоучительской деятельности, поскольку с 1858 г. занимался преподаванием Закона Божия, Священной истории и христианской нравственности в школе Придворного конюшенного ведомства и в Придворно-конюшенных училище. См.: РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 2959. Лл. 376–379. Формулярный список о

Из последующих документов прослеживается, что и новый священник, и новая смотрительница более творчески подходят к своим обязанностям: меняется подборка книг для детей. С каждым годом книги в списке для чтения становятся все более разнообразными, интересными и глубокими, причем начинает приобретаться методическая литература. Перед нами счет из книжного магазина П. Е. Кехрибарджи⁸⁹: «Толстой. Азбука⁹⁰; Родное слово. Год 2-й. Ушинский⁹¹; Соколов. Ветхий завет; Соколов. Начальное наставление⁹²; Тихомиров. Грамматика⁹³; Полевой. Хрестоматия ч. 1-я⁹⁴; Путята. Труд и знание⁹⁵; Радонежский. Солнышко⁹⁶; Гербач. Методика⁹⁷;

службе диакона Придворной Спаса Нерукотворного образа церкви, что при Главных конюшнях, Н. Н. Кедрова за 1875 г.

⁸⁹ Кехрибарджи Платон Евгеньевич (1844–1882) — петербургский купец 2-й гильдии, издатель, книгопродавец.

⁹⁰ «Азбука» — школьное пособие, написанное Л. Н. Толстым для обучения детей чтению, письму и арифметике; впервые издана в 1872 г.

⁹¹ Ушинский составил две учебные книги для начального обучения. «Родное слово» предназначалось для первоначального обучения, начиная с букваря, в котором главное внимание обращено на русский язык в связи с развитием мышления детей и расширением запаса их представлений об окружающей жизни. «Детский мир» — для учащихся несколько более старших, где главным было сообщение детям первоначальных сведений по естествознанию и географии.

⁹² Соколов Д. П. Беседы с детьми о вере и нравственности христианской в рассказах из Священной истории Ветхого и Нового Завета: в 2-х ч. СПб., 1863 и др. изд.; Он же. Начальное наставление в православной христианской вере. СПб., 1868 и др. изд. Соколов Дмитрий Павлович (1832–1915) — протоиерей церкви Зимнего дворца, один из самых известных законоучителей, автор руководств по всем отделам курса Закона Божия и других богословских сочинений.

⁹³ «Элементарный курс грамматики. Для городских и сельских школ» (М., 1873) был разработан Дмитрием Ивановичем Тихомировым (1844–1915) — педагогом, деятелем народного образования, издателем и редактором.

⁹⁴ Автор «Учебной русской хрестоматии с толкованиями» (СПб., 1876) — русский литературовед и переводчик, автор исторических романов Петр Николаевич Полевой (1839–1902).

⁹⁵ Путята Николай Васильевич (1802–1877) — писатель, служил в гвардии, выйдя в отставку; некоторое время был председателем Московского общества любителей российской словесности.

⁹⁶ Солнышко: кн. для чтения в нар. училищах / Сост. А. Радонежский. СПб., 1880, и др. изд. Книга Александра Радонежского, последователя К. Д. Ушинского, повествует о солнце, о школе, включает молитву перед уроком, стихотворение о сердце матери, басню о соловье и кукушке, рассказ об «аспидной» (черной класной) доске, повествование о пользе наук, о движении Земли.

⁹⁷ Гербач Василий Степанович (1845–1902). Русская скоропись: упражнения для развития свободного движения руки и приобретения четкой скорописи: учебный материал для последней ступени обучения письму. СПб., 1879.

Тихомиров. Азбука правописания⁹⁸; Солонина. Записки по методике русского языка⁹⁹; Рождественский. Отечественная история¹⁰⁰; Воронов. Элементарная геометрия; Евтушевский. Задачи. Ч. 2¹⁰¹; Собольщиков. Что делать от холода¹⁰²»¹⁰³. С 1881 г. для школы начали выписывать журнал «Мирской вестник»¹⁰⁴, с 1882 г. — журналы «Родина»¹⁰⁵, с 1903 г. — «Родник»¹⁰⁶, «Детское чтение»¹⁰⁷, «Русское богатство»¹⁰⁸.

На новый 1877 г., после прихода Ф. Г. Фрост, впервые устанавливается и далее становится традиционной школьная рождественская елка. К следующему 1878 году детям покупаются рождественские подарки.

---

⁹⁸ Тихомиров Дмитрий Иванович (1844–1915) — российский педагог, общественный деятель, теоретик и организатор начального обучения.

⁹⁹ Солонина Петр Николаевич (1843–?). Записки по методике русского языка, составленные для учительских семинарий, учительских институтов и для учителей народных школ преподавателем Черниговской земской учительской семинарии П.Н. Солонино: [Отд. 1–3]. СПб., 1877–1879.

¹⁰⁰ Рождественский Сергей Егорович (1834–1891) — директор народных училищ С.-Петербургской губернии, педагог, писатель.

¹⁰¹ Евтушевский Василий Адрианович (1836–1888) — выдающийся педагог; применял метод немецкого педагога Грубе, основой которого было подготовительное изучение свойств чисел первой сотни и вместе с тем ознакомление детей с арифметическими действиями.

¹⁰² Василий Иванович Собольщиков (1813–1872) — российский библиотекарь и архитектор. В 1865 г. издал брошюру «Печное мастерство», а в 1870-м — книгу «Что надо делать в домах против холода, сырости и духоты?».

¹⁰³ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 4554. Л. 51.

¹⁰⁴ Там же. Л. 3. Народный журнал «Мирской вестник» издавался с 1863 г., выходил ежемесячно. Основное место занимали разъяснение правительственных распоряжений, относящихся к крестьянам, и религиозное чтение. В 1880-х гг. большое место в издании занимали религиозно-нравственные сентенции. С 1886 г. издавался под названием «Чтение для народа».

¹⁰⁵ Там же. Л. 67. «Родина» — иллюстрированный журнал для семейного чтения, основан в Санкт-Петербурге в 1879 г.

¹⁰⁶ «Родник» — ежемесячный иллюстрированный журнал для детей. Издавался в Петербурге в 1882–1917 гг.

¹⁰⁷ «Детское чтение» — ежемесячный иллюстрированный журнал с приложением «Педагогического листка», издававшийся с 1869 г. в Петербурге, а с 1894 г. — в Москве.

¹⁰⁸ «Русское богатство» — один из крупнейших ежемесячных журналов второй половины XIX в., возник в 1876 г. и просуществовал до 1918 г. Журнал посвящался экономическим вопросам, сельскому хозяйству, торговле и промышленности.

Это были не только развлекательные, но и полезные предметы: скаутки, несессеры¹⁰⁹, кубики, альбомы, мячики, куклы, краски, карандаши, лото, волчки, оловянные солдатики в коробке, пеналы, «папетри с конвертами»¹¹⁰, «ситец на платье», книги для чтения: «Священная история Базарова»¹¹¹, тетради для рисования, перочинные ножички, «жестяные снимки»¹¹², губные гармоники¹¹³. 26 декабря 1887 г. детям к Рождеству покупаются: апельсины, яблоки, пряники, конфеты, пастила, карамель, печенье, а от Александры Иосифовны «к празднику Рождества Христова на елку и украшение в Стрелинскую школу 25 рублей»¹¹⁴.

26 марта 1880 г. с разрешения Константина Николаевича школа переезжает в бывший Гофмейстерский дом¹¹⁵. 13 ноября 1880 г. «<...> Великие Князья Константин и Дмитрий Константиновичи»¹¹⁶ соизволили пожаловать на сделание новых классных столов 200 руб. «<...>»¹¹⁷. А уже с 1881 г. в документах школа значится не только под покровительством великой княгини Александры Иосифовны, но «и всего Августейшего семейства Их Императорских Высочеств, а также вечной памяти в Бозе почившего Государя Великого Князя Вячеслава Константиновича»¹¹⁸ «<...>»¹¹⁹. Начиная с этого же года и далее графине

---

¹⁰⁹ В XIX в. несессером называли небольшие сумочки с наборами для шитья.

¹¹⁰ Папетри — коробка с почтовой бумагой и конвертами.

¹¹¹ Базаров И. И., прот. Библейская история, сокращенно извлеченная из священных книг Ветхого и Нового Завета. (Карлсруэ, 1857, и др. изд.). Протоиерей Иоанн Иоаннович Базаров (1819–1895) — духовник королевы Вюртембергской Ольги Николаевны (старшей сестры великого князя Константина Николаевича, в семье которой впоследствии воспитывалась его дочь Вера Константиновна), бесменный настоятель русской придворной церкви в Штутгарте. Своими многочисленными трудами немало содействовал распространению в среде западного духовенства точных сведений о Русской православной церкви.

¹¹² Общепринятое название таких снимков — тинтайпы, или ферротипия — фотографический процесс, при котором в качестве фотоматериала использовали жестяные пластинки, покрытые темным лаком и светочувствительным коллодием.

¹¹³ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 4526. Л. 84.

¹¹⁴ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 4845. Лл. 51–52.

¹¹⁵ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 4605. Л. 51.

¹¹⁶ Сыновья Константина Николаевича и Александры Иосифовны.

¹¹⁷ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 4605. Л. 108.

¹¹⁸ Вячеслав Константинович (1862–1879) — великий князь, младший сын Константина Николаевича и Александры Иосифовны, в 16-летнем возрасте скончался от менингита.

¹¹⁹ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 4554. Л. 54.

А. Е. Комаровской¹²⁰ и полковнику П. Е. Кеппену¹²¹ вменяется в обязанность следить за успеваемостью учащихся в школе, для чего смотритель дворца ежемесячно отправляет им табель успеваемости учеников¹²².

В ноябре 1888 г. великой княгине Александре Иосифовне в Павловск из Стрельны была отправлена телеграмма — по случаю 25-летия с того времени, как «Ея Императорское Высочество <...> соизволила принять небольшую школу, устроенную при Полицейском доме для детей служащих при Стрелинском дворце, под свое Высокое покровительство, <...> установив правильные занятия и приказав принимать бедных детей без различия состояния и вероисповедания, вследствие чего 1 ноября совершено благодарственное молебствие о здравии Ея Августейшего семейства, по милости

---

¹²⁰ Комаровская Анна Егоровна (1832–1906) — фрейлина (1857), а затем (с 1866) гофмейстерина вел. кнг. Александры Иосифовны; кавалерственная дама ордена Св. Екатерины (1888), камер-фрейлина Высочайшего двора (1900). Графиня А. Е. Комаровская вела активную благотворительную и общественную жизнь. Будучи помощницей вел. кнг. Александры Иосифовны как председательницы Императорского женского патриотического общества, она неоднократно посещала лазареты, госпитали, дома призрения. В 1901 г. по ее инициативе было основано Общество попечения о несовершеннолетних, подвергшихся личному задержанию, с целью заботы «о детях, впавших в преступление и подлежащих предварительному заключению, а также о тех из отбывших наказание и освобожденных из мест заключения, которые желают исправиться и вернуться к честной жизни». За свои труды графиня Комаровская была удостоена Мариинского знака отличия беспорочной службы.

¹²¹ Кеппен Павел Егорович (1846–1911) — адъютант великого князя Константина Николаевича (1879), управляющий его двором (1883–1892), а затем — двором его супруги вел. кнг. Александры Иосифовны (1892–1911). Был членом Совета детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии, участвовал в организации Петербургской женской гимназии и Женского педагогического института, Стрельнинской дворцовой школы садоводства, Павловского четырехклассного училища, Благовещенского лазарета и многих других педагогических и благотворительных заведений. При нем манеж Мраморного дворца был открыт для детей различных сословий, где они могли заниматься играми и гимнастикой. Сотрудничал в детских журналах, пропагандируя в своих публикациях нравственное и физическое воспитание молодого поколения. Имел огромную библиотеку, насчитывавшую около 20 000 томов разнообразного содержания: книги по гигиене, педагогике, русской истории, а также коллекция русских азбук. После смерти Кеппена библиотека поступила по завещанию в Педагогический институт в Петербурге (ныне РГПУ им. А. И. Герцена). О П. Е. Кеппене см.: Цапина Т. А. П. Е. Кеппен и августейшее семейство // Константиновский дворцово-парковый ансамбль: исследования и материалы. СПб., 2017. С. 282–302.

¹²² РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 4682. Л. 7.

которого в течение 25 лет, более 500 бедных детей получили первоначальное воспитание <...>»¹²³. В ответе Александра Иосифовна пишет: «Глубоко тронута молитвами всей милой Стрельны <...> за благодарную память 25-летия моей школы. От души благодарю всех за добрую память и шлю мою особую сердечную благодарность Вам, Сергей Петрович¹²⁴ (смотритель дворца Сухонин. — Прим. А. Ж.), и достойным деятелям школы Отцу Протоиерею, Протодиакону, милым Фрост, Липину¹²⁵ и всем трудившимся и трудящимся на пользу Стрельнинских детей и сеющих семена веры и учения. Господь не оставит своей благодарностью труды сеющих доброе семя. С вами со всеми молюсь о благополучии и преуспянии нашей дорогой Стрельнинской школы»¹²⁶.

Судя по всему, детей в школе достаточно серьезно обучают музыке и пению. Для занятий в октябре 1890 г. покупаются книги и ноты в музыкальном магазине Юргенсона¹²⁷. Видимо, успехи детей в пении настолько значительны, что их приглашают петь на клиросе Введенской церкви Константиновского (Мраморного)¹²⁸ дворца: в апреле 1882 г. «по повелению Ея Высочества были отправлены в Великом Посту певчие в церковь Мраморного дворца, на проезд которых издержано регентом Липиным 9 руб. 98 коп.»¹²⁹.

В октябре 1891 г. «<...> протоиерей Стрельнинской церкви придворного ведомства Александр Лебедев, преподававший в школе Закон Божий, вследствие его прошения по расстроенному здоровью и преклонности лет 12 октября уволен в отставку, и на его место того же числа определен окончивший курс в Олонецкой духовной семинарии Иван Пидьмозерский»¹³⁰.

¹²³ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 4851. Л. 29.

¹²⁴ Сухонин Сергей Петрович (1821–1897) — полковник, смотритель Стрельнинского дворца (1880–1893).

¹²⁵ Алексей Сосипатрович Липин (1860–?), псаломщик и регент хора Стрельнинской придворной церкви (с 1872 г.), служил также учителем пения и преподавателем арифметики при школе великой княгини Александры Иосифовны. Обученный его стараниями, «при недостаточности средств церкви», хор певчих из числа учащихся пел за богослужениями в Стрельнинской придворной церкви вместе с «хором Ея Высочества». См.: РГИА. Ф. 495. Оп. 6. Д. 5668. Л. 3; Ф. 805. Оп. 1. Д. 2968а. Лл. 383–384. Формулярный список А.С. Липина (1889).

¹²⁶ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 4851. Л. 28.

¹²⁷ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 4878. Лл. 16, 17.

¹²⁸ Указ императора Николая I от 20 декабря 1849 г.: «<...> Мраморный дворец со всем убранством и принадлежащим к нему Служебным домом, <...> повелеваю <...> именовать Константиновским <...>». // ПСЗ РИ. Собр. II. Т. 24 (1849). Ч. 2. Законы. С. 326. № 23748. См. также: РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 71. Л. 351.

¹²⁹ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 4695. Л. 28.

¹³⁰ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 5269. Л. 3. Также см.: РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 1654.

Августейшая покровительница продолжает внимательно следить за успехами школы. 7 мая 1891 г. смотритель Стрельнинского дворца высылает управляющему двором Кеппену и гофмейстерине Комаровской «отметки воспитанникам школы Великой Княгини Александры Иосифовны за курс 1890/1891 гг. для предоставления Ея Императорскому Высочеству»¹³¹.

20 января 1894 г. попечитель С.-Петербургского учебного округа уведомляет П. Е. Кеппена, «что Директор народных училищ С.-Петербургской губернии» предложил передачу Стрельнинской школы в ведение Министерства народного просвещения. В этом случае она будет приписана «к числу двухклассных приходских училищ, существующих по уставу 8 декабря 1828 г.»¹³²,¹³³. Александра Иосифовна согласна «на такое определение положения Стрельнинской школы, причем (по предложению великой княгини. — Прим. А. Ж.) она может называться Стрельнинским Приходским училищем, учрежденным Гос[ударыней] Великой Княгиней Александрой Иосифовной и состоящим в ведении Мин[истерства] Народного Просвещения. Ближайшее установление программы Гос[ударыня] Вел[икая] Княгиня предоставляет Дирекции училищ, сохраняя уверенность, что вы установите тот курс учения, какой будет наиболее соответствовать местным условиям и требованиям действительной жизни»¹³⁴. В связи с этим здание школы в Гофмейстерском доме было капитально отремонтировано¹³⁵.

В 1888 г. учительский штат школы пополняется сестрами Татьяной Николаевной и Екатериной Николаевной Зверевыми¹³⁶. В тепер уже двухклассном училище создается столярный класс и класс рукоделия, для которых постоянно закупается материал¹³⁷. С 1894 г. в школе работают уже две учительницы рукоделия: Татьяна Николаевна Зверева и Вера Александровна Петровская; обе они проходят курс обучения¹³⁸. В 1900 г. в штат поступает еще одна учительница рукоделия — В. Л. Гаврилова¹³⁹.

Об увольнении протодиакона Александра Лебедева и определении диакона И. Пидьмозерского (31 октября — 16 декабря 1891 г.).

¹³¹ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 4887. Лл. 6, 7.

¹³² Положение о средних и начальных школах было рассмотрено Государственным советом и 8 декабря 1828 г. утверждено императором Николаем I. Устав 1828 г. юридически закрепил отказ государства от финансирования означенных школ, возложив его на помещиков (добровольно), а также на городское и сельское самоуправление (прим. А. Ж.).

¹³³ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1564. Л. 3.

¹³⁴ Там же. Л. 5.

¹³⁵ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 4928. Л. 1.

¹³⁶ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 5008. Л. 6.

¹³⁷ Там же. Лл. 16, 6.

¹³⁸ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 4887. Л. 74.

¹³⁹ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 5053. Лл. 3, 28.

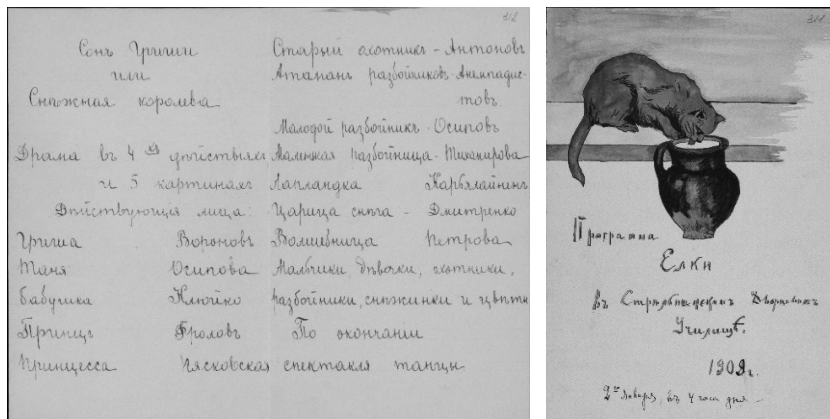

Рис. 5. Приглашение на рождественскую елку. РГИА. Публ. впервые

Не утрачена традиция рождественских елок. На детскую елку к новому 1899 году жертвуются от: «<...> Великой Княгини Александры Иосифовны 25 руб.; от Дворцового правления 50 руб.; от купца Петрова 25 руб.; от купца Малафеева 25 руб.; От купцов Отрожденных 25 руб.»¹⁴⁰.

Расходы на содержание училища растут — растут и пожертвования. С этого года и до конца жизни Александры Иосифовны они составляют: «От <...> Вел. Кн. Александры Иосифовны 700 руб., Вел. Кн. Константина Константиновича 600 руб., Вел. Кн. Дмитрия Константиновича 700 руб., от их же на рабочий (столярный. — Прим. А. Ж.) класс 160 руб.»¹⁴¹ По-прежнему поступают проценты с капитала купца Чубыкина¹⁴².

В 1902 г. в класс рукоделия пришла Елена Константиновна Залеская, которая впоследствии стала заведующей школой. С ее приходом детей стали водить на познавательные экскурсии¹⁴³. Эта форма развития детей стала постоянной и традиционной. Так, 2 июня 1910 г. отправляется письмо «в Правление Императорских Фарфорового и Стеклоплавильных заводов <...> Дети с их преподавательницами Стрельнинского Дворцового 2-х классного училища намерены осмотреть вышеупомянутые заводы <...>»¹⁴⁴. 1 марта 1911 г. заведующему выставкой «Урал и его богатства» А. К. Денисову-Уральскому направляется прошение: «Дети Стрельнинского Дворцового 2-х классного училища, очень заинтересованные Вашей выставкой, знакомящей с отдаленным краем нашей

¹⁴⁰ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 5008. Л. 11 об.

¹⁴¹ Там же. Л. 1.

¹⁴² РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 5053. Л. 3 об.

¹⁴³ Там же. Лл. 23, 38.

¹⁴⁴ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 5264. Л. 17.

Рис. 6. Фасад особняка фон Дервиза в Стрельне, арендованный под гимназию. Фото 2002 г.

«Дети Стрельнинского Дворцового 2-х классного училища, очень заинтересованные Вашей выставкой, знакомящей с отдаленным краем нашей Родины, усердно просят Вас разрешить посетить выставку бесплатно в числе 40 человек в один из будних дней»¹⁴⁵.

Традиционным становится посещение театральных представлений. 15 октября 1908 г. «Стрельнинское Дворцовое двухклассное Министерское училище» просит дирек-

цию Мариинского театра «разрешения посетить утренний спектакль детской группы г. Чистякова¹⁴⁶ <...> детям в количестве 80 человек»¹⁴⁷. 19 февраля 1910 г. в Дворцовое правление из Конторы императорских театров «доставлены билеты на назначенный с Высочайшего соизволения утренний бесплатный ученический спектакль 24-го сего февраля в Императорском Мариинском театре 9 мест галереи 4-го яруса <...> Канцелярия по приказанию Министра Императорского Двора <...> просит о распределении их между учениками Стрельнинского 2-х классного Дворцового училища»¹⁴⁸. 13 апреля 1910 г. в контору Народного дома императора Николая II¹⁴⁹ направляется очередное прошение: «Дети Стрельнинского 2-х классного Дворцового училища просят разрешить им посетить бесплатно одно из Пасхальных утренних представлений в числе 30 чел.»¹⁵⁰.

Штат учителей в школе пополняется еще одной учительницей: это «Мария Григорьевна Абрамова, бывшая учительница Гостилицкого 2-кл. Министерства народного просвещения училища»¹⁵¹. В 1910 г. заведующую

¹⁴⁵ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 5324. Л. 17.

¹⁴⁶ Чистяков Александр Дмитриевич (1831 – после 1910) — артист балета, хореограф и постановщик танцев в Императорских театрах, преподаватель танцев в средних учебных заведениях.

¹⁴⁷ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 5229. Л. 7.

¹⁴⁸ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 5264. Л. 6.

¹⁴⁹ Народные дома России XIX — начала XX вв. пытались объединить образовательную и досуговую деятельности. Они ставили перед собой задачу развивать внешкольное образование, бороться с неграмотностью, вести лекционную работу.

¹⁵⁰ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 5264. Л. 9.

¹⁵¹ Там же. Л. 63.

Е. К. Залесскую сменила Е. Н. Зверева. В библиотеку училища¹⁵² выписывается познавательная и методическая литература, покупаются учебные пособия: Зоологический атлас, Этнографический атлас, Ботанический атлас¹⁵³; модели «скелета и туловища человека», приборы «для опытов по воздуху», глобус¹⁵⁴.

Регулярно стали проводиться педагогические «собрания», на которых определялась методика преподавания. 3 октября 1903 г. Кеппен пишет законоучителю Н. Кедрову: «Согласно указаний учебного начальства в Стрельнинском 2-х классном приходском училище установлено, чтобы каждая учительница вела свой класс от начала до конца курса. Этот же порядок признан необходимым в занятиях отцов законоучителей, как об этом занесено в одном из Протоколов Педагогического собрания училища в прошлом учебном году <...>, так как по условиям размещения классов в Стрельнинском училище нельзя в двух отделениях одной учительницы одновременно устроить занятие двух законоучителей¹⁵⁵ <...>»¹⁵⁶.

Теперь книги для учеников выбирает не священник, как это было раньше, а управляющий великокняжеским двором П. Е. Кеппен. 25 октября 1902 г. он присылает список книг для Стрельнинского 2-х классного дворцового училища (всего 369 наименований), среди которых сказки и повести Пушкина, «Князь Серебряный» А. К. Толстого, «Даша Севастопольская» К. Лукашевич, «Юрий Милославский» М. Загоскина, книги Д. Н. Мамина-Сибиряка, К. М. Станюковича, сказки Андерсена, рассказы Л. Н. Толстого, басни Крылова, «Сто рассказов из жизни животных» (перевод с англ. З. Н. Журавской¹⁵⁷), Н. М. Карамзина, книги М. Богданова о жизни птиц и другие¹⁵⁸. П. Е. Кеппен не только лично

¹⁵² Там же. Лл. 84–98. В отложившейся в фонде описи книг училищной библиотеки указаны издания: богословские — 70 шт., книги по русской словесности — 60, книги по естествознанию, медицине и сельскому хозяйству — 95, книги по географии — 34, книги исторического содержания — 56, по математике — 44, периодические издания — 16, сочинения русских писателей — 37 авторов, переводы (иностранной литературы) — 14; всего 426 шт.

¹⁵³ Там же. Л. 34

¹⁵⁴ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 5053. Лл. 31, 32, 36.

¹⁵⁵ «Священник Стрельнинской придворной Спасо-Преображенской церкви Сергей Семенович Руженцев поступил на службу в оную в 1904 году 1 апреля, с коего времени состоит законоучителем в Стрельнинском 2-х кл. Дворцовом училище». // РГИА. Ф. 495. Оп. 6. Д. 5682. Л. 9.

¹⁵⁶ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1595. Л. 24а.

¹⁵⁷ Журавская Зинаида Николаевна (урожд. Лашкевич, 1867–1937) — переводчица, писательница, журналистка, пианистка. Переводила Диккенса, Бичер-Стоу, Твена, Дефо, Золя, Локка, Уэллса, Гете и многих других. После 1917 г. сотрудничала в издательстве «Всемирная литература» и некоторое время возглавляла «Всероссийский профессиональный союз переводчиков».

¹⁵⁸ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1606. Л. 2.

подбирает книги, которые затем пересылаются в училище, но и дарит учебному заведению часть своей личной библиотеки¹⁵⁹.

С 1903 г. в школе заведена практика чтений «для народа». Чтение осуществлялось силами учителей школы и приглашенными чтецами. Так, 19 октября 1903 г. «читали Е. К. Залесская — “Царь-освободитель Александр II”; Ф. И. Петров. “Песнь о купце Калашникове” Лермонтова. Посетителей было: мужчин 50, женщин 18, подростков 28. Всего 96. 2 ноября читали: В. В. Зембрицкий “О воздухе” с опытами; Л. Д. Воробейчик “Муму” Тургенева, “Генерал Топтыгин” Некрасова. Посетителей было: мужчин 42, женщин 43, подростков 35. Всего 120»¹⁶⁰. Темы для чтения выбирались самые разные: «Как жили люди за несколько тысяч лет до нашего времени»; «Суеверия русского народа. Колдуны и ведьмы», «Первые русские князья», «Татарское нашествие», Станюкович «Человек за бортом», стихотворения А. К. Толстого, рассказ Л. Н. Толстого «Где любовь там и Бог», А. С. Пушкин «Песнь о вещем Олеге», Я. Полонский «Под красным крестом». 7 марта 1904 г. чтение было на злободневную тему «Война русских с японцами» (посетили чтения 233 чел.)¹⁶¹. По-прежнему в школе проводятся лотереи, доход от которых поступает в пользу школы¹⁶². Идет война с Японией, и учителя школы не остаются в стороне от этих событий. Кроме «чтений для народа» о событиях этой войны, 18 февраля 1904 г. «гг. учащие 2-х классов Стрельнинского училища проявили свое согласие отчислять 1 % в пользу Красного Креста на все время военных действий на Дальнем Востоке»¹⁶³.

Судя по документам, очень большое значение в школе придается получению детьми в результате обучения не только теоретических обязательных знаний, но и практических, по разным профессиям. Об этом говорит список книг по разным специальностям¹⁶⁴. Учеников в училище становится все больше (в 1907 г. 157 чел., в 1908 г. 145 чел.)¹⁶⁵, места в ней уже недостаточно, и в 1907 г. возникает необходимость в переустройстве и капитальном ремонте школы. Но сделано было только перемещение, чтобы «классы и все школьное устройство — библиотека, рабочие комнаты и склад пособий — находились в одном этаже школьного здания, а учительницы были помещены в Конторском и Полицейском домах»¹⁶⁶. Скорее всего, это произошло потому, что годом ранее, в 1906 г. было решено организовать комиссию по строительству нового

---

¹⁵⁹ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 5264. Л. 43.

¹⁶⁰ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1597. Л. 51.

¹⁶¹ Там же. Лл. 50–53.

¹⁶² РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1614. Л. 70.

¹⁶³ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 5122. Л. 1.

¹⁶⁴ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1610. Лл. 59, 75, 199.

¹⁶⁵ Там же. Л. 75; РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 5229. Л. 43.

¹⁶⁶ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1606. Лл. 115, 118.

здания училища на земле, пожертвованной августейшим владельцем Стрельны великим князем Дмитрием Константиновичем¹⁶⁷. Всего через год принято решение о постройке нового здания училища¹⁶⁸. 7 июля 1912 г. министр народного просвещения одобрил «план и фасад проектируемого здания для Стрельнинского двухклассного училища»¹⁶⁹.

В 1911 г. скончалась учредительница и покровительница Стрельнинской школы великая княгиня Александра Иосифовна, и частная школа, ставшая за эти годы двухклассным приходским училищем, начала именоваться «Стрельнинским двухклассным училищем имени Великой Княгини Александры Иосифовны»¹⁷⁰.

В июле 1913 г. строительство здания нового училища, которое представляло собой «деревянный двухэтажный дом с железной крышей на сплошном каменном фундаменте <...>»¹⁷¹, было закончено, и Стрельнинское дворцовое управление 28 августа 1913 г. уведомило учебный округ, «что с передачей здания двухклассной школы в Министерство Народного Просвещения, прием которого назначен инспектором народных училищ на 1 сентября, отпуск отопления, освещения и доставка воды от Дворцового Управления будут прекращены»¹⁷².

Кроме частной школы, а затем двухклассного училища, которое содержалось на средства великокняжеской семьи, в Стрельне существовала церковно-приходская школа при Свято-Троицкой Сергиевой Приморской мужской пустыни. В 1896 г. при Стрельнинском дворцовом садовом хозяйстве появилась Школа садоводства, которая, кроме специальных знаний, давала детям и общее образование. В 1913 г., благодаря ходатайству великого князя Дмитрия Константиновича, была открыта Стрельнинская мужская гимназия¹⁷³.

Стрельнинская школа, которая более пятидесяти лет содержалась на средства великой княгини Александры Иосифовны, ее потомков и благодетелей, за годы своей деятельности дала образование более чем тысяче детей Стрельнинского имения. Это была только малая часть той огромной подвижнической деятельности, которую всю свою жизнь в России вела супруга великого князя Константина Николаевича — великая княгиня Александра Иосифовна.

¹⁶⁷ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1602. Л. 36.

¹⁶⁸ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 5229. Л. 17.

¹⁶⁹ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 5351. Л. 3.

¹⁷⁰ РГИА. Ф. 495. Оп. 5. Д. 5391. Л. 5.

¹⁷¹ Там же. Л. 13.

¹⁷² Там же. Л. 10.

¹⁷³ См.: ЦГИА СПб. Ф. 681. Стрельнинская мужская гимназия (1913–1918).

**Великая княгиня Александра Иосифовна —
председательница Санкт-Петербургского
Совета детских приютов**

В русской истории много еще остается забытых женских имен, незаслуженно обойденных вниманием, и среди них — имя великой княгини Александры Иосифовны, жены великого князя Константина Николаевича, младшей дочери герцога Иосифа Саксен-Альтенбургского, одной из выдающихся женщин второй половины XIX в., стоявшей у истоков появления в России организации Красного Креста, службы медицинских сестер в госпиталях, организации помощи неимущим, строительства больниц, школ, богаделен и приютов.

До настоящего времени деятельность Александры Иосифовны и прежде всего ее кропотливый труд в качестве председательницы Санкт-Петербургского Совета детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии не получил должной оценки.

Основанием исследования для более полного освещения этой грани общественной деятельности великой княгини послужили документы, находящиеся в Российском государственном историческом архиве: переписка великой княгини Александры Иосифовны по делам Совета, рескрипты и отчеты этой крупной благотворительной организации.

Потребность в общественной помощи бедным, лишенным средств к существованию, и вообще нуждающимся и не имеющим возможности собственными силами устранить свою нужду присутствовала всегда и у всех народов.

В среде русской аристократии XIX — начала XX вв. благотворительность была занятием почетным и уважаемым. Представители императорской фамилии подавали пример милосердия к ближним, создавая благотворительные организации или соглашаясь возглавить уже существовавшие. Одной из таких благотворительных организаций, входивших в систему Ведомства учреждений императрицы Марии, был Санкт-Петербургский Совет детских приютов.

Образованию этого органа предшествовало создание в столице на личные средства состоятельных людей ряда частных детских приютов, которые соединяли в себе черты воспитательных и учебных заведений. Эти учреждения давали дневной приют детям, остававшимся во время работы родителей без присмотра, призвали на полном содержании

круглых сирот, полусирот и тех, чьи родители не имели средств для воспитания и обучения детей, а также бесприютных младенцев. К концу 1839 г. в Санкт-Петербурге насчитывалось восемь приютов. В каждом число опекаемых в них детей было больше 100.

Для координации деятельности детских заведений в столице, для выработки единой политики в отношении этих учреждений и установления в них единого внутреннего регламента появилась острая необходимость в создании Совета детских приютов. Инициатива учреждения такого Совета принадлежала графине Ю. П. Строгановой. Она получила поддержку императорской семьи, которая стала покровительствовать приютам. Санкт-Петербургский Совет детских приютов был учрежден 30 апреля 1840 г. на основании рескрипта от 7 ноября 1838 г. и Положения о приютах от 27 декабря 1839 г.

Первоначально он находился в ведении комитета Главного попечительства о детских приютах, а с 1869 г. состоял в ведении Главного-управляющего Ведомства учреждений императрицы Марии, при котором имелаась Канцелярия по управлению всеми детскими приютами.

В обязанности Совета входило заведование всеми приютами Ведомства учреждений императрицы Марии в Санкт-Петербурге и губернии; распоряжение денежными суммами и имуществом приютов. Совет считался представителем всех подведомственных ему приютов, как по всем правовым актам, их касавшимся, так и по судебной защите их интересов. При необходимости он мог создавать Комитеты для сбора средств и решения иных вопросов благотворительности. Он устанавливал правила приема и содержания детей в приютах, контролировал составление учебных программ.

Первой председательницей Санкт-Петербургского Совета детских приютов стала графиня Ю. П. Строганова (1782–1864). После ее смерти в 1864 г. пост председательницы заняла великая княгиня Александра Петровна (1838–1900), супруга великого князя Николая Николаевича Старшего, сына Николая I. Таким образом еще раз было подчеркнуто внимание семьи императора к призрению детей.

Великая княгиня Александра Петровна возглавляла Совет в течение 17 лет. Благодаря ее заботам Совет детских приютов собрал капитал около 2 млн руб., на доходы от которого содержалось 23 больших приюта.

Однако в 1879 г. произошло событие, резко изменившее жизнь Александры Петровны: во время поездки лошади понесли и опрокинули экипаж. Великая княгиня была сильно травмирована, что сказалось на ее здоровье — у нее отказали ноги. Врачи рекомендовали лечение на юге. В том же году Александра Петровна покинула Санкт-Петербург, как оказалось, навсегда. Несмотря на болезнь, великая княгиня до 1881 г. оставалась председательницей Санкт-Петербургского Совета детских приютов.

7 ноября 1881 г. по случаю сложения великой княгиней Александрой Петровной своих полномочий было назначено чрезвычайное заседание Совета для избрания новой председательницы. Собрание членов Совета¹ проходило во дворце принца А. П. Ольденбургского (1844–1932), известного своей благотворительностью попечителя многих организаций.

Великой княгине Александре Иосифовне было предложено взять на себя руководство Санкт-Петербургским Советом детских приютов.

Рескрипт императрицы, данный в Гатчине 1 декабря 1881 г., утвердил ее в этом звании². Спустя четыре месяца Александра Иосифовна писала: «...с сердечным колебанием приняла я звание Председательницы Совета Санкт-Петербургских детских приютов; важность предстоящего дела и тяжесть ответственности, им возлагаемой, устрасали Меня и побуждали уклониться от оказанной чести и доверия. Только подчиняясь воле Государыни Императрицы, Августейшей Покровительницы приютов, решилась я <...> приступить к исполнению обязанностей, которые с такою полнотою христианского чувства и материнской любви и с глубоким умилением в течение почти 17 лет исполнялись великой княгиней Александрой Петровною <...> Подробный осмотр приютов и внимательное знакомство с их положением, деятельностью и успехами детей в каждом из них дали мне возможность убедиться в строгой разумности общего направления приютов и в добросовестности, усердии и преданности делу всех посвящающих им свой труд. <...> Отдавая должное всему, безусловно, хорошему, не могу не указать на некоторые стороны, требующие постепенного улучшения <...>. Необходимо установление однообразия в объеме и характере преподавания и, для возвышения успешности его в некоторых приютах, полезны были бы более частые собрания всех наставниц для занятий и бесед под руководством наблюдателя за учебной частью. Нельзя не пожелать также большего развития рукоделий и занятий мастерствами в приютах, а также рисования и черчения. <...> Помещения некоторых приютов не вполне отвечают своему назначению: тесные, сырые и неудобные в хозяйственном отношении; а также не везде обращается одинаково должное внимание на чистоту и опрятность. Хозяйство приютов ведется достаточно аккуратно, но не везде осуществлены условия для возможно большей экономии приютских расходов. Необходимо из каждого гроша извлечь всю возможную для призрения пользу. Много требуется внимания к условиям жизни приютов для всестороннего обсуждения их нужд в заседаниях Совета, для правильного направления их деятельности и разумного контроля»³.

---

¹ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 596. Л. 1.

² Там же. Л. 4.

³ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 599. Л. 69.

С первых же лет при совете была учреждена постоянная комиссия для коллегиального обсуждения текущих дел. Собрания проходили в гостиной великой княгини в Мраморном дворце.

Приняв на себя звание попечительницы приютов, Александра Иосифовна обратила особое внимание на постановку воспитания, школьного и профессионального образования детей. В приютах были разработаны и введены новые учебные план и программа, которые определяли как объем курса образовательных предметов, так и число уроков для их прохождения. Большие требования предъявлялись к таким предметам, как черчение, рисование и обучение ручному труду. Вводился классный журнал для контролирования посещения детьми приютов, их поведения и успехов, а также «правильного ведения учащимися классных занятий. Всему учебному персоналу приютов вменялось в обязанность основательно ознакомиться с программой преподавания и неуклонно ее держаться. Никаких отступлений от установленных программ не допускалось. Расписание уроков для каждого приюта составлялось согласно установленному учебному плану инспектором по учебной части»⁴.

В учебном и воспитательном отношении благотворно влияли устроенные по указаниям великой княгини частые собрания приютских смотрительниц и их помощниц, на которых им разъяснялись важнейшие педагогические приемы обучения детей и уход за ними⁵.

В результате деятельности Александры Иосифовны на средства Совета для 12 приютов, среди которых были одни из первых сиротских домов — имени графини А. Г. Лаваль и Николаевский⁶, — а также для сиротских убежищ, располагавшихся в наемных помещениях, выстроили новые каменные здания. Кроме того, был построен каменный дом для вновь учрежденного по инициативе великой княгини Комитета для сбора пожертвований в пользу заведений Санкт-Петербургского Совета приютов.

В течение 25 лет великая княгиня Александра Иосифовна состояла в должности председателя Санкт-Петербургского Совета детских приютов. За это время для детального рассмотрения нужд приютов был учрежден Хозяйственный комитет и Комитет для изыскания средств на устройство слабых здоровьем детей и служащих в приютах на дачи и летние санатории.

---

⁴ Там же. Л. 340.

⁵ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 596. Л. 12.

⁶ Там же. Лл. 12, 49. Приют был основан графиней А. Г. Лаваль 4 июня 1838 г.; Николаевский приют существовал с 1820 г., в 1847 г. был переименован в Воскресенский, в 1855 г. ему присвоили наименование Николаевского, в память в Боже почившего императора Николая Павловича.

Совет имел в своем ведении пять церквей с собственным балансом (Св. муч. царицы Александры, Свщм. еп. Мефодия, Св. блгв. кн. Александра Невского, Св. прп. Сергия Радонежского, Св. муч. царицы Александры в Павловске), а также с 1896 г. свое периодическое издание — «Отмена визитов»⁷. Открыли новое отделение при Охтинском приюте и детский приют-санаторий для летнего пребывания слабых здоровьем детей в Удельной. Строгановское сиротское отделение преобразовалось в женскую учительскую семинарию, воспитанницы которой выпускались «с правами начальной учительницы по Министерству народного просвещения» и званием помощницы смотрительницы детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии. В ведение Совета была принята рукодельная хозяйственная школа имени А. Г. Елисеева с собственным зданием, капиталом и двумя доходными домами. В 1890 г. открылась школа нянь и малолетнее сиротское отделение для девочек от трех до шести лет при Николаевском приюте⁸ и сиротское отделение в Царском Селе имени цесаревича Алексея Николаевича для мальчиков старше шести лет. Кроме того, Постоянная комиссия Совета, учитывая нужды беднейшего населения столицы, инициировала преобразование пяти приютов для приходящих детей в сиротские приюты для постоянного призрения сирот, причем признало возможным принимать детей не только школьного возраста, начиная с шести лет, но и дошкольников от трех до шести лет⁹.

В конце XIX в. кроме ремесленного получило развитие сельскохозяйственное обучение воспитанников приютов Ведомства императрицы Марии. Нововведение было обусловлено тем, что в это время начали создаваться сельские детские приюты, как постоянные, так и временные. Они предназначались для призрения детей, родители которых находились на полевых работах вдали от дома.

В 1904 г. недалеко от Петербурга был открыт приют Госненского сельского попечительства Царскосельского уезда Петербургской губернии. Помимо того, во время летних полевых работ Госненское попечительство открыло временные приюты-ясли в семи деревнях и погостах, в которых за лето призревались 136 детей. «Всего к 1904 г. Ведомством императрицы созданы 11 сельских детских приютов. В начале XX в. в Министерстве внутренних дел появился проект обучения воспитанников сельских приютов крестьянскому труду в масштабах всей страны.

---

⁷ Санкт-Петербургский Совет детских приютов // Санкт-Петербургская энциклопедия. [Электронный ресурс] URL: <http://www.encspb.ru/object/2853475699?dv=2853969641&lc=ru> (дата обращения: 10.08.2018).

⁸ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 664. Л. 41

⁹ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 596. Л. 53.

В 1904 г. чиновник по особым поручениям министерства Н. Н. Жеденев по своей инициативе разработал и представил проект создания сельскохозяйственных приютов для детей “воинов-земледельцев”, то есть крестьян, призванных на военную службу или погибших на войне. Предполагалось открыть эти приюты в деревнях и обучать их воспитанников сельскохозяйственному труду и аграрным знаниям. Ведомством детских приютов проект был встречен с интересом, но из-за недостаточной проработанности деталей и отсутствия средств на его реализацию поддержки не получил. Позже для призрения детей сельского населения империи было создано новое благотворительное ведомство под покровительством монаршей семьи — Романовский комитет¹⁰.

Благодаря усилиям великой княгини, в 1891 г. было утверждено новое Положение о приютах, которое давало дальнейшее развитие таким учреждениям, как воспитательные приюты для младенцев, сиротские заведения, ремесленные и профессиональные отделения для старших детей. Устанавливались определенные программы для приютов с продлением срока пребывания детей в приютах и с предоставлением мальчикам, окончившим курс приютского обучения, льгот по прохождению воинской повинности¹¹.

Всеми воспитанникам детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии по окончании обучения предоставлялись привилегии по устройству на работу (если воспитанника не забирали обратно родные, им находили место работы в различных мастерских и т. д.).

Не ограничиваясь заботами о призреваемых детях, великая княгиня обратила особое внимание на необходимость пенсионного обеспечения служащих в приютах, не только в Санкт-Петербурге, но во всех городских детских приютах Ведомства учреждений императрицы Марии из сумм Государственного казначейства.

В 1881 г. приняв звание председательницы Санкт-Петербургского Совета детских приютов, Александра Иосифовна одновременно изъявила согласие взять на себя заведывание эмеритальной кассой¹² всех детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии и руководство деятельностью комитета этой кассы. За время ее управления эмеритальная касса увеличила свой капитал на 421 тыс. 600 руб., также возросло и число лиц, воспользовавшихся помощью кассы¹³.

---

¹⁰ Зимин И., Соколов А. Благотворительность семьи Романовых. XIX — начало XX вв. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М., 2015. С. 101.

¹¹ Вестник благотворительности. 1897. № 2. С. 13.

¹² Эмеритура — особая специальная пенсия уволенным в отставку государственным служащим, а также выдача пособий вдовам и сиротам. Эмеритальная касса составлялась из обязательных отчислений от жалования государственных служащих.

¹³ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 648. Л. 4.

До 1900 г. право на эмеритуру имели только смотрительницы и их помощницы. Эмеритура определялась в размере среднего вывода получаемого содержания. Поэтому бывали случаи назначения пенсии по 20 руб. в год. Пенсии по сокращенному сроку (например, по болезни) не допускались. Вдовы и дети служащих не имели права на эмеритуру. Выплата пенсии производилась лишь при отставке служащего. Причем прибавки ($\frac{1}{3}$ или $\frac{2}{3}$ оклада) за пятилетие не назначались.

12 июня 1900 г. великая княгиня обратилась к императрице с ходатайством о предоставлении служащим по воспитательной части взамен эмеритуры права на пенсию, вследствие чего эмеритальная касса могла быть упразднена. Прошение Александры Иосифовны было удовлетворено. Эмеритальная касса была ликвидирована 18 января 1901 г.

С этого времени право на пенсию имели все лица мужского и женского пола, состоявшие на службе по воспитательной части. Размер пенсии был строго определен. По болезни допускалось сокращение сроков по выслуге лет: если служащий проработал свыше пяти лет, размер пенсии составлял $\frac{1}{3}$ оклада, свыше десяти лет — $\frac{2}{3}$ оклада, при выслуге 15 лет — выплачивалась целая пенсия. Вдовы получали половину пенсии мужа, дети — $\frac{1}{3}$ части пенсии вдовы на каждого из детей. Однако, если вдова оставалась с тремя и более детьми, она получала полную пенсию мужа. Служащий мог не выходить в отставку по выслуге лет, тогда ему выплачивалась пенсия сверх жалования. Лицам мужского пола за работу свыше 25 лет за каждое пятилетие прибавлялось $\frac{1}{5}$ часть выслуженной пенсии. Все прибавки производились сверх жалования и пенсии¹⁴.

В конце 1906 г. из-за тяжелой болезни великая княгиня вынуждена была оставить ближайшее руководство детскими приютами. Высочайшим рескриптом от 1 декабря 1906 г. императрица Мария Федоровна утвердила великую княгиню Александру Иосифовну в звании почетной председательницы Совета детских приютов «по случаю 25-летней деятельности Ее Императорского высочества в должности Председательницы этого совета»¹⁵ и удовлетворила ее просьбу «возложить на великую княгиню Елизавету Маврикиевну (невестку и двоюродную племянницу великой княгини. — Прим. О. Н.), усвоившую полезный опыт в руководстве приютами по званию Своему Покровительницы общества Попечения о бедных и больных детях»¹⁶. В том же году в память о многолетней службе великой княгини на пользу детских приютов был образован «особый капитал Ее имени для выдачи из процентов с оного

---

¹⁴ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 648. Л. 11.

¹⁵ Там же. Л. 60.

¹⁶ Там же. Л. 59

пособий лицам, не выслужившим пенсии в детских приютах и лицам, состоявшим по детским приютам по вольному найму»¹⁷. Указанный капитал оставался навсегда неприкосновенным и находился в ведении Канцелярии по управлению всеми детскими приютами, состоящими при главноуправляющем Собственной его императорского величества канцелярией по учреждениям императрицы Марии. Пособия назначались по распоряжению великой княгини Александры Иосифовны.

В 1907 г. сбылось еще одно заветное желание великой княгини: в ведение Санкт-Петербургского Совета детских приютов была передана школа для бедных девочек в возрасте от шести до десяти лет, основанная Александрой Иосифовной в 1868 г. в Павловске — резиденции великой княгини. Здесь в течение семи лет, находясь на полном обеспечении, девочки получали не только образование, но и «проходили обучение различным ремеслам»¹⁸. Школу присоединили к детскому приюту Елизаветы и Марии в Павловске под названием «Сиротское отделение имени Великой Княгини Александры Иосифовны».

Таким образом, рассмотрев лишь одну из граней общественной деятельности великой княгини Александры Иосифовны, можно отметить, что за время ее руководства Санкт-Петербургским Советом детских приютов был осуществлен ряд преобразований: усовершенствован учебный процесс, стандартизованы учебные программы. Стало вводиться профессиональное обучение, чтобы питомцы приютов имели возможность освоить какие-либо профессии, позволявшие зарабатывать на жизнь. Профессиональная подготовка развивалась путем создания как различных курсов и мастерских, так и специализированных ремесленных заведений. В конце XIX в. совершенствовалась и сельскохозяйственная подготовка воспитанников приютов. Новое положение о приютах, принятое в 1891 г., способствовало распространению учреждений детского призрения не только в обеих столицах, но и почти во всех губернских городах. Было обращено внимание и на пенсионное обеспечение служащих в приютах Ведомства императрицы Марии из сумм Государственного казначейства.

Великая княгиня Александра Иосифовна, служа делу милосердия, заботясь о беднейшем населении и стараясь облегчить участь обездоленных, внесла большой вклад в благотворительное дело России, в частности в развитие благотворительных учреждений для призрения и воспитания сирот, покинутых и беспризорных детей.

---

¹⁷ Там же. Л. 9.

¹⁸ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 555. Л. 1.

Библиотека Павловского дворца при великом князе Константине Николаевиче

Основу собрания Большой дворцовой библиотеки Павловского дворца составляет личная коллекция императрицы Марии Федоровны. После ее смерти библиотека стала указываться в документах как «Блаженной памяти Вдовствующей Императрицы Марии Федоровны Библиотека». Это официальное название подчеркивало мемориальный характер собрания и давало повод предполагать, что в дальнейшем библиотека не пополнялась. Однако в настоящее время установлено, что уже при великом князе Михаиле Павловиче, унаследовавшем Павловск после смерти матери, книжную часть коллекции пополнило более 400 изданий¹. Естественно, расширились и другие коллекции Дворцовой библиотеки. Без всякого сомнения, поступления были незначительны, так как библиотека была в большей степени заполнена, но эти поступления, так же, как и коллекции императрицы Марии Федоровны, представляют художественный и исторический интерес. К примеру, 3 мая 1835 г. в Дворцовую библиотеку поступила переписка августейших владельцев Павловска с первым директором Павловска Карлом Кюхельбекером, переданная его вдовой Гюстиной Кюхельбекер, урожд. Ломан (Lohmann)².

В 1849 г. владельцем Павловска стал великий князь Константин Николаевич (*рис. 1*). Традиционно при смене владельца проводилась официальная проверка всего движимого и недвижимого имущества. Указом императора Николая I от 19 октября 1849 г. предписывалось: «...движимое дворцовое имущество в Павловске должно быть передано по тем описям, по которым оно принято было по кончине блаженной памяти Государыни Императрицы Марии Федоровны»³. При этом выясняется, что описи движимого имущества не сохранились и существуют лишь черновые описи 1841 г.⁴ Проверка коллекций дворцовой библиотеки не была сопряжена с большими проблемами, так как сохранились

---

¹ Раздобурдина Е. П. «Во исполнение словесного приказания Вашего...» Библиотека Павловского дворца при великом князе Михаиле Павловиче (1828–1849) // Кучумовские чтения: сборник докладов научной конференции «Атрибуция, история и судьба предметов из императорских коллекций». СПб., 2015. С. 133–144.

² РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 12108. 1835. Лл. 1–5.

³ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1491. Л. 65.

⁴ Там же. Л. 9.

каталоги с обозначенной на них датировкой «1827», а на некоторых стояла дата «1829». Однако отчета по приемке библиотеки при великом князе Михаиле Павловиче не сохранилось, а возможно, его и не было, и точных данных о том, сколько же книг унаследовал он после смерти матери, мы указать не можем, так при просмотре каталогов выяснилось, что в них сделаны приписки более позднего времени.

Проведение проверки библиотеки при великом князе Константине Николаевиче было поручено новому управляющему Павловском Алексее Николаевичу Свистуну⁵. В результате 9 февраля 1850 г. он представил великому князю «Краткое обозрение библиотеки Павловского Большого дворца», а 9 мая того же года была составлена «Ведомость сочинениям, рукописям и проч. Павловской Библиотеки, не оказавшимся на лицо при произведенной проверке в 1849–1850 гг.»⁶. Согласно представленной ведомости, налицо не оказалось 19 единиц хранения⁷. В частности, рукопись «*Quelques soirées d'Automne de l'Arсенal de Gatchina*» — подношение графа Чернышева императрице Марии Федоровне — по просьбе графа была ему возвращена в 1829 г. в память об императрице⁸, а «*Catalogue de la Bibliothèque de Sa Majesté Imperiale Paul I*» был препровожден в библиотеку Эрмитажа. Два пакета, содержащие бумаги императрицы Елизаветы Алексеевны, были взяты из библиотеки великой княгиней Еленой Павловной и после устного объяснения с великим князем Константином Николаевичем не возвращены в Павловск⁹. Все книги, также как и рукописи, «не достающие» при проверке Дворцовой Библиотеки, великий князь Константин Николаевич предписал «...записать в расход и исключить из каталогов»¹⁰. В представленном 9 февраля 1850 г. на утверждение великому князю Константину Николаевичу кратком обозрении библиотеки Павловского Большого дворца указывалось: «Кроме заключающихся в 24 шкафах 20895 томов при библиотеке Павловского Большого дворца еще имеется:

⁵ Свистун Алексей Николаевич (1808 – 8 апреля 1872) — управляющий Павловском с 6 ноября 1849 г. по 16 февраля 1852 г. Воспитывался в Пажеском корпусе. 31 декабря 1838 г. назначен камер-юнкером двора его величества. Камергер, член совета Министерства иностранных дел. Действительный тайный советник. Был директором Департамента личного состава в Министерстве иностранных дел. См.: Столетие Военного министерства: 1802–1902. Кн. 2. СПб., 1903. С. 555–556.

⁶ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1491. Л. 59; Ф. 493. Оп. 3. Д. 16511. Лл. 6, 9.

⁷ РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 16511. Лл. 9–10.

⁸ РГИА. Ф. 493. Оп. 2. Д. 11400. Лл. 17–18.

⁹ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1491. Л. 103.

¹⁰ РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 14103. Лл. 6–9.

1. В Шкапе под № 25. Рукописи Императорской фамилии. 57 связок.
2. В Шкапе под № 26. Старинных рукописей 62.
3. В Шкапе под № 27. Рукописей новых времен 392.
4. Кабинет нумизматический [нумизматический. — Прим. Е. Р.], содержащий: медалей или монет: золотых 117; серебряных 1680; медных 1356.
5. Кабинет минералогический.
6. Гербарий, состоящий из 671 растений.
7. Коллекции разных антиков, заключающая 180 номеров.
8. Собрание видов, архитектурных чертежей, древних памятников и т. п. В количестве 1354 частей, тетрадей или портфелей.
9. Отдельных гравюр в числе 1294, хранящиеся в 27 портфелях.
10. Платье, в котором блаженной памяти Государь Император Александр Павлович изволил короноваться»¹¹.

Следует отметить, что А. Н. Свистунов указывает общее количество книг, рукописей, чертежей, а также монет и медалей, хранившихся в Дворцовой библиотеке на 1850 г., включив в него и поступления времени великого князя Михаила Павловича (*рис.* 2).

Должность библиотекаря Дворцовой библиотеки продолжал исполнять Леопольд Фрейнд, поступивший на службу в Павловске еще при великом князе Михаиле Павловиче¹². Жалование библиотекарю выплачивалось в размере 550 рублей. Такое жалование получали все библиотекари Павловской дворцовой библиотеки, за исключением лишь самого первого библиотекаря новой дворцовой библиотеки — Бодо фон Катта. Ему императрица Мария Федоровна установила жалованье в размере 1500 руб.¹³

---

¹¹ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1491. Лл. 110–112. По сведениям, предоставленным хранителем фонда тканей Н. М. Вершининой, А. Н. Свистунов допустил ошибку, так как в Дворцовой библиотеке хранилось платье вел. кн. Александра Павловича, в котором он венчался с вел. кнг. Елисаветой Алексеевной. Коронационные платья хранились в Московском Кремле.

¹² Леопольд Фрейнд (1813(?)–1842) — сын пастора, лютеранин по вероисповеданию, обучался в Дерптском университете, но образование не завершил. В 1834 г. он был принят на должность классного надзирателя при Гатчинском Воспитательном доме, а 6 апреля 1838 г. получил чин коллежского секретаря со старшинством. 9 июня 1842 г. Леопольда Фрейнда зачислили на должность библиотекаря в Павловскую библиотеку. См.: РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 13218. Лл. 5–6.

¹³ Бодо фон Катт — отставной подпоручик королевско-прусской службы. 17 сентября 1824 г. был принят на должность библиотекаря Дворцовой библиотеки. В 1827 г. Бодо фон Катт по семейным обстоятельствам неожиданно увольняется, предварительно сдав дела советнику Павловского городского правления Карлу Розенбергу. См.: РГИА. Ф. 493. Оп. 2. Д. 10518. Лл. 1–6.

При новом владельце коллекции дворцовой библиотеки продолжают пополняться. Все так же поступают в собрание сочинения князя Гагарина¹⁴. По-прежнему у издателя и книгопродавца Эггера приобретались выпуски энциклопедического словаря «Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste»¹⁵, а 17 декабря 1862 г. Придворная контора препровождает экземпляр изданной по поручению русского правительства Синайской рукописи¹⁶; поступали в Павловскую библиотеку и другие издания¹⁷. Незначительно, но увеличивается и рукописный фонд библиотеки. К примеру, в Михайловском дворце в библиотеке великой княгини Елены Павловны были обнаружены пять каталогов «библиотеки Блаженной памяти Государыни Императрицы Марии Федоровны», составленные в 1819 и 1820 гг., и возвращены в Павловск 29 мая 1853 г.¹⁸, а 17 июня 1854 г., по повелению великого князя Константина Николаевича, препроводили для хранения «... в Павловской Библиотеке 2 запечатанных пакета, заключающие в себе письма Императрицы Екатерины II и Императрицы Марии Федоровны...»¹⁹, в дополнение к уже хранящимся там аналогичным материалам. К тому же, Павловск по-прежнему остается местом, где владельцы дома хранили материалы частного характера, не предназначенные для ознакомления посторонним лицам. Так, 30 сентября 1857 г. в библиотеку был передан пакет с предписанием «... не распечатывая, хранить оный в Библиотеке здешнего Дворца»²⁰.

*Рис. 1. Великий князь
Константин Николаевич. 1877.
Фотография из книги «Павловск.
Очерк истории и описание
1777–1877». СПб., 1877.
Библиотека ИРЛИ РАН
(Пушкинский Дом).
Инв. № 28. 4/16*

¹⁴ РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 14247. Л. 10.

¹⁵ Там же. Лл. 10–15; РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 14990. Лл. 1–2.

¹⁶ РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 15662. Л. 8.

¹⁷ РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 14387. Лл. 1–7; Д. 14499. Лл. 1–6.

¹⁸ РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 14615. Л. 5.

¹⁹ РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 14695. Лл. 1–2.

²⁰ РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 15662. Л. 5 об.

*Рис. 2. Библиотека Росси. Общий вид до 1914 г.
Архив ГМЗ «Павловск». Илл. 301*

Леопольд Фрейнд, прослуживший в Павловской дворцовой библиотеке 22 года, ушел из жизни 5 августа 1864 г., не оставив никакого состояния, и по просьбе его сестры Екатерины Фрейнд великий князь Константин Николаевич повелел выделить на его погребение сто руб. сер.²¹

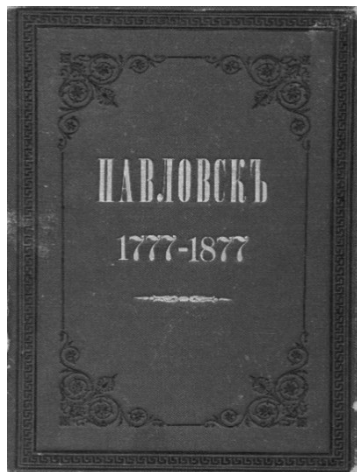
На открывшуюся после смерти библиотекаря Л. Фрейнда вакансию претендовали несколько человек. Среди них был заведующий гидравлической частью в городе Павловске инженер-капитан Боане, однако он «...испрашивал токмо милостивейшее соизволение Вашего Императорского Высочества на сохранение ему при том полного жалования и содержания по настоящей его должности»²². Претендовал на должность и отставной профессор Педагогического института старший советник Блюм, который обратился с «прошением <...> к определению его на вакансию Библиотекаря при Павловской Библиотеке»²³. 6 октября 1864 г. последовал ответ шталмейстера двора великого князя Константина Николаевича В. А. Бибикова: «...при всем желании моем оказать нужное содействие к представлению г. Статскому Советнику Блюму места библиотекаря Дворцовой Библиотеки, я не могу этого сделать за смертию

²¹ РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 13218. 1842. Лл. 7, 20–21.

²² РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 15803. Л. 12.

²³ Там же. Л. 4.

г. Блюма, воспоследовавшей в истекшем месяце...».²⁴ На должность библиотекаря был выбран бывший учитель французского языка в Морском Кадетском Корпусе надворный советник Иулиан Иулианович Курвоазье²⁵. Решение о его назначении было принято в августе 1864 г. Однако летний сезон пребывания великокняжеской семьи в Павловске начинался в середине мая, поэтому 22 августа 1864 г. шталмейстер В. А. Бибиков докладывает великокнязю: «Находя возможным оставить место это вакантным до мая месяца будущего года, я тем не менее имею счастье испросить повеления Вашего Императорского Высочества угодно ли будет Вашему Высочеству приказать поместить г. Курвоазье в должность библиотекаря с наступлением в этом надобности»²⁶. Только 6 мая 1865 г. Курвоазье получил извещение об определении его «с 15 числа наступившего мая библиотекарем Павловской Дворцовой Библиотеки»²⁷. 14 января 1870 г. Курвоазье скоропостижно скончался, вследствие чего советнику Павловского городского правления капитану первого ранг А. С. Есаулову²⁸ и архитектору И. Я. Потолову²⁹ было определено произвести проверку имущества дворцовой библиотеки³⁰. Мы не знаем, была ли проведена Есауловым и Потоловым полная

*Рис. 3. Экземпляр книги
«Павловск. Очерк истории
и описание 1777–1877». СПб.:
Тип. II Отд. Собственной
Его Императорского
Величества Канцелярии, 1877.
ГМЗ «Павловск».
Фонд Редкой книги*

²⁴ Там же. Л. 6.

²⁵ Курвоазье Иулиан Иулианович (1817–1870) — учитель французского языка в Оренбургском Неплюевском военном училище, с 1858 г. в той же должности служил в Морском кадетском корпусе, откуда был «уволен со службы за штатом» 19 ноября 1862 г. по случаю уменьшения числа воспитанников. См.: Там же. Л. 7.

²⁶ Там же. Л. 13.

²⁷ Там же. Л. 14.

²⁸ Есаулов Алексей Семенович. Капитан 1 ранга. Советник Павловского городского правления с 29 февраля 1860 г. См.: РГИА. Ф. 493. Оп. 5. Д. 331. Лл. 14–130.

²⁹ Потолов Иван Яковлевич. (25 сентября 1815 — 13 марта 1887) — главный архитектор Павловского городского правления с 1836 по 1887 г. См.: Три века Санкт-Петербурга. Т. 2. Кн. 5. СПб., 2006. С. 562.

³⁰ РГИА. Ф. 493. Оп. 5. Д. 331. Л. 42.

инвентаризация всех коллекций дворцовой библиотеки. По всей вероятности, изначально проверили те коллекции, которые были невелики по объему. К примеру, была проверена коллекция монет и медалей и подтверждено их полное соответствие описи, составленной в 1850 г. А. А. Свистуновым³¹. Вероятно, проверку книжного фонда отложили до вступления в должность нового библиотекаря. Однако выбор претендента на вакансию несколько затянулся. Частично это может быть связано с оставлением должности управляющего Павловском в 1871 г. Константином Петровичем Ротастом³². 16 декабря 1871 г. на эту должность был назначен Константин Петрович Голенко³³. В связи с отсутствием библиотекаря поступления в библиотеку практически прекратились, а редкие выдачи из библиотеки производились членами Павловского городского правления. Так, 2 июня 1871 г. «Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Константиновичу угодно было взять из Павловской Дворцовой Библиотеки две медали, для снятия рисунков»³⁴. Судя по всему, от библиотекаря не требовалось находиться в библиотеке постоянно, а приходил он туда лишь по мере надобности: чтобы записать новое поступление в инвентарную книгу, поставить его на обозначенное в каталоге место или же выполнить поручение владельцев дома. Косвенным подтверждением тому может служить записка советника К. П. Ротаста библиотекарю Л. Фрейнду от 7 мая 1858 г.: «По случаю пребывания здесь Их Императорских Высочеств Правление по приказанию господина Управляющего г. Павловском Статского Советника Чичерина предписывает Вам находиться ежедневно в Библио-теке по крайней мере от 11 до 2 часов по полудни»³⁵.

После скоростижной смерти Курвоазье Павловское городское правление было заинтересовано как можно скорее найти нового библиотекаря. Но лишь к лету 1872 г. правление определилось с выбором.

---

³¹ РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 16511. Л. 6.

³² Ротаст Константин Петрович (апрель 1819 — 20 января 1902) — управляющий городом Павловском с 1860 г. по 9 ноября 1871 г.

³³ Голенко Константин Петрович (1823 — 27 апреля 1884) — воспитанник Морского кадетского корпуса, участник обороны Севастополя в Крымскую войну 1854–1855 годов. 13 марта 1867 г. произведен в капитаны 1 ранга. 16 декабря 1871 г. назначен управляющим городом Павловском и заведующим мызой Стрельна. 27 апреля 1884 г., сопровождая вел. кн. Константина Николаевича в Крым, в поезде при подъезде к Симферополю Голенко скоростижно скончался от аневризмы аорты. См.: Семевский М. И. Константин Петрович Голенко // Русская старина. 1884. Т. 47. С. 659–666; РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 16361. Л. 29.

³⁴ РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 16386. Л. 1.

³⁵ РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 13218. Л. 13.

На должность был приглашен Людвиг Людвигович Марсель³⁶. Его хорошо знали в Павловске, так как на протяжении пятнадцати лет (с 5 октября 1848 г. по 24 мая 1863 г.) он работал младшим врачом в Мариинском госпитале, а затем Марсель перешел на службу сверхштатным врачом при Императорских Санкт-Петербургских театрах. 2 июля 1872 г. он был «определен в должность Библиотекаря Павловской Дворцовой Библиотеки, с оставлением при прежней должности»³⁷, то есть Л. Л. Марсель продолжал работать врачом при театрах. Вероятно, такое совмещение представляло определенные трудности в работе, но лишь в феврале 1879 г. освободилась должность старшего врача Мариинского госпиталя, и Марсель был определен на вакантное место, одновременно продолжая исполнять обязанности библиотекаря дворцовой библиотеки³⁸.

14 августа 1872 г. библиотекарю Марселю было передано собрание писем высочайших особ к графу Милорадовичу, для внесения в каталог и хранения их в библиотеке «вместе с автографами в Бозе почивающих Императора Павла I и Императрицы Марии Федоровны»³⁹. Данное собрание было передано в Павловское городское правление историком, издателем журнала «Русская старина» М. И. Семевским еще 20 июня 1870 г. в качестве подношения в Павловскую дворцовую библиотеку и более двух лет хранилось в городском правлении, пока не был утвержден новый библиотекарь⁴⁰.

Людвиг Марсель провел полную проверку библиотеки и 15 ноября 1873 г. представил великому князю Константину Николаевичу отчет: «При сделанною мною проверке библиотеки большого Дворца из числа 20895 книг не оказалось на лицо 39 книг и 10 книг, взятых Обер-библиотекарем публичной Библиотеки Минцловым, списки этих книг при делах библиотеки хранятся <...> Марсель»⁴¹. Изучив данные, приведенные в отчете Л. Марселем, мы приходим к выводу, что составитель книги «Павловск. Очерки истории. 1777–1877» М. И. Семевский, использует в своем издании сведения о фондах дворцовой библиотеки на основе проверки 1850 г.

³⁶ Марсель Людвиг Людвигович — действительный статский советник. Почетный гофмедик двора его величества. Старший врач при Павловском Мариинском госпитале. Врач школы для бедных девочек в городе Павловске. В службе с 25 октября 1841 г. В Ведомстве учреждений Императрицы Марии — с 31 января 1879 г. В чине 4-го класса с 21 мая 1874 г. См.: РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 16494. Л. 12.

³⁷ РГИА. Ф. 493. Оп. 5. Д. 333. Л. 1; Там же. Д. 334. Лл. 11 об.–14.

³⁸ РГИА. Ф. 493. Оп. 5. Д. 334. Лл. 21–22.

³⁹ РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 16287. Лл. 1–3.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 16511. С. 4.

27 апреля 1884 г., сопровождая в Крым великого князя Константина Николаевича, скоропостижно скончался К. П. Голенко. И вновь Павловск ждала смена управляющего, а Павловскую библиотеку — очередная проверка фондов.

1 января 1885 г. на должность управляющего был назначен барон А. Э. Рамзай⁴². 19 мая 1886 г. Марсель получает уведомление о новой проверке коллекций Павловской дворцовой библиотеки: «Государь Великий Князь Константин Николаевич пред отъездом своим в Крым поручить мне соизволил проверить имущество Павловской Дворцовой библиотеки. По случаю бывших в Мариинском Госпитале дифтеритных и скарлатинных больных, при которых Вы находились по должности Старшего врача, — я до сего времени не имею возможности исполнить поручение Его Императорского Высочества; в настоящее же время со смертью последнего дифтеритного больного, желая по возможности в непродолжительном времени провести в исполнение поручение Его Высочества, я покорнейше прошу Ваше Превосходительство уведомить меня: когда и в какое время Вы можете заняться совместно со мною проверкой имущества Дворцовой библиотеки»⁴³. Возможно, по состоянию здоровья или по какой-либо другой причине, однако Марсель так и не смог выполнить поручение, а через год он подает прошение об отставке, которое было удовлетворено указом от 10 августа 1887 г.

Должность старшего врача Мариинского госпиталя занял Иван Степанович Дубягский⁴⁴, ему же предложили принять и дворцовую библиотеку. 22 августа 1887 г. барон Рамзай обращается к Дубягскому: «...я покорнейше прошу Вас, не ожидая окончательного утверждения Вас установленным порядком в должности врача Мариинского госпиталя, вступить теперь же в отправление этой обязанности и принять от г. Марселя по описям на законном основании 1. Мариинский Госпиталь

---

⁴² Рамзай Алексей Эдуардович, (15 ноября 1841 — 30 декабря 1895) — барон, происходил из дворян Нюландской губернии (Губерния Ёусимаа, Финляндия). Действительный статский советник. Воспитанник Пажеского корпуса. В 1862 г. назначен на должность адъютанта вел. кн. Константина Николаевича (в 1864 г. утвержден на данную должность). 3 января 1881 г. назначен Сувалковским вице-губернатором. 1 января 1885 г. произведен в действительные статские советники и переведен управляющим городом Павловском. См.: РГИА. Ф. 493. Оп. 5. Д. 74. Лл. 1–216; РГИА. Ф. 493. Оп. 8. Д. 376.

⁴³ РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 17507. Лл. 9–11.

⁴⁴ Дубягский Иван Степанович (1847–1906) — младший врач Гвардейской конно-артиллерийской бригады, надворный советник. С 10 августа 1887 г. по 5 января 1906 г. в должности врача Мариинского госпиталя. См.: РГИА. Ф. 493. Оп. 5. Д. 91. Л. 1.

со всем принадлежавшим к оному имуществом... и 2. Принять по каталогам имущество Павловской Дворцовой библиотеки в присутствии Генерал-Майора Киреева⁴⁵ и о последующем меня уведомить»⁴⁶. К сожалению, письменный отчет о принятии И. С. Дубягским дворцовой библиотеки нами не обнаружен, но на титульных листах некоторых каталогов библиотеки сохранились карандашные пометки «Проверка 1887».

Доброжелательное отношение великого князя к Л. Л. Марселю сохранилось и после его увольнения из Павловска. Вплоть до самой смерти Марселя ему продолжали выдавать причитающиеся библиотекарю денежные выплаты в размере 550 руб., несмотря на то что обязанности библиотекаря все это время выполнял его преемник — И. С. Дубягский. 12 ноября 1905 г. управляющий Павловском Василий Ильич Антонов⁴⁷ в рапорте доносит великому князю Константину Константиновичу: «При назначении врача Дубягского на должность врача Павловского Придворного Мариинского госпиталя с поручением ему заведывания Дворцовой библиотекою, относительно содержания по последнему поручению, в докладе ныне в Бозе почивающему Великому Князю Константину Николаевичу, одобренном Его Императорским Высочеством, было сказано: “За заведывание Дворцовой Библиотекою жалование в 550 рублей ему не выдавать, пока им пользоваться будет в виде пожизненной пенсии, г. Марсель”. Г[осподин] Марсель умер 29 октября сего года. По сему случаю испрашиваю соизволение Вашего Императорского Высочества на производство врачу Дубягскому жалования по заведыванию Дворцовой Библиотекою в размере 550 рублей в год, начиная выдачу ежемесячно с 1 ноября сего года»⁴⁸. По иронии судьбы, жалование библиотекаря И. С. Дубягский получал всего лишь 2 месяца, так как 5 января 1906 г. он умер. Годовой оклад библиотекаря был выплачен в виде пособия сыну Дубягского Николаю, учившемуся в Училище правоведения, дополнительно к назначенной ему пенсии в размере 200 руб. в год⁴⁹.

По весьма приблизительным подсчетам при великом князе Константине Николаевиче в Павловскую библиотеку поступило более ста книг и рукописей, подчас довольно редких. Так, 7 марта 1875 г. в библиотеку препроводили уникальное издание «Арифметики» Леонтия

⁴⁵ Киреев Александр Алексеевич (1833–1910) — генерал-лейтенант, публицист, адъютант вел. кн. Константина Николаевича (1862–1877), состоящий при его дворе (1877–1892) и дворе его вдовы вел. кнг. Александры Иосифовны (с 1892).

⁴⁶ РГИА. Ф. 493. Оп. 5. Д. 91. Л. 6.

⁴⁷ Антонов Василий Ильич — действительный статский советник. В 1895–1906 гг. — управляющий Павловском. Похоронен на Павловском кладбище.

⁴⁸ РГИА. Ф. 493. Оп. 5. Д. 91. Л. 141.

⁴⁹ Там же. Лл. 143, 160.

Магницкого 1703 г. В каталог ее внесли «с отметкою, что последних листов в этой книге не имеется»⁵⁰. Особо ценным приобретением Павловской дворцовой библиотеки являлись материалы, касающиеся жизни и деятельности первых владельцев Павловска. 21 июня 1875 г. Павловское городское правление передает «для хранения в Павловской Дворцовой Библиотеке и внесения в каталог, девяти собственноручных повелений Великого Князя Павла Петровича, 1795 г. командиру батальона в селе Павловском — Майору Федору Эртелю, — с копиями с этих повелений»⁵¹. В 1878 г. Канцелярия Павловского городского правления препровождает в дворцовую библиотеку 22 рисунка художника-декоратора Гонзаги, приобретенные у наследников за 500 руб.⁵² 4 ноября 1879 г. в Павловскую библиотеку поступил альбом «Хивинский поход», изданный по поручению «опального» великого князя Николая Константиновича⁵³.

Крайне редко отдельным просителям разрешалось поработать в дворцовой библиотеке, но обязательно под надзором библиотекаря. 10 декабря 1876 г. к работе в библиотеке был допущен поручик лейб-гвардии Егерского полка Поляков «для собрания материалов, относящихся до Лейб-Гвადии Егерского полка, по случаю сделанного ему поручения составить историю сего полка, с тем, чтоб библиотекарь означенной библиотеки имел надзор»⁵⁴, а с 3 июля 1886 г. — преподаватель Кронштадтского реального училища коллежский советник Николай Баженов, имевший намерение написать «сочинение об императрице Марии Федоровне»⁵⁵. В 1888 г. в библиотеке занимался преподаватель истории С.-Петербургской Рождественской женской гимназии коллежский асессор Евгений Севастьянович Шумигорский, также собиравший материалы для написания биографии императрицы Марии Федоровны⁵⁶, а в октябре 1904 г. «Его Императорское Высочество изволил разрешить Действительному Статскому Советнику Шумигорскому пользоваться материалами в Библиотеке Павловского Дворца <...> для подробного составления истории Императора Павла I»⁵⁷. Труд Н. Баженова так и не вышел в свет, в то время как издания Е. С. Шумигорского хорошо известны исследователям⁵⁸.

⁵⁰ РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 16716. Л. 1.

⁵¹ Там же. Л. 2.

⁵² РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 16895. Лл. 6, 7, 24.

⁵³ РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 17031. Л. 4.

⁵⁴ РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 16861. Лл. 1–2.

⁵⁵ РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 17507. Лл. 2–3.

⁵⁶ Там же. Лл. 12–20.

⁵⁷ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1473. Л. 257.

⁵⁸ Шумигорский Е. С. Императрица Мария Федоровна. (1759–1828). Ее биография. Т. 1. СПб., 1892; Он же. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб.: Тип. В. Д. Смирнова, 1907.

В 1870-е гг. знакомство с материалами дворцовой библиотеки начинает М. И. Семевский — историк, издатель журнала «Русская старина», досконально изучивший архивы Павловского городского правления и рукописный фонд дворцовой библиотеки Павловска. С позволения великого князя Константина Николаевича Семевский опубликовал сначала в своем журнале, а затем и отдельными изданиями ряд рукописей, хранившихся в собрании дворцовой библиотеки. 4 февраля 1875 г. в каталоги Павловской библиотеки были внесены Л. Марселем два экземпляра книги «Исторические материалы библиотеки Дворца г. Павловска»⁵⁹. 30 августа 1876 г. Павловское городское правление препроводило печатный экземпляр записок Манштейна 1727–1744⁶⁰, заново переведенных М. И. Семевским и изначально также напечатанных в журнале «Русская старина»⁶¹. 29 июня 1877 г. вышла книга М. И. Семевского «Павловск. Очерки истории и описание. 1777–1877», приуроченная к столетию Павловска⁶². В библиотеку Павловска сразу же выделяется 1 экземпляр книги (*рис. 3*), несколько позже в каталоги приписывается еще 10 экземпляров. Приложение к книге, включавшее собственноручные заметки к книге императора Александра II⁶³, изданное в 1879 г., поступило в дворцовую библиотеку 30 января 1880 г.⁶⁴

Совсем немного сведений сохранилось в архивных материалах о поступлении в Павловскую дворцовую библиотеку в 1880-х гг. 14 августа 1880 г. было куплено «для библиотеки Павловского дворца три книги у г. Гатфельдта за двадцать рублей серебром...»⁶⁵. 8 октября 1891 г. в библиотеку приобретает «Очерк Сувалковского Успенского Собора», изданного по случаю 50-летнего юбилея⁶⁶. В 1886 г. сюда поступает печатный экземпляр высочайше утвержденного церемониала о святом крещении его высочества князя императорской крови Иоанна Константиновича⁶⁷. С 1889 г. в библиотеку начали регулярно поступать камер-фурьерские журналы⁶⁸.

⁵⁹ РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 16622. Лл. 14, 15.

⁶⁰ РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 16818. Л. 4.

⁶¹ Записки Манштейна о России. 1727–1744. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1875.

⁶² Павловск. Очерки истории и описание: 1777–1877. Составлено по поручению Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Константина Николаевича / сост. М. И. Семевский. СПб.: Тип. II отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1877.

⁶³ Собственноручные заметки Его Императорского Величества Государя Императора к книге «Очерк истории и описание Павловска: 1777–1877 гг». СПб.: Тип. II отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1877.

⁶⁴ РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 17072. Л. 1.

⁶⁵ РГИА. Там же. Л. 4.

⁶⁶ РГИА. Ф. 493. О. 5. Д. 74. Л. 98.

⁶⁷ РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 17507. Л. 1.

⁶⁸ РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 17629. Лл. 3–6.

В заключение необходимо отметить, что великий князь Константин Николаевич был владельцем Павловска на протяжении 43 лет. За это время сменилось несколько управляющих городом, а И. С. Дубягский стал пятым по счету библиотекарем. Долгие поиски достойного претендента на вакансию, неоднократные проверки, конечно же, не способствовали активному пополнению библиотеки, тем более что она уже была в значительной степени укомплектована. И все же библиотека понемногу росла. Великий князь Константин Николаевич, как и его предшественник великий князь Михаил Павлович, стремился внести свой вклад в формирование коллекций Павловска. Последующие владельцы Павловска, по мере возможностей, сохраняли эту традицию.

«Русская больница в память великой княгини Александры Георгиевны» в Пирее

В последнее десятилетие написано немало статей и даже книг о замечательной ветви Романовых — «Константиновичах» и их большой филантропической деятельности. Огромный вклад в дело благотворительности внесла великая княжна, королева эллинов Ольга Константиновна. Причем все ее деяния были направлены одновременно на благо Греции и России. Одним из таких примеров является создание Русского военно-морского госпиталя в Пирее на рубеже XIX–XX вв.

Греческая королева Ольга всегда уделяла большое внимание больным и часто посещала греческий военный госпиталь в Пирее «Занион». Там же лечились моряки с русских военно-морских судов, часто заходивших в греческий порт Пирей. Королеву беспокоило, что у них, особенно у русских матросов, постоянно возникали трудности из-за незнания языка, и они «чувствовали себя заброшенными». Поэтому не случайно у королевы возникло решение построить свой госпиталь с русскими врачами и медсестрами, но где могли бы также лечиться малоимущие греки Пирея.

Ольга писала родному брату великому князю Константину Константиновичу: «Эта мысль мне очень улыбается, и я <...> поручила сестре (сестре милосердия Ксении. — прим. *О.С.*) поискать в окрестностях госпиталя, нет ли подходящего места для этого помещения. Сиж¹ страшно сочувственно отозвался на мое желание построить здесь русский морской госпиталь в память Аликс² и обещает помочь мне — он даже составил уже какие-то проекты для этого! Я намерена написать о. Иоанну³ и попросить помолиться за успех этого дела»⁴. В марте 1894 г.

---

¹ Сергей Александрович, вел. кн. (1857–1905) — Сиж, пятый сын Александра II, московский генерал-губернатор, супруг вел. кнг. Елизаветы Федоровны. Погиб от бомбы революционера.

² Аликс — старшая дочь греческой королевы Ольги и короля Георга I, вел. кнг. Александра Георгиевна, принцесса греческая, жена вел. кн. Павла Александровича, которая в 1891 г. в возрасте 21 года скончалась в России от вторых родов.

³ Иоанн Кронштадтский (Иван Ильич Сергиев) (1829–1908) — священник Русской православной церкви, митрофорный протоиерей; настоятель Андреевского собора в Кронштадте; проповедник, духовный писатель, церковно-общественный и социальный деятель.

⁴ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 222. № 12. Афины 7 (19) марта 1894 г.

она получила благословение отца Иоанна Кронштадтского⁵ на ее «предприятие» и немедленно приступила к делу.

Несмотря на сопротивление мэра Пирея выделить участок под эту постройку (поскольку лечение русских моряков приносило хороший доход городу), вскоре на берегу моря в заливе Зея, недалеко от существующего Пирейского госпиталя, нашелся великолепный дом с пристройками и небольшим садом, который продавала греческая семья Мелитополи за 120 тыс. драхм (по курсу валюты 1894 г. составляло 24 тыс. руб.). Королева попросила своего секретаря Н. Н. Философова показать это помещение русским корабельным докторам, чтобы удостовериться в его пригодности для нового госпиталя. Деньги на русский госпиталь были получены в феврале 1895 г. от императорской семьи Романовых (молодого императора Николая II, великого князя Сергея Александровича), от генерала Е. В. Богдановича, купца С. А. Протопопова из Москвы и других⁶. Большая же часть средств представляла собой доход от таможенных сборов от торговли греческой коринкой в России, которые, в виде знака особого благоволения к Греции и к королеве, было решено переводить целиком на ее благотворительные нужды. Министр финансов России С. Ю. Витте принял в этом непосредственное участие: письменно изложил государю вопрос о коринке и добился положительного решения. «Теперь, по крайней мере, можно быть спокойной, что эта сумма не попадет в бездонные пропасти греческих финансов, — писала Ольга брату. — Теперь я буду употреблять их на то, что мне кажется необходимым для народа»⁷. «Именно 30 тыс. мне нужны для покупки дома под госпиталь!!! После этого можно было бы ... открыть подписку для образования капитала и войти в сношения с морским ведомством об обозначении известного числа кроватей!!! <...> Скажи об этом Ники, если это только возможно!!! Он обещал мне помочь, когда услышал о моей мечте. Я его не просила, он сам вызвался самым ласковым образом! И покойный дорогой наш Царь обещал помочь! <...> хорошо иметь здесь русский госпиталь с сестрами, которые ходили бы за моряками и за больными греками и имя которых благословлялось бы бедными! Французы своей благотворительностью через разных сестер в большой мере поддерживают свой престиж на Востоке!»⁸

Всего по распоряжению императора Николая II греческой королеве предоставлялось по 50 тыс. руб. в год для нужд благотворительности в Греции. Первые деньги, полученные из России, она решила потратить следующим образом: 100 тыс. драхм — на церковь Святого

---

⁵ Там же. № 16. Афины. 23 марта (4 апреля) 1894 г.

⁶ Там же.

⁷ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 229. № 27. Татой. 11 (23) июня 1899 г.

⁸ Там же. Д. 223. № 21. Афины. 28 марта (9 апреля) 1895 г.

Константина, 200 тыс. — на женскую тюрьму, 50 тыс. — на Русский госпиталь, 30 тыс. — на полы в госпитале, 30 тыс. — на солдатские ванны и т. д. На содержание Русского военно-морского госпиталя тратились также большие суммы из личных средств королевы.

Горячее участие в осуществлении мечты королевы о новом госпитале принимала ее подруга Ольга Николаевна Каткова⁹ (леди Эджерстон), которая была увлечена в это время просветительскими идеями С. А. Рачинского¹⁰ и советовала, не дожидаясь постройки госпиталя, тотчас же открыть чайную, библиотеку и читальню «для матросиков, чтоб отвлекать их от разврата и пьянства». Эта идея так понравилась Ольге Константиновне, что она поручила сестре милосердия Ксении также поискать подходящее для них помещение¹¹.

В устройстве чайной для матросов королеве очень помогал ее секретарь Н. Н. Философов и его дочь Ольга. Философов уговорил хозяина кофейни, находившейся рядом с больницей, уступить ее королеве, после чего она была переделана в чайную. В январе 1901 г. Ольга Константиновна развешивала там по стенам географические карты, картины и множество лубочных картинок, в том числе из священной истории. «Когда мы кончим, можно будет освятить, да открыть ее для матросиков; боюсь, однако, что они не слишком будут навещать ее, быть может когда поспеет баня, то она составит great attraction (очень привлекательной. — Прим. О. С.)»¹². Библиотека содержала книги по русской истории, русской литературе и по сельскому хозяйству, присланные для матросов из России. Позже мать греческой королевы великая княгиня Александра Иосифовна пожертвовала госпиталю «волшебный фонарь» с целой серией картин по истории России, включая русско-японскую войну¹³. В этом клубе-чайной позже устраивались лекции, чтения, беседы. Их охотно посещали как пациенты госпиталя, так и матросы с русских военных кораблей, стоявших в Пирейской гавани¹⁴.

⁹ Ольга Николаевна Эджерстон-Каткова — жена английского посланника в Афинах сэра Эдвина Эджерстона, вдова второго секретаря российской миссии в Афинах Каткова, сына известного московского публициста-славянофила. Причем, как вспоминал дипломат Ю. Я. Соловьев, «...если к Эджерстону благоволил Георг I, то леди Эджерстон пользовалась полным доверием королевы». См.: Соловьев Ю. Я. Воспоминания дипломата. М., 1959. С. 122.

¹⁰ Сергей Александрович Рачинский (1833–1902) — российский учёный, педагог, просветитель, профессор Московского университета, ботаник и математик. Член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. Был популярен как педагог-энтузиаст, деятель в области народного образования, сторонник народной трезвости.

¹¹ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 222. № 12. Афины. 7 (19) марта 1894 г.

¹² Там же. Д. 231. № 3. Афины. 15 (28) января 1901 г.

¹³ РГА ВМФ. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1586. Л. 8 об.

¹⁴ Там же; ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 222. № 21. Афины. 26 октября (8 ноября) и 27 октября (9 ноября) 1901 г.

Постройка самого госпиталя затянулась на несколько лет, ведь стоила она дорого. Иногда на нее жертвовали экипажи русских судов. Так, в марте 1900 г. королеве передали пакет с деньгами от ее подшефного судна, крейсера «Память Азова», который покидал Пирей. Офицеры и команда собрали на госпиталь 700 с лишним драхм¹⁵. Ольга вечером того же дня поехала на корабль прощаться и произнесла благодарственную речь: «Ребята, командир мне передал ваше пожертвование на строящийся морской госпиталь, благодарю вас от всей души. Надеюсь, что больных не будет, а если и будут, то они будут очень скоро поправляться!»¹⁶

Королева Ольга не ограничилась постройкой госпиталя и чайной с библиотекой. Она задумала напротив чайной организовать еще русскую баню. Она писала брату Константину: «Вчера я ездила в строящийся дом — госпиталь в Пирее; со мной были: Угрюмов¹⁷, старший офицер канонерской лодки «Кубанец» и его жена; матросики там будут строить баню. Будет один восторг; надеюсь, что и чайная приобретет больше притягательной силы, если против нее будет настоящая русская баня. Какое чудесное чувство видеть, как постепенно осуществляются наши самые заветные мечтания: и госпитали, и тюрьмы, и церкви и т. д., и все это благодаря своему Царю!»¹⁸.

По мере окончания строительства русского госпиталя на Ольгу Константиновну все более яростно стали ополчаться греческие газеты, которые писали, что она только о русских и думает. «*M-am Theochary* и *Messala* (ее фрейлины. — Прим. О. С.) возмущены, — писала королева брату, — конечно, оно несправедливо, потому я за греков из кожи лезу, а русских здесь очень мало, а о тех, которые есть, некому заботиться кроме меня. Много лет тому назад одна газета вздумала писать тоже самое, тогда последовал блестящий ответ, который заставил их замолчать. Между прочим, в нем говорилось: “Чтобы греки сказали, если бы Аликс их забыла и, если б она не заботилась о больных греках, если б такие ей попались!!”»¹⁹

Королева Ольга позаботилась о том, чтобы в новом госпитале работали профессиональные врачи и сестры милосердия из России. Сестра милосердия Ципринская-Цикаво была знакома королеве еще с греко-турецкой войны 1897 г. (она привезла ее с собой с Кавказа). Старшая сестра в госпитале Дубинина и «премиленькая сестра»

---

¹⁵ Там же. Д. 230. № 11. Афины. 13 (26) марта 1900 г.

¹⁶ Там же. № 11. Афины. 13 (26) марта 1900 г.

¹⁷ Угрюмов Алексей Петрович (1859–1937) — русский вице-адмирал, участник русско-японской войны, в 1920 г. эмигрировал во Францию; его жена Вера Васильевна стала близкой подругой королевы.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 230. № 29. Афины. 5 (18) декабря 1900 г.

¹⁹ Там же. Д. 226. № 4. Афины. 11 (23) января 1897 г.

Кузьмина — обе были из «Евгеньевской общины Красного Креста»²⁰ и прибыли в Афины в ноябре 1901 г. Ольга сокрушалась, что «нельзя еще принимать больных, а в городском госпитале 22 матроса»²¹.

В январе 1902 г. Ольга Константиновна писала: «Мы еще не открываем больницу, потому что есть еще некоторые работы, но когда явятся больные матросики (например, если зайдут в Пирей суда, возвращающиеся из Тихого океана), то мы будем в состоянии их принять; те 5 “ангелов”, которые еще находятся в городской больнице, там останутся, пока не вылетятся, а мы уж будем принимать вновь поступающих»²². Весь 1902 г. шли приготовления к открытию госпиталя. На мраморной табличке при входе было написано «Русский госпиталь в память великой княгини Александры Георгиевны в Пирее под опекунством королевы эллинов Ольги Константиновны» (рис. 1).

Рис. 1. Вход в госпиталь

В саду у входа в госпиталь позже появилась чугунная копия статуи Иисуса Христа, выполненная гениальным датским скульптором Торвальдсенем. «Я в восторге от статуи Спасителя при входе в нашу милую больницу, и теперь надпись тоже уже на месте. Я тебе покажу фотографии в моем альбоме», — сообщала королева радостную новость брату²³. Ольга снимала группы больных, матросов и солдат возле этой статуи²⁴.

В конце 1902 г. в русском госпитале появились больные матросы с миноносца «Властный» — около десяти человек, а 18 (31) декабря Ольга написала, что «в данную минуту больница полна больных и даже места нет для всех желающих поступить; все наши матросики да один лейтенант Ульянов, сильно страдающий ревматизмами, симпатичный

²⁰ Община во имя св. Евгении была образована при Санкт-Петербургском комитете попечения о сестрах милосердия Красного Креста. Сестры милосердия участвовали также в военных действиях в русско-японскую войну 1904–1905 гг., Балканских войнах 1912–1913 гг. и Первой мировой войне.

²¹ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 232. № 1. Афины. 6 (19) января 1902 г.

²² Там же. № 35. Афины. 18 (31) декабря 1902 г.

²³ Там же. Оп. 2. Д. 237. № 13. Афины. 17 (30) марта 1908 г.

²⁴ Там же. № 9. Афины. 19 февраля (3 марта) 1908 г.

*Рис. 2. П. И. Крахмалев
в больничной церкви*

малый»²⁵. В последнем письме за 1902 г. Ольга сообщала: «Вот уж месяц с лишком, что у нас более 40 человек в больнице». 7-го января Ольга Константиновна в офицерской столовой при госпитале крестила Федора, сына лейтенанта Ф. А. Вяткина, командира миноносца № 120, который был женат на Наталье Владимировне, сестре лейтенанта А. В. Плотго. Королева считала, что «Вяткины — простые, сердечные люди»²⁶.

Датой основания русского госпиталя Ольга считала 1902 год, а 19 февраля 1903 г. в 4 часа дня состо-

ялось его освящение в присутствии короля и королевы эллинов и многих других гостей.

Летом 1903 г. на русские деньги (семьи Романовых, моряков и отчислений Ольге от налога за коринку) была построена крохотная церковь Св. Ольги (ее чаще называли часовней), которая могла вместить не более 40 человек, и небольшая звонница. Вскоре была учреждена должность священника при Русской больнице в Пирее²⁷. Около 10 лет им был известный священник и духовник Ольги Константиновны П. И. Крахмалёв²⁸ (рис. 2). В апреле 1903 г. она сообщала, что «милые морячки здешнего отряда собрали между собою деньги для иконостаса в нашу маленькую больничную часовню; я так тронута этим вниманием, что просто сказать не могу! И что за радость будет иметь церковь при больнице. Ах, эта больница — я ее так люблю и, вместе с тем, она причиняет мне столько хлопот!»²⁹

Через русский морской госпиталь пройдет впоследствии множество моряков, среди которых будут и герои русско-японской войны. Благодарные больные моряки были большим утешением для королевы; среди них были и те, с кем Ольга Константиновна общалась всю последующую жизнь.

²⁵ Там же. Д. 232. № 37. Афины. 30 декабря (12 января) 1902 г.

²⁶ Там же. Д. 233. № 3. Афины. 20 января (2 февраля) 1903 г.

²⁷ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2898. Л. 1.

²⁸ Крахмалёв Павел Иаковлевич (1874–1949) — священник Черноморского флота, кандидат богословия, протоиерей, настоятель церкви Св. Ольги в русском морском госпитале в Пирее, затем благочинный русских церквей в Греции.

²⁹ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 233. № 15. Афины. 15 (28) апреля 1903 г.

Освящение госпитальной церкви, которая была построена в основном на деньги эскадры, состоялось на Масленицу 3 февраля 1904 г. «Она миленькая, но ужасно маленькая, — писала Ольга, — освящал ее здешний русский архимандрит с греческим священником, получившим образование в нашей духовной академии, и с двумя дьяконами, Юрьевым, стариком, и новым; присутствовали офицеры морской лодки “Кубанец” и русское посольство, жены, доктора, мэр города и городской думы. Погода была чудесная. Торжество было скромное, крестный ход совершили вокруг церкви, спустившись во дворик соседнего дома, пройдя по панели под церковью, вдоль наших владений и поднявшись через главные ворота в наш двор и обратно в церковь; присутствовало около 60-ти человек команды — матросики несли хоругви, икону, святую воду. Потом сняли общую, очень удавшуюся, группу»³⁰. В церкви Ольга хранила георгиевские кресты и медали умерших матросов.

В 1904 г. на работу в госпиталь был приглашен еще один врач — Иосиф Николаевич Свечников³¹, которого королева знала ранее, так как он нес службу врача канонерской лодки «Гиляк», заходившей в Пирей. И. Н. Свечников произвел на всех в госпитале хорошее впечатление (рис. 3). С ним прибыла еще одна сестра милосердия — А. П. Смирнова. «Новый доктор, Свечников, очень мне нравится — надеюсь, что я в нем не разочаруюсь, покуда там полный мир и согласие, по крайней мере, до меня ничего не доходит; доктор на днях мне говорил, что он не нахвалится всем личным составом; у нас 29 больных»³². Королева назначила его главным врачом госпиталя и не пожалела. «Из больницы я уезжаю теперь со спокойным приятным чувством, у всех лица довольные,

Рис. 3. Иосиф и Светлана Свечниковы

³⁰ Там же. Д. 245. № 6. Афины. 9 (22) Февраля 1904 г.

³¹ Свечников Иосиф Николаевич (1872–1953) — на службе во флоте с 1896 г., доктор медицины, статский советник, почетный лейб-медик двора его императорского величества с 1913 г. Королева вначале писала Свешников.

³² ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 245. № 12. Афины. 22 марта (4 апреля) 1904 г.

чувствуется рука начальника — вместе с тем, учтивость и доброта, которыми достигается несравненно больше, чем грубой строгостью»³³.

В январе 1905 г. королева впервые привезла в больницу свою невестку, жену принца Николая, великую княжну Елену Владимировну³⁴ и показала ей «всю больницу во всех ее подробностях». Ольга Константиновна с удовлетворением писала брату, что это «отдельный русский уголок, заслуживший доверие и уважение населения; масса народу ходит в амбулаторию: приходят из отдаленных деревень советоваться с доктором И. Свечниковым; еще года нет, что он здесь, а через его руки прошло 17 тыс. бедного местного населения; ведь это весьма отрадно!»³⁵.

В мае 1909 г. старший врач больницы в Пирее коллежский советник Свечников отчитывался о своей работе в русском госпитале перед Главным медицинским инспектором Российского флота. В рапорте он описал место расположения госпиталя, составил детальный план его территории со всеми зданиями, которые обрисовал в подробностях, а также функционирование амбулатории, привел перечень персонала больницы, перечислил, какими болезнями болели в то время, и многое другое.

Русский госпиталь располагался в замечательном месте — на самом берегу бухты Мунихия, что впадала в Саронический залив. Из окон палат, с обширных открытых террас и многочисленных балкончиков главного корпуса открывались прекрасные виды на море, где вдали виднелись острова Флевы и Эгины, а на противоположном берегу пролива — «Старый Фалир». Воздух в этом месте Пирея был самый чистый, поскольку пароходы здесь никогда не останавливались и не дымили, как в самой Пирейской гавани. Летом жара не чувствовалась так сильно, как в других частях города. «Улица, на которую выходит больница, — писал доктор Свечников, — всегда чистая, движение небольшое. Эта часть Пирея выгодно отличается от торговой части своей чистотой и красотой»³⁶. Госпиталь занимал достаточно большую территорию (по греческим меркам): 4396 м по главному фасаду,

³³ Там же. № 13. Афины. 1 (14) апреля 1904 г.

³⁴ Елена Владимировна, вел. кнж. (1882–1957) — супруга греческого принца Николая. Елена была единственной дочерью вел. кн. Владимира Александровича и вел. кнг. Марии Павловны, урожденной герцогини Мекленбург-Шверинской. По отцу приходилась внучкой императору Александру II, племянницей Александру III и двоюродной сестрой Николаю II. В 1936 г. после долгих скитаний супруги вернулись в Грецию. Через два года принц Николай умер от сердечного приступа. По мнению современников, их брак был счастливым. Во время Второй мировой войны Елена Владимировна осталась в Греции. Она сделала очень много для русской эмиграции в Греции, занималась Русским домом престарелых в Афинах, заслужив добрую память и уважение. Похоронена в Татое.

³⁵ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 234. № 1. Афины. 4 (17) января 1905 г.

³⁶ РГА ВМФ. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1586. Лл. 3–5.

ширина составляла 124 м. Главный корпус был площадью в 400 кв. м. Кроме него имелся двухэтажный флигель в 129 кв. м, двухэтажный дом в 210 кв. м, небольшая церковь, под которой находилась покойницкая; были на территории также аптека, баня, чайная, лаборатория и очень просторная амбулатория. Имелись также небольшие постройки — прачечная, дезинфекционная, сарай для дров, угля, водокачка, цейхгауз и др.³⁷

Главное здание госпиталя выходило на ул. Муцопуло, граничащую с морем. В него вела широкая мраморная лестница прямо с улицы. На участке — цветочные клумбы, кустарник и немногочисленные деревья. На первом этаже главного корпуса находились палаты — Ольгинская, Георгиевская, Константиновская, Пантелеймоновская, а также офицерская столовая. На другом конце располагались столовая и палаты: Николаевская, Александровская, Мариинская, а также находились перевязочная и операционная³⁸.

В главном корпусе второй и третий этажи были отведены под палаты для больных, четвертый этаж находился в распоряжении сестер милосердия. В нижнем этаже располагались кухня, аптека, лаборатория, амбулатория и кладовые. По правую руку от вестибюля находились палаты для нижних чинов по 18 и 36 кв. м. По левую — столовая, операционная (15 кв. м), перевязочная (19,7 кв. м), ванная и ватерклозет. Все палаты и перевязочная не имели углов, были закругленными, а стены были выкрашены в зеленый цвет; пол везде был паркетный. Света в корпусах было очень много; двери всех палат выходили на балконы. Освещение в госпитале было электрическим (но могло быть и газовым)³⁹. Почти в каждой палате был камин, а в вестибюле — русская печь. В перевязочной — вытяжные трубы в стенах. В госпитале имелись также очень большая офицерская библиотека и читальня для нижних чинов. Больные венерическими заболеваниями лежали на нижнем этаже флигеля, где было четыре палаты на 11 человек, ванная и ватерклозет. Отдельное помещение имелось для заразных больных, и еще одно — на случай оспы⁴⁰. На втором этаже флигеля жил младший врач больницы, а также пожилая сестра милосердия, вышедшая на пенсию, ранее работавшая в греческом городском Занийском госпитале и награжденная еще в 1894 г. королевой Ольгой золотой медалью «За усердие» — Н. М. Сорото⁴¹. Там же располагалась канцелярия госпиталя. В отдельном здании проживал старший врач, в нижнем этаже — аптекарь с семьей и несколько служащих.

³⁷ Там же. Л. 6.

³⁸ Там же. Лл. 3–4.

³⁹ Там же. Л. 6 об.

⁴⁰ Там же. Л. 7.

⁴¹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 4533. Л. 1.

Рис. 4. Врачи, санитары и больные

Весь штат больницы состоял в 1909 г. из старшего врача доктора медицины И. Свечникова, ординатора доктора Д. Каподистрии, внештатного доктора Э. Вриониса, четырех сестер милосердия (А. Ф. Кондратьевой — старшей сестры, М. П. Ивановой — завхоза, С. И. Макаревской и А. П. Смирновой — младших медсестер). Заведующим аптекой служил грек Дмитрий Кирьякидис, было также четыре (потом два) санитаря, которые присылались морским ведомством из Николаевского морского госпиталя в Кронштадте⁴², и семь человек младшего персонала⁴³. Э. Врионис окончил Афинский университет в 1894 г. и пришел на должность младшего врача в госпиталь в 1905 г. Д. Кирьякидис окончил гимназию в Триполи и затем семь лет работал в различных аптеках, а с 1902 г. стал заведующим аптекой в русском госпитале⁴⁴ (рис. 4).

Кроме стационарных больных новый госпиталь обслуживал и местное население. В нижнем этаже амбулатории было четыре комнаты: перевязочная, приемная, зубной кабинет и комната для ожиданий. В амбулатории принимали три дня в неделю — вторник, четверг и пятница, но фактически прием велся ежедневно. За посещение взималась плата в 30 лепт (10 коп.), но Ольга Константиновна дала право старшему врачу оказывать медицинскую помощь и бесплатно для малоимущих. За эту плату больной получал прописанное ему врачом лекарство в аптеке при

⁴² РГА ВМФ. Ф. 408. Оп. 1. Д. 973. Лл. 1–3. Крайние даты дела: 12.02.–01.03.1902.

⁴³ Там же. Л. 8–8 об.

⁴⁴ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 3811. Л. 2.

госпитале. Госпиталь пользовался большим доверием населения: так в 1904 г. было принято 17 425 человек, в 1905 г. — 24 320. В 1906 г. врачи приняли 30 192 человека и было отпущено лекарств по 20 883 рецептам, в 1907 г. — 28929 посещений и 22 160 рецептов, 1908 г. — 27 785 посещений и 19 510 рецептов⁴⁵. В перевязочной в амбулатории делались небольшие операции и можно было заказать протезы для «увечных воинов» — русских и греков. Наиболее тяжелые больные помещались в больницу и находились там до полного выздоровления, а туберкулезных больных, которых тогда было невероятно много, идущих на поправку, отправляли в специальные санатории⁴⁶. Лекарств в то время не хватало, а такие, как сыворотка от оспы или столбняка, выдавались с особого разрешения королевы.

С 1902 по 1909 г. в больнице находилось 1113 стационарных больных (с 1905 г. по 1909 г. — 756 больных). Среди болезней, как писал доктор Свечников в рапорте, выделялись следующие: туберкулёз лёгких, брюшной тиф, ревматизм, дизентерия, сифилис, малокровие, бронхит и малярия. Было также много больных крупозным воспалением лёгких, плевритом, паратифом, инфлуэнцией, глистами, эхинококками печени, желтухой, желчными камнями, столбняком, грыжей, заворотом кишок, аппендицитом, неврастенией и др. Делались многочисленные операции, на которых иногда присутствовала королева. Вообще, как писал Свечников, Ольга Константиновна «живо входила во все дела больницы, посещала ее не реже 1 раза в неделю, иногда и чаще, а если были тяжелые больные — два раза в день». Каждого больного королева знала в лицо и чем он болен. Она ежедневно осведомлялась о состоянии больных; каждый день по телефону старший врач сообщал ей информацию, иногда и дважды в день⁴⁷.

В письмах к брату Константину королева Ольга рассказывала обо всех печальных и радостных событиях, происходивших в русском госпитале. Так, ее особенно огорчили события, связанные с ее любимцами, — офицерами А. Н. Заевым (с канонерской лодки «Хивинец») и мичманом князем К. П. Ливеном, которые в разное время лечились в госпитале. Как-то вечером доктор Свечников застал А. Н. Заева, распивающим шампанское с дамами и их друзьями-офицерами с «Кубанца» и сделал им замечание. Позже, когда «Хивинец» вновь пришел в Пирей, к доктору Свечникову явились два офицера — секунданта от лейтенанта Заева. Одним из них оказался князь Ливен, который сам проходил длительное, больше года, лечение в госпитале после ранений в русско-японскую войну, «окруженный постоянным вниманием Свечникова», как писала королева. С ее точки зрения это было ужасно некрасиво.

⁴⁵ РГА ВМФ. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1586. Л. 8.

⁴⁶ Karolou I. N. *Ολγα, η Βασίλισσα των Ελλήνων*. Αθήνα, 1934. Σ. С. 94.

⁴⁷ Там же. Л. 9–9 об.

«Впрочем, — писала она, — быть может, с дуэлями существуют правила, перед которыми бледнеют благодарность, здравый смысл и все другое. Доктор сейчас отправился к князю Голицыну и полковнику Артамонову (военный агент), прося их быть его секундантами. В ужасе (доктор мне сообщил это по телефону) я написала Голицыну, чтоб он меня научил, не могу ли я быть чем-нибудь полезна; он ответил, что он и Артамонов приложат все старания и что он надеется, что дело до дуэли не дойдет, благодаря миролюбивым намерениям доктора; он готов извиниться, т.к. ни за что драться не будет; он мне потом говорил (доктор) что не будь у него жена да старуха мать, которым он нужен, то он непременно принял бы вызов. Отец Леонтий сидел вчера у Свечниковых, когда явились секунданты, и все слышал; когда доктор поехал к Голицыну и Артамонову, то батюшка поехал на “Хивинец” <...> Не понимаю, что с ними, со всеми приключилось!!!!!!»⁴⁸

Были в госпитале и весьма приятные моменты. «3-го декабря, в среду, у нас происходило умиленное торжество возложения крестов на милых сестриц Смирнову и Макаревскую, — писала королева брату. — В больнице собрались наши морячки и вся русская колония, служил отец Леонтий с дьяконом, а пели — матросики; за обедней сестры приобщались, а потом был молебен; поставили два аналоя и на одном лежали кресты; пели «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко»; батюшка сказал слово о значении креста и так хорошо, так просто и умиленно, что я плакала, несмотря на усилия удержать слезы. Почаще бы священники так говорили! <...> После слова он возложил на сестер крест, прочел им положенную молитву (чудесную) и их клятвенное обещание. Все было так хорошо и торжественно! После службы еще говорили и здоровались на дворе, а потом поднялись к сестрам, на самый верх, где из середины комнаты видны одно лишь небо и море; в сестринской столовой был накрыт большой стол, у которого все общество уселось пить чай; было весело и непринужденно, все болтали и стоял гул в комнате; доктор Свечников сказал несколько теплых слов сестрам и благодарил их тоже от меня, так как я не в состоянии говорить речей; а на “тэму” деятельности к ним, можно было бы сказать очень много. Гости разъехались, а я еще осталась и обошла больных»⁴⁹.

В начале 1909 г. в больнице неожиданно скончался от менингита командир канонерской лодки «Хивинец» капитан 2 ранга П. П. Дурново,

---

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 237. № 3 Афины. 8 (21) января 1908 г.

⁴⁹ Там же. № 23. Афины. 8 (21) декабря 1908 г.

и Ольге предстояло принять его вдову Софью Петровну Дурново в Афинах. «На другой день в 2 часа его перевезли в русскую церковь; в больнице, под соснами (так как покойницкая слишком мала) была лития — стояли его хивинские матросики с ружьями и французы с критского французского “стационара”, потом присоединился большой отряд греческих матросов. Елена и я стояли в воротах, когда гроб был установлен в церкви; мы поехали туда, и Вилли хотел ехать, но сильная головная боль помешала. С тех пор он стоит в церкви — каждый день я езжу на панихиду; он бальзамирован и гроб открыт; хотели гроб запаять, отпев покойника на другой же день; я его отстояла, и он лежит, отлично сохраняющийся, а она, бедная, мне телеграфировала, прося, что если только возможно, чтоб не закрывали гроб без нее — “хотела бы проститься”! Слава Богу, что это удалось <...> Еду на панихиду и потом в русскую больницу, где Пономарев⁵⁰ все еще лежит в тифе»⁵¹. К Пономареву приехала жена, которая находилась с ним в больнице до его полного выздоровления⁵². В начале апреля королева сообщала брату: «Командир “Адмирала Макарова” Пономарев, слава Богу, хорошо поправляется; он уже ходит; через неделю он собирается ехать в Россию; как он был болен! Больница скоро опять будет пустовать; зато она в этом году уже 4-ый месяц усиленно работает»⁵³.

Как и ранее большую помощь королеве оказывала Ольга Филоsofova, которая поселилась у сестер в русском госпитале, а также лейтенант М. Ю. Гаршин, служивший в это время русским секретарем королевы эллинов⁵⁴. «Мой махонький (лейтенант Гаршин. — прим. О.С.) <...> взялся за чайную, показывает матросам туманные картины, объясняет их и читает им; два раза это было очень удачно, и матросики были очень довольны; надеюсь, что это дело пойдет на лад — махонький — настоящий молодец! <...> Он работающий, умный, благоразумный и милый; конечно, у меня никогда не было секретаря более по душе. <...> Я написала командирам и “Олега”, и “Хивинца”, прося их присылать матросов в чайную для приятного препровождения времени и, предлагая вообще офицерам читать матросам, если они желают иметь более просторное помещение и несколько иную обстановку, чем судовую; они охотно

⁵⁰ Владимир Фёдорович Пономарёв (2-й) (1860–1927) — русский морской офицер, генерал-лейтенант флота, участник Цусимского сражения, спасательной операции в Мессине. Командир крейсера 1 ранга «Адмирал Макаров».

⁵¹ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 238. № 5. Афины. 26 января (8 февраля) 1909 г.

⁵² Там же. № 8. Афины. 16 февраля (1 марта) 1909 г.

⁵³ Там же. № 15. Афины. 6 (19) апреля 1909 г.

⁵⁴ Там же. № 18. Афины. 27 апреля (10 мая) 1909 г.

согласились. Поставить хорошенько чайную всегда было моей мечтой»⁵⁵.

В эти годы русский госпиталь постоянно принимал больных с русских военно-морских судов. Так, в строевом рапорте командира канонерской лодки «Кубанец» читаем: «15 сентября вошли в Пирей. Постоянно направляли и принимали больных матросов в русский госпиталь. 26 сентября из Севастополя прибыли Черноморского флотского экипажа санитары срока службы 1910 г. Александр Якименко и Дмитрий Чепурной, назначенные на службу в русский госпиталь памяти великой княгини Александры Георгиевны для замены санитаров срока службы 1907 г. Бориса Савченко и Мефодия Кулинченко, уходящих в запас»⁵⁶.

В 1912 г., после начала Первой балканской войны, по просьбе Ольги Константиновны, русский госпиталь был передан в ведение Российского императорского флота⁵⁷. В РГА ВМФ имеется дело «О зачислении церкви Св. Ольги при русской больнице в Пирее в число церкви Морского ведомства и о предоставлении священнику этой церкви прав на пенсию из государственного казначейства»⁵⁸. Накануне передачи госпиталя 5 июля 1912 г. российский император Николай II, по ходатайству греческой королевы, наградил младшего врача больницы Эммануила Вриониса и заведующего аптекой Дмитрия Кирыкидиса русскими орденами. Орден Св. Анны 3-й ст. получил младший врач, орден Св. Станислава 3-й ст. — заведующий аптекой. Так королева отблагодарила их за честную многолетнюю службу. Указ об их награждении подписали император Николай II и морской министр адмирал Григорович⁵⁹. В период Балканских войн 1912–1913 гг. и Первой мировой войны в госпитале получили бесплатную медицинскую помощь более 1,5 тыс. греческих солдат. В рапорте старшего врача русского госпиталя в Пирее И. Свечникова в морское ведомство России говорится о поступлениях в больницу раненных греков с 4 января по 11 декабря 1913 г.⁶⁰ В военно-морском архиве в Санкт-Петербурге сохранилось дело о предоставлении Ольгой Константиновной в конце 1913 г. пяти бесплатных мест воспитанникам Морского кадетского корпуса из России «для поправки здоровья в хорошем климате»⁶¹. При этом доктор

⁵⁵ Там же. № 39. Татой. 12 (25) ноября 1909 г.

⁵⁶ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 4110. Л. 352 об.

⁵⁷ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 1475. Лл. 1–2. Дело называется «О завещании греческой королевой больницы в Пирее Морскому ведомству». Крайние даты: 22.09 – 27.09.1911 г.

⁵⁸ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 3. Т. 7. Д. 972. Крайние даты: 30.03.1912 г. – 28.03.1913 г.

⁵⁹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 3811. Лл. 1, 3, 4.

⁶⁰ РГА ВМФ. Ф. 408. Оп. 1. Д. 2212. Лл. 1–107.

⁶¹ Там же. Д. 2340. Лл. 1–2.

Свечников отправил великому князю Константину Константиновичу, который в это время был президентом императорской Академии наук, «Записку о приморском климате Пирея», подготовленную с помощью Афинской обсерватории, за что получил благодарность от морского министра Григоровича⁶². Последний раз Ольга Константиновна посетила свою больницу в 1913 г., уже будучи вдовствующей королевой (после убийства Георга I в Салониках). В 1925 г., т. е. за год до смерти, Ольга Константиновна узнала, что ее любимый морской госпиталь, полностью построенный на русские деньги, национализировало греческое правительство. Но и сегодня с кораблей, заходящих в Саронический залив, можно видеть красивое белое здание бывшей Русской больницы, построенной королевой Ольгой в память своей старшей дочери, великой княгини Александры Георгиевны.

---

⁶² Там же. Лл. 14–16.

**Великий князь Константин Константинович
в царствование Николая II:
опыт политического взаимодействия**

Начало царствования Николая II открывало перспективы для появления новых государственных деятелей. К таковым можно отнести и великого князя Константина Константиновича, который в 1894 г. занимал пост президента Императорской академии наук и командовал Преображенским полком, но был далек, однако, от дел политики. Великий князь был также известен как августейший поэт К. Р. К этому времени он был сложившимся 36-летним отцом семейства, известным общественным деятелем с широким кругом знакомств в творческих и научных кругах. Политическим опытом Константин Константинович не обладал и не желал участвовать в политике, в отличие от ряда его родственников. Сергей, Владимир и Алексей Александровичи, Николай Николаевич Младший и Александр Михайлович пытались укрепить свое положение при монархе и влиять на его решения. Однако современники нередко выделяли и великого князя Константина Константиновича, который тоже мог бы оказывать воздействие на молодого императора в деле государственного управления.

Александр III старался держать своих родственников в стороне от дел государственной важности. По словам Александра Михайловича, император «находил бесцельной тратой времени бесконечные разговоры со своими братьями, дядями и двоюродными братьями»¹. Более-менее значимые посты при нем получили только дядя Михаил Николаевич, став председателем Государственного совета, и родные братья. Владимир Александрович в 1884 г. занял пост главнокомандующего войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа. Он же был назначен регентом наследника до его совершеннолетия в случае кончины императора. Алексей Александрович в 1881 г. получил пост Главного начальника флота и Морского ведомства. Сергей Александрович с 1891 г. занимал должность московского генерал-губернатора. Младший брат, Павел Александрович, сделал наименее успешную карьеру и был с 1893 г. лишь командующим Конным полком.

---

¹ Александр Михайлович, великий князь. Книга воспоминаний. М., 2008. С. 76.

Между Николаем II и К. Р. сложились близкие доверительные отношения. Незадолго до вступления на престол цесаревич Николай Александрович перешел под командование великого князя в Преображенский полк. Любовь к солдату и всему русскому, по словам К. Р., сблизили двух августейших родственников. Никакой выгоды для себя на будущее Константин Константинович не искал, а воцарение Ники казалось реальным лишь в отдаленной перспективе. Поэтому вскоре после кончины Александра III 22 октября 1894 г. великий князь записал: «Как трудно назвать его государем; мы так привыкли этим словом величать усопшего»². В дни траура Константин Константинович с сочувствием замечал, что молодой император «тяготится своим величием» и «его скромность страдает от необходимости быть всегда и везде первым»³.

Неопытность молодого монарха дала возможность его дядям надеяться на особое при нем положение. Своими советами они старались оказывать влияние на Николая II. Это отчетливо проявилось в дни коронационных торжеств и разделило членов династии на сторонников участия в политической жизни через воздействие на взгляды императора и противников этого.

28 апреля 1896 г. Константин Константинович вместе с двумя батальонами Преображенского полка под звуки марша из оперы «Жизнь за царя» вступил в Москву: «В самом воздухе чувствуется ожидание наступающих великих дней. Наша семья вся почти без исключений съезжается сюда; со всех сторон света прибывают иностранные принцы»⁴. Сама коронация произвела на Константина Константиновича потрясающее мистическое впечатление, хотя в дневнике он отметил, что, находясь в Успенском соборе, практически ничего не видел и не слышал. По окончании церемонии семья поздравляла императора и императрицу: «Государь поцеловал меня, я чуть не заплакал и сказал ему: "Христос с тобою"»⁵.

Ходынская катастрофа 18 мая повлекла за собой не только бурную общественную реакцию, но и конфликт среди членов династии. Родные дяди Николая II на публике приуменьшили масштабы трагедии, уговорив императора продолжать торжества. Не стали они порицать и Сергея Александровича, недавно занявшего еще один пост — командующего войсками Московского военного округа, ответственного в силу своего

² ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 138.

³ Там же. Л. 146 об.

⁴ Там же. Д. 43. Л. 52 об.

⁵ Там же. Л. 61 об.

положения за проведение народного праздника. Константин Константинович, в молодости близко друживший со своим кузеном, не поддержал своих братьев. Однако К. Р. не стал демонстрировать свою позицию публично и предпочел оставаться в стороне.

Через неделю для расследования причин катастрофы Николай II принял решение организовать специальную комиссию во главе с К. И. Паленом, бывшим министром юстиции, членом Государственного совета и верховным маршалом церемонии коронавания. Тогда император придерживался того взгляда, что виновные должны быть наказаны, независимо от их званий и общественного положения. Вскоре после назначения Константин Константинович разговаривал с Николаем II и узнал, что «Сергей очень взволнован и хочет просить об увольнении»⁶. К. Р. считал, что в самой катастрофе сказалась воля Божья, и можно было бы с этим смириться, если бы не возмутительное отношение к ней ответственных лиц⁷. Подобной позиции придерживались вдовствующая императрица Мария Федоровна, великий князь Михаил Николаевич, великие князья Михайловичи, Дмитрий Константинович и Петр Ольденбургский. По их мнению, ситуация усугублялась нерешительностью Николая II, который шел на поводу у своих дядей, открыто выступивших против комиссии Палена, они говорили, «что все их хотят разогнать»⁸. Раздражению Константина Константиновича по этому поводу не было предела: «Это что-то возмутительное: позволить себе в самодержавном государстве объявлять государю какой-то ультиматум, страшать, запугивать!! О! Если б государь был построже и потверже!»⁹ Великий князь попытался вмешаться в ситуацию, посоветовав Николаю II в письме отслужить панихиду по погибшим в девятый день после катастрофы. Отметив, что суется не в свое дело, он оправдал свой поступок тем, что «благо и обаяние» имени императора ему дороже всяких других соображений¹⁰. Записка эта осталась без последствий.

Вопрос о расследовании был шире, чем просто установление виновных. В случае официального признания члена императорской фамилии виновным, тень легла бы и на всю династию. Константин Константинович об этом не думал. Законность была для него превыше всего, тем более, что как раз династия и должна была выступать гарантом этой самой законности. Лишь спустя год он поставил для себя точку в этой

---

⁶ Там же. Л. 69.

⁷ Там же. Л. 69 об.

⁸ Там же. Л. 70 об.

⁹ Там же. Л. 79.

¹⁰ Там же. Л. 71.

истории, записав, что Сергей и Елизавета в годовщину трагедии присутствовали на панихиде и «теперь нечего вспоминать старое»¹¹. Разделение великих князей на два «лагеря», впервые отчетливо проявившееся после Ходынской катастрофы, так и останется до конца царствования Николая II.

Второй конфликт в императорском семействе произошел в середине 1896 г. и был связан с вопросом о строительстве незамерзающего порта в Мурмане или Либаве. Николай II склонялся к первому варианту, его дядя Алексей Александрович, морской министр, и вместе с ним управляющий М. Н. Чихачев настаивали на втором. Дядя даже погрозил отставкой, но в разговоре с К. Р. Ники сказал, что «лучше пожертвовать одним человеком, хотя бы дядей, чем пользой государства»¹². Николай II поручил великому князю Александру Михайловичу, двоюродному дяде и мужу родной сестры, написать записку в поддержку флота в Мурмане. Алексей был в бешенстве, что породило «целую семейную драму»¹³. Под давлением Алексея Александровича Николай II решил назначить Александра Михайловича на 2 года во Владивосток. «Это равносильно ссылке»¹⁴, — записал Константин Константинович. Александр Михайлович попросил Николая II об увольнении со службы и об отчислении к свите с оставлением мундира Гвардейского экипажа. «Итак, — заключил Константин Константинович в дневнике 17 июля 1896 г. — с одной стороны, государь соглашается с взглядами Сандро, а с другой, допускает морское начальство гнать автора записки. Это что-то крайне удивительное и прискорбное»¹⁵. Алексей требовал разжаловать двоюродного брата в полковники, и Николай II едва сдерживался, чтобы не пойти у дяди на поводу. Приняла участие в этой истории и мать К. Р. Александра Иосифовна, которая «была в Александрии и увещевала Ники быть тверже и не слушаться дядей, когда у него есть свое мнение»¹⁶. Не оставался в долгу и Александр Михайлович, распространяя активно слухи о частном доме Алексея Александровича в Париже и его непристойном там поведении. «Алексей слывет ленивым, праздным и очень самонадеянным, несмотря на недостаточность познаний»¹⁷, — записал Константин Константинович после разговора с Сандро. В результате всех этих историй Константин

---

¹¹ Там же. Д. 44. Л. 52.

¹² Там же. Лл. 149 об.–150.

¹³ Там же. Д. 43. Л. 95 об.

¹⁴ Там же. Л. 93 об.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 97.

¹⁷ Там же. Д. 44. Л. 148–148 об.

Константинович записал в дневнике: «Вот, до чего мы дожили: семейство тяготится быть вместе»¹⁸.

Семейные распри никак не могли способствовать тому, чтобы К. Р. изменил свое мнение о возможности своего участия в государственных делах. Как заметил великий князь Николай Михайлович, президент Академии наук в первый же год царствования Николая II мог бы оказывать на него значительное влияние, но не пользовался этим. «Он заблуждается, — записал великий князь в дневнике после разговора с братом 1 марта 1895 г. — Влияния нет, а если б и было, я не считал бы себя вправе им не только злоупотреблять, но и пользоваться, пока меня не спрашивают»¹⁹. Тем не менее, некоторые политические деятели пытались войти в доверие к великому князю, чтобы с его помощью укрепить свое положение в глазах монарха и при дворе.

В 1895 г. Константин Константинович при содействии С. Ю. Витте, готовившего финансовую реформу, был назначен членом Комитета финансов. Назначение это поддержал и великий князь Михаил Николаевич. К. Р. был изумлен таким поворотом событий, тем более что он не знал не только о том, что его отец был когда-то председателем этого учреждения, но и вообще о его существовании. «Финансы, как и математика, наводят на меня тоску и внушают отвращение»²⁰. Витте удалось убедить Константина Константиновича принять назначение. Он рассказал, что инициатором был председатель комитета Дмитрий Мартынович Сольский. Докладывал Николаю II сам Витте. Государь сразу согласился, заявив, что Константин Константинович самый подходящий из всех великих князей. Больше всего в сложившейся ситуации великого князя смущало, что, не имея достаточных знаний, он не может «по совести» заседать на собраниях и голосовать в пользу того или другого вопроса. У него не возникло и мысли, что членство в Комитете финансов давало шанс завести связи и начать политическую карьеру. Он рассматривал эту должность лишь с точки зрения того, какую пользу он может принести народу. Поэтому он не считал себя обязанным принимать сторону Витте: «Что, если мы в Комитете финансов, околдованные умным и ловким Витте, потворствуем реформе, которой правительство обманывает народ?»²¹

Участие Константина Константиновича, одобренное Николаем II, в подготовке и обсуждении денежной реформы, подтверждало тот факт,

---

¹⁸ Там же. Д. 43. Л. 96.

¹⁹ Там же. Л. 33 об.

²⁰ Там же. Д. 42. Л. 35.

²¹ Там же. Лл. 29 об.–30.

что великий князь имел доверие императора. К. Р. тщательно вникал во все проекты, однако едва ли влиял на подготовку реформы. Так, во время прений он «даже набросал перечень соображений, на которые имел готовые возражения, но воздержался и промолчал»²². Вероятно, это и требовалось для опытного политика Витте, которому присутствие члена династии в Комитете было нужно лишь для придания большего авторитета этому учреждению.

Несмотря на то, что Константин Константинович не пользовался связями, полученными им в Комитете финансов, новое назначение поспособствовало его дальнейшему росту как государственного деятеля, но уже в более близкой ему сфере — образовании. Первое время после неожиданного назначения Константин Константинович не скрывал своего разочарования и во время заседания Историко-филологического отделения академии поделился сомнениями с Н. Х. Бунге. На это председатель Комитета министров предложил ему принять участие в учреждении особого комитета грамотности и распространения полезных знаний. На тот момент существовало два крупнейших комитета грамотности — Московский при Императорском московском обществе сельского хозяйства и Санкт-Петербургский при Вольном экономическом обществе. Их цель состояла в содействии развитию начального народного образования, но практическая деятельность была гораздо шире — открытие по всей империи школ, специальных курсов, библиотек, издание учебной литературы, энциклопедий и т. п. Константин Константинович «с восторгом согласился», и Бунге пообещал доложить об этом Николаю II²³. Ответ императора не заставил себя ждать: «Думаю поручить руководство вел[ико]му князю Константину Константиновичу»²⁴. На этот раз назначение сильно обрадовало великого князя, и он записал, что этому делу «готов отдаться всей душой»²⁵.

Константин Константинович начал активно работать над проектом нового общества. Накануне заседания в Комитете министров, где должен был обсуждаться проект, К. Р. съездил к Николаю II, чтобы получить одобрение и сочувствие. «Я получил и то и другое»²⁶, — записал великий князь в дневнике. Для Константина Константиновича это было делом колоссальной важности, что нельзя сказать об императоре.

---

²² Там же. Лл. 48 об.–49.

²³ Там же. Д. 42. Л. 42.

²⁴ Там же. Л. 42 об.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 59 об.

В его дневнике было сказано лишь о том, что «к чаю приехал Костя»²⁷. Из этого можно заключить, что монарх не придавал чрезмерно большого значения ни образованию нового общества, ни деятельности в этой связи Константина Константиновича. Однако этого же нельзя сказать об обер-прокуроре Св. Синода К. П. Победоносцеве, автора идеи создания церковно-приходских школ. Он «из-за угла», по словам К. Р., влиял на Николая II, чтобы отсрочить обсуждение проекта в Комитете министров. Затем Константину Константиновичу стали противодействовать в самом Комитете: «Чтобы угодить министрам, надо по возможности ограничить состав Общества, а для надлежащего развития его деятельности следовало бы этот состав расширить. И я думаю, что мой проект будет бессмыслен»²⁸. В результате инициатива великого князя сошла на нет. Во многом это произошло из-за того, что К. Р. не знал внутреннюю политическую кухню и не желал принимать участие в министерских интригах. Родственные связи с императором не дали результата.

В ноябре 1896 г. ходили настойчивые слухи о том, что Константин Константинович будет назначен министром народного просвещения, будто этого желал сам министр народного просвещения И. Д. Делянов и его товарищ Н. М. Аничков. По-видимому, не последнюю роль в этой истории сыграл Победоносцев: «<...> Но есть и противники: Победоносцев хватается за голову и вопит о гибели России, а попечит[ель] Харьковск[ого] учебн[ого] округа (Н. П. Вельяминов-Воронцов. — Прим. К. С.) интригует против меня. А я рад: да минует меня эта чаша»²⁹. Спустя год, в конце 1897 г., Делянов умер. Вновь встал вопрос о том, кто его заменит. Константин Константинович не без оснований думал, что новое назначение коснется именно его. Однако великого князя успокаивали два факта: во-первых, Николай II знал, что он однажды, в бытность Александра III, уже отказывался от этой должности, во-вторых, он был уверен, что «найдутся люди, которые будут царя отговаривать», т. к. у многих он слыл «красным»³⁰.

Ожидания карьерного роста Константина Константиновича, как это можно видеть, были широко распространены в обществе, а нежелание великого князя принимать активное участие в политике удивляло. Так, графиня Воронцова-Дашкова, жена министра Двора, «укоряла» Константина Константиновича, что он до сих пор командует полком и не занимает более серьезной должности: «„Comment avec votre intelligence

²⁷ Дневники императора Николая II (1894–1918) / Отв. ред. С. В. Мироненко. М., 2011. С. 198.

²⁸ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 42. Л. 143.

²⁹ Там же. Д. 43. Л. 146.

³⁰ Там же. Д. 44. Л. 150 об.

ne vous occuper que du front“ (Как с Вашими способностями Вы занимаетесь только военной службой? — фр.). Довольно трудно ответить на такие речи»³¹. С одной стороны, К. Р. не хотел брать на себя ответственность и становиться министром, с другой, сожалел о том, что император так и не предложил ему эту должность. Сожаление проявилось во время студенческих беспорядков 1899 г., когда была назначена комиссия по проведению расследования.

Вопрос о назначении расследования оставался нерешенным в течение нескольких дней, что породило слухи о том, кто мог бы его возглавить. Среди кандидатур оказался и великий князь Константин Константинович. В дни беспорядков ему не раз приходилось слышать, что будь он министром народного просвещения, то беспорядков среди студентов не было бы. Константин Константинович с этим мнением не спорил и писал в дневнике: «Но нет, я не попаду в министры; меня в высших сферах считают либералом, мечтателем, фантазером и выставляют таковым перед государем. И он, думается мне, сам приблизительно такого же обо мне мнения. Он не видит во мне того, за что меня выдвигают в общественном мнении, во мнении неправящих классов; у царя, кажется мне, есть против меня некоторое недоверие»³². Против К. Р. был настроен и Сергей Александрович вместе с Елизаветой Федоровной, которая писала императору: «Подумать только, глупые люди воображали, что ты хотел видеть на этом посту Костю — какие только бессмыслицы не распространяются! Он, конечно, чудный, но поэт, а поэт не справится с таким серьезным постом. У него даже в полку нет порядка. Он же мечтатель»³³. 20 февраля главой расследования о студенческих беспорядках был назначен П. С. Ванновский. Константин Константинович воспринял эту новость спокойно и никак не прокомментировал³⁴, но категорически осудил карательные меры против студентов.

Студенческие беспорядки 1899 г. снова разделили императорскую фамилию. К. Р. был не единственным членом императорской фамилии, выступавшим против отчисления и высылки студентов. Мария Федоровна также с самого начала этой истории была на стороне объективного расследования. 19 апреля 1899 г. великий князь записал разговор жены с вдовствующей императрицей: «Она совсем согласна со мною во мнении о бесцельности и вреде возмутительно-карательных мер, принятых

³¹ Там же. Д. 43. Л. 145 об.

³² Там же. Д. 46. Л. 31.

³³ Вел. кн. Елисавета Феодоровна — Николаю II. В кн.: Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.). СПб., 2009. С. 461.

³⁴ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 46. Л. 22 об.

Министерствами просвещения и вн[утренних] дел против и правых и виновных студентов»³⁵. Интересен тот факт, что на словах их поддерживал и Николай II. По мнению Ксении Александровны, монарх занял позицию, будто он не имеет отношения к этому делу, и все решения принимаются без его участия: «Ксения была у Мама и говорила ей, что государь огорчается и возмущается мерами, принимаемыми против студентов так же, как и все, и точно не знает, что все меры могут [быть] им же прекращены»³⁶. За карательные меры выступили дяди императора и, в особенности, Сергей Александрович³⁷.

Вскоре после студенческих беспорядков Константин Константинович попал в историю, которая вновь бросила на него «красную» тень. М. Горький был избран членом Академии наук. Здесь К. Р. разошелся даже с Марией Федоровной, которая при встрече отвела его в сторону и «высказала сетования по поводу избрания М. Горького»³⁸. Николай II потребовал от министра народного просвещения П. С. Ванновского, в чье подчинение входила Академия, отменить результаты выборов. Министр показал К. Р. письмо, полученное от императора: «Петр Семенович, известие о выборе Горького в Академии наук произвело на меня, как на всех благомыслящих русских, прямо удручающее впечатление. <...> Гораздо серьезнее то обстоятельство, что он состоит под следствием. И такого человека, в теперешнее смутное время, Акад[емия] Наук позволяет себе избирать в свою среду. Я глубоко возмущен всем этим и поручаю вам объявить, что по моему повелению выбор Горького отменяется. Надеюсь хоть немного отрезвить этим состояние умов в Академии. Николай»³⁹. Показательно, что император обратился не к дяде напрямую, а к министру. По мнению великого князя, отмена избрания по высочайшему повелению могла бы породить нежелательные слухи. С ним согласился и Ванновский. Поэтому было решено «устранить» решение Академии по закону о состоящих под следствием⁴⁰.

Эта история не повлияла на дальнейший карьерный рост великого князя. Уже в 1900 г. он был назначен на должность главного начальника военно-учебных заведений. Вступлению на эту должность также предшествовал скандал, произошедший в Преображенском полку, — кража

---

³⁵ Там же. Л. 42 об.

³⁶ Там же. Л. 43–43 об.

³⁷ Вел. кн. Сергей Александрович — вел. кн. Павлу Александровичу. В кн.: Великая княгиня Елисавета Феодоровна... С. 451.

³⁸ Там же. Д. 50. Л. 4.

³⁹ Там же. Лл. 7 об.–8.

⁴⁰ Там же. Л. 4 об.

денежного ящика. Причем раздувал эту историю не кто иной, как Владимир Александрович, желавший сместить кузена с поста командира. К. Р. находился в подчинении Владимира Александровича как командующего Санкт-Петербургским военным округом. 17 декабря 1899 г., Константин Константинович узнал от Николая II, что «вскоре после покражи денежного ящика Владимир докладывал ему о необходимости для меня сдать полк, доведенный до значительной расшатанности внутреннего порядка»⁴¹. Монарх заверил, что сам этого взгляда не разделяет.

К критике способностей Константина Константиновича командовать полком присоединился великий князь Павел Александрович. Он говорил Сергею Михайловичу, что Преображенскому полку нужен новый строгий командир. На это К. Р. записал в дневнике 21 декабря 1899 г.: «Между тем, Павел не может иметь о нашем полку ни малейшего понятия, так как с самого назначения командиром Гв[ардейского] корпуса даже в казармах у нас ни разу не был. Он известен своим апломбом и резкими, авторитетными суждениями о вещах, совершенно ему неизвестных»⁴².

По иронии судьбы назначение Константина Константиновича главным начальником военных учебных заведений совпало с постановкой в Императорском театре пьесы «Гамлет». Он был автором перевода и играл главную роль. В связи с этим великий князь хотел даже отложить вступление в новую должность до окончания представлений: «Я боюсь, что мое появление на подмостках сцены, да еще сцены придворной, где меня увидит все общество, и появление немедленно по вступлении в новую и важную должность произведет очень невыгодное впечатление. Скажут, и не без основания, что не успел я взяться за новую обширную деятельность, как уже ломаюсь на театре»⁴³.

Опасения К. Р. были напрасными. А. Н. Куропаткин, под начальство которого поступал великий князь, согласился произвести назначение не ранее Великого поста, то есть после театральных представлений. Но Константину Константиновичу все же пришлось оставить командование полком.

Инициатором назначения К. Р. на пост главного начальника был его дядя, великий князь Михаил Николаевич. Он не имел корыстных интересов и, делая это предложение Николаю II, исходил из личных симпатий. Реакция А. Н. Куропаткина на появление августейшего подчиненного была неоднозначной. Практически сразу же между ними разгорелся конфликт. По предположению управляющего двором

⁴¹ Там же. Л. 143 об.

⁴² Там же. Д. 46. Л. 146–146 об.

⁴³ Там же. Л. 114.

Константина Константиновича, его друга и советника П. Е. Кеппена, министр хотел «поставить в зависимость от себя великого князя, пользующегося расположением общества», приставил к нему своих помощников, через которых можно было бы на него влиять, и был уверен, что К. Р. станет «только по наружность» управлять вверенным ему ведомством⁴⁴. Однако уже через несколько месяцев К. Р. захотел получить независимость и право личного доклада государю. Кроме того, он планировал нововведения в воспитании кадет, которые должны были основываться на принципе доверия.

Высшей стадии конфликт между Константином Константиновичем и Куропаткиным достиг зимой 1901 г. Поводом к нему послужило нарушение дисциплины в Псковском кадетском полку. 2 ноября 1901 г. Константин Константинович записал, что несколько кадет «позволяли себе всевозможные насилия, издевательства, обиды, несправедливости и даже гонения, истязания и Содомский грех»⁴⁵. Тогда о происшествии сообщили военному министру, а главный начальник военно-учебных заведений наложил на виновников наказание. Спустя месяц Куропаткин потребовал заготовить всеподданнейший доклад о печальных происшествиях в Пскове. Военный министр потребовал ужесточить меры и, в частности, исключить с военной службы некоторых кадет: «Против этого я восстал <...> Переводы и исключения по закону принадлежат мне; хотя тоже по закону старший начальник и может усугублять наказания, налагаемые младшим, но это значило бы оскорбить и осмеять меня перед всем ведомством»⁴⁶.

Доклады императору, и личные и совместные с Куропаткиным, шли один за другим. Сторонники К. Р. продолжали убеждать его предпринять против Куропаткина решительные действия и получить независимость. Характерно, что действовать они предлагали через государя или наиболее влиятельных членов императорской фамилии: «Драшковский убеждал меня бороться, стараться приобрести влияние на государя, чаще казаться ему на глаза и напоминать о необходимости для меня большей самостоятельности, подрывать козни Куропаткина, действовать при помощи императриц и тех членов семьи, кто повлиятельнее»⁴⁷. Но использование таких приемов борьбы Константин Константинович считал ниже своего достоинства и не видел в себе способностей пойти на это⁴⁸.

Военный министр, напротив, попытался использовать в борьбе более эффективные на тот момент средства и обратился к Михаилу Николаевичу. Видимо, Куропаткин не знал о существовании в августейшем

---

⁴⁴ Там же. Д. 48. Л. 11.

⁴⁵ Там же. Д. 49. Л. 43–43 об.

⁴⁶ Там же. Л. 118 об.

⁴⁷ Там же. Лл. 129 об.–130.

⁴⁸ Там же.

семействе «групп поддержки» и теплых отношениях между К. Р. и председателем Государственного совета. Тот, в свою очередь, передал их разговор племяннику: «Куропаткин, с непонятной для дяди целью, пространно говорил о наших несогласиях, жаловался, что я постоянно превышаю свою власть и не желаю ему подчиниться. Обвинял меня в искании популярности среди юнкеров и кадет, в том, что я говорю с ними, удаляя начальство, и вношу смуту, распущенность и беспорядки в заведениях»⁴⁹. Главное же обвинение военного министра сводилось к тому, что в Ярославле кадеты «усадили» великого князя «в золоченое, обитое бархатом кресло и торжественно на носилках, как идола, несли на вокзал»⁵⁰.

В борьбе с военным министром Константин Константинович потерпел поражение. 27 марта 1902 г. он отметил в дневнике, что спрашивал в письме у императора, рассматривать ли ему вопрос о переводе «испорченных кадет и о Волынской школе» на общих основаниях во время доклада у Куропаткина или «ожидать каких-либо указаний». На что государь ему ответил: «Милый Костя, по-моему, ты обязан идти обычным путем, т. е. представить военному мин[ист]ру доклад. Я не могу вперед высказаться относительно своего мнения. Главное, чего я не желаю, — это перемен или реформ, даже частных, в воен[но]-учеб[ных] зав[едениях]. Дело, слава Богу, идет в них недурно; а это самое важное. Сердечно твой Ники»⁵¹.

Потерпев неудачу, К. Р. взялся за Женские педагогические курсы и решил преобразовать их в институт. Сначала Константин Константинович обратился к Н. А. Протасову-Бахметьеву, управляющему С. Е. И. В. канцелярией по учреждениям императрицы Марии. Протасов не сочувствовал начинанию великого князя и положил проект «под сукно». От Марии Федоровны К. Р. узнал, что в ведомстве на это преобразование, по словам его управляющего, не было денег. Тогда он испросил разрешение обратиться за финансированием к министрам финансов и просвещения, с которыми у Константина Константиновича установились благосклонные деловые отношения⁵². Министры согласились отпустить деньги на расширение Женских педагогических курсов. Затем он попросил Марию Федоровну позволить ему явиться к Николаю II, чтобы доложить о своем начинании⁵³. Прочитав доклад великого князя, император написал: «Исполнить к началу учебного года»⁵⁴.

⁴⁹ Там же. Д. 49. Л. 138 об.

⁵⁰ Там же. Л. 139.

⁵¹ Там же. Д. 50. Л. 22–22 об.

⁵² Там же. Л. 29 об.

⁵³ Там же. Д. 51. Л. 51 об.

⁵⁴ Там же. Л. 61.

В начале Первой русской революции Константин Константинович снова получил возможность участвовать в государственных преобразованиях. 1 декабря 1904 г. Николай II передал бумагу, в которой велел «пригласить» великого князя в работу Комитета министров на правах его члена для обсуждения вопроса об изменении временных правил о печати и «облегчении» ее «от излишних стеснений»⁵⁵. Константин Константинович с энтузиазмом воспринял эту новость. Он предвидел, что вопрос этот будет передан на рассмотрение специальной комиссии, а сам он будет назначен ее председателем.

Однако события развивались стремительно. После Кровавого воскресения 9 января 1905 г. по Петербургу прокатились забастовки. Вспыхнувший политический протест затронул Академию наук. Ряд академиков и профессоров задумали создать Союз учащихся. Константин Константинович попытался воспрепятствовать созданию Союза и с этой целью пригласил к себе академиков А. Н. Веселовского и А. А. Шахматова. Великий князь убеждал их, что теперь, когда правительство само обратилось за помощью к Академии, не стоит ее компрометировать. Академики пообещали уговорить своих коллег отказаться от подписей в пользу Союза. Вскоре президент Академии получил неожиданное письмо от Шахматова: «Его старания успеха не имели – никто из академиков не согласился вычеркнуть своей подписи»⁵⁶. 23 января Николай II назначил председателем Особого совещания для пересмотра действующих о цензуре и печати постановлений не великого князя, а члена Государственного совета и директора Публичной библиотеки Д. Ф. Кобенко. Новость эта, однако, не расстроила К. Р.: «Я счастлив, что меня миновала сия чаша»⁵⁷.

Утром 4 февраля 1905 г. случилось событие, взбудоражившее всю императорскую фамилию. Сергей Александрович был убит эсером Иваном Каляевым. К. Р. был единственным членом августейшего семейства, приехавшим на похороны Сергея Александровича (не считая Павла Александровича, который был в опале из-за вступления в морганатический брак). Всем остальным было не только запрещено покидать столицу, но и участвовать в панихидах.

Константин Константинович, вернувшись домой, записал: «Точно нет уже власти; сильной руки правительства никто не чувствует, да ее и нет»⁵⁸. Такую характеристику он давал практически всем революционным событиям. Манифест 17 октября 1905 г. он считал не проявлением «свободной воли», а лишь уступкой, вырванной «у этой власти

---

⁵⁵ Там же. Д. 55. Л. 162–162 об.

⁵⁶ Там же. Л. 12.

⁵⁷ Там же. Д. 56. Л. 36 об.

⁵⁸ Там же. Лл. 44 об.–45.

насиленно»⁵⁹. Участия в составлении ни этого судьбоносного, ни других манифестов К. Р. не принимал. В то же время, он получил от влиятельных придворных лиц два предложения объединить великих князей, чтобы воздействовать на решения Николая II.

Первое предложение возглавить группу великих князей, чтобы оградить императора от вредного влияния министров и помочь ему справиться с возникшим политическим кризисом, Константин Константинович получил еще до революционных событий, в июне 1904 г. Второе — в июле 1906 г. Однако от предложений этих К. Р. отказался. Первый отказ он объяснил тем, что не доверяет великому князю Александру Михайловичу, с которым ему предстояло вступить в союз. Кроме того, К. Р. руководствовался и этическими соображениями: «Втираться в доверие государя, насильственно добиваться влияния над ним, хотя бы во имя высших целей — благородно, достойно ли? Цель оправдывает ли средство?»⁶⁰. Второй отказ — бессилием перед революцией и невозможностью повлиять на ситуацию⁶¹. В то же время он записал в дневнике: «Часто слышу, что мы быстрыми и широкими шагами приближаемся к какому-то страшному бедствию, тем более грозному, что оно неведомо. Будет ли это гибель царствующего Дома, междоусобная война, кровопролитие?»⁶²

Несмотря на то, что после октябрьского манифеста 1905 г. К. Р. держался в стороне от политики, он опять получит обвинение в либерализме. На этот раз свое недовольство высказал Николай Николаевич Младший, с 1905 г. командующий Санкт-Петербургским военным округом. В июне 1906 г. в Преображенском полку произошли беспорядки. Накануне отправления в Петергоф для усиления гарнизона на смену Измайловскому полку, в первом батальоне было замечено «брожение». Состоялся судебный процесс, часть виновных приговорили к каторге. Такому жесткому приговору поспособствовал Николай Николаевич Младший. Вскоре информация об этом появилась в прессе. Автором обличительной статьи оказался младший офицер Соловьев, прикомандированный на полгода к Главному управлению военно-учебных заведений. Узнав об этом, Николай Николаевич Младший пришел в ярость. Он заявил, что появление подобной статьи было результатом деятельности Константина Константиновича, от которого исходили «всекие поблажки и либерализм»⁶³.

⁵⁹ Там же. Л. 70.

⁶⁰ Там же. Д. 53. Л. 99 об.—100.

⁶¹ Там же. Д. 57. Л. 44 об.

⁶² Там же. Лл. 51 об.—52.

⁶³ Там же. Л. 114 об.

Несмотря на открытую неприязнь к Константину Константиновичу со стороны политически влиятельных родственников, его едва ли можно обвинить в серьезных ошибках на его поприще. Он чувствовал на себе ответственность за великокняжеское достоинство, а закон и порядок были для него превыше всего. Однако далеко не все члены Династии разделяли его позицию. Казалось бы, революция — это именно то время, когда представители власти в лице императорской фамилии должны демонстрировать сплоченность. Несмотря на то, что положение династии пошатнулось вместе с самодержавием, «Учреждение об императорской фамилии» без изменений вошло в обновленный в 1906 г. Свод законов Российской империи. Но политический кризис не произвел отрезвляющего действия, и некоторые великие князья сами подрывали свое особое положение в глазах общества.

Еще в 1902 г. великий князь Павел Александрович вступил в мorganатический брак с Ольгой Валерьяновной Пистолькорс, которая на тот момент уже состояла в разводе. Сергей Александрович писал по этому поводу Николаю II: «Я уже не говорю об остальном, т. е. не разбираю его поступок как члена импер[аторской] семьи, и о его обязанностях относительно тебя и семейного закона!! Умоляю, будь строг, иначе мы все пропали, иначе неуважение к семейству будет полное»⁶⁴. Дядю Павла Александровича уволили со всех постов, конфисковали имущество и запретили въезд в империю. 29 сентября 1905 г. в дневнике Константин Константинович записал, что Кирилл Владимирович «вопреки запрещению государя» женился в Мюнхене (на самом деле — в Тегернзе. — Прим. К. С.) на своей двоюродной сестре Виктории Мелите, бывшей жене Эрнста Людвиг Гессенского⁶⁵. Вдовствующая императрица Мария Федоровна писала Николаю II по этому поводу: «Больше всего меня сердит то, что они думают только о себе и как будто смеются над всеми принципами и законами, и это в такое серьезное и опасное время, когда у тебя и без того достаточно хлопот и мучений. Нет, в такой момент даже члены семьи прибавляют новые осложнения ко всем твоим неприятностям, мой бедный Ники, и *будут обвинять тебя в вопиющей несправедливости* (курсив Марии Федоровны. — Прим. К. С.) и проч., тогда как они *прекрасно* знали заранее, что произойдет!»⁶⁶ Владимир Александрович, отец новопеченного мужа, после этой истории был отправлен в отставку с поста командующего гвардией и Петербургским военным округом.

⁶⁴ Вел. кн. Сергей Александрович — Николаю II. 5 октября 1902 г. В кн.: Великая княгиня Елисавета Федоровна... С. 611.

⁶⁵ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 55. Л. 27.

⁶⁶ Переписка Николая II и Марии Федоровны // Красный архив. М., 1927: Т. 22. С. 164.

В июле 1906 г. о своем желании вступить в морганатический брак с Н. С. Шереметевской, которая к тому времени уже состояла во втором браке, заявил даже брат Николая II Михаил Александрович. 5 августа 1906 г. вдовствующая императрица писала: «Я стараюсь играть на струнах его патриотизма, чувства долга и т. д., но он все утверждает, что это не имеет ничего общего с данным вопросом»⁶⁷. Эта история не вышла тогда за рамки узкого семейного круга. Свадьба же состоялась в 1912 г.

6 ноября 1906 г. Константин Константинович «с ужасом» узнал от своей жены Елизаветы Маврикиевны, что «Стана Лейхтенбергская разводится с Юрием и выходит замуж за Николашу!!!»⁶⁸ Он прежде всего обратил внимание на то, что брак этот противоречит церковным правилам, так как по первому браку Анастасия Николаевна приходилась двоюродной сестрой своему второму мужу. Тем не менее, в апреле 1907 г. Синод дал разрешение на брак. К. Р. такой поворот событий нисколько не обрадовал. Напротив, он полагал, что последствия этого могут быть не менее вредными для монархии, чем революция: «Чем руководился Синод, давая разрешение? Не принес ли он, также как Николаша со Станой — другом императрицы — больше вреда государю, чем открытые враги?»⁶⁹ Великий князь обвинял Синод, полагая, что своим решением он дискредитирует святость брака, а для династии, оплота нравственности, это тем более недопустимо. Мнение Константина Константиновича разделяла вдовствующая императрица Мария Федоровна.

После первой русской революции изменилось положение великих князей в семействе. Прежде всего, это касалось Николая Николаевича Младшего. Со слов Андрея Владимировича Константин Константинович записал, что «Николаша уже не пользуется над государем влиянием, какое замечалось за последние годы. Будто бы и черногорки — так называют Милицу и Стану — вышли из моды и редко бывают в Царском»⁷⁰. В середине 1908 г. он оставил пост начальника Главного Штаба.

1 ноября 1908 г. от крупозного воспаления легких в Париже умер великий князь Алексей Александрович⁷¹. 4 февраля 1909 г. от астмы

⁶⁷ Там же. С. 194.

⁶⁸ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 57. Л. 117 об.

⁶⁹ Там же. Д. 58. Л. 94.

⁷⁰ Там же. Д. 59. Л. 115.

⁷¹ В тот же день Константин Константинович получил известие о смерти двоюродного брата и записал в дневнике: «В нем, полагаю, была значительная толика лени. Он предпочитал городскую жизнь, а за городом скучал. С природным умом, запасом остроумия и неисчерпаемым юмором, он был добр и никому сознательно не делал зла. На деле добро не было, кажется мне, его главным стремлением. Службу во флоте, а позднее и главное им управление, он нес, как необходимый и

скончался Владимир Александрович. 5 декабря 1909 г. в Каннах умер великий князь Михаил Николаевич. «Не стало последнего из детей Николая I»⁷², — записал в дневнике Константин Константинович.

Профессиональные неудачи Константина Константиновича, невозможность реализовать на практике преобразовательные замыслы привели к тому, что великий князь после революции стал довольствоваться тем, что имел. Как и прежде он преданно служил престолу, но это походило скорее на рутинное исполнение привычных обязанностей, нежели на созидание чего-то нового в общественно-политической жизни империи. Из его карьерных достижений можно выделить лишь пост генерал-инспектора военно-учебных заведений, полученный в конце 1909 г. в результате реорганизации военного министерства⁷³.

Таким образом, в царствование Николая II великий князь Константин Константинович принимал участие в политике, но это участие не оказывало влияние на ход государственной жизни. Семейные связи играли незначительную роль в профессиональном росте августейшего поэта, и он сделал типичную для члена династии карьеру. Опыт его взаимодействия с Николаем II не подтверждает бытовавшее в обществе мнение об особом положении при его дворе великого князя. Отношения с наиболее политически влиятельными братьями показывают, что они скорее ему мешали, чем помогали. Ряд политических деятелей пользовались популярным в обществе великим князем для укрепления своих позиций. К. Р. отдавал себе в этом отчет и в то же время пытался проводить самостоятельную линию. Но у него не хватало для этого политического опыта. Участие после первой русской революции в политике, зачастую скандальной, входило в противоречие с морально-этическими представлениями Константина Константиновича, и он потерял к ней живой интерес.

едва ли любимый долг, не отдаваясь ему с любовью и жаром. Горячности в деле у него не было. Он предпочитал отдых и охотно уезжал за границу, преимущественно в Париж, где в последние годы купил себе дом. Он знал толк в хороших, старинных вещах и приобретал их на большие деньги. В его петербургском доме у него накоплялись прекрасные и дорогие собрания серебра, табакерок, миниатюр, мебели, бронзы и всевозможных редкостей. Он был скорее расточителен, чем бережлив; проживал все, что получал. Не знаю, не думаю, чтобы жизнь его была особенно полезна и оставила глубокий след. Но помнить Алексея с любовью и сожалением будут все, питавшие к нему привязанность, а их много». ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 60. Лл. 85 об.–86.

⁷² Там же. Д. 61. Лл. 133–133 об.

⁷³ Там же. Лл. 132 об.

Н. М. Букитынович
Российский государственный военно-исторический архив

Из жизни кадетских корпусов России в период Русско-японской войны 1904–1905 годов

27 января (9 февраля) 1904 г. главный начальник военно-учебных заведений великий князь Константин Константинович записал в дневнике: «Газеты запоздали <...> Ухватился за “Правительственный вестник”, где напечатана была телеграмма из Порт-Артура: “В ночь на сегодня <...> японские миноноски напали на стоявшие на внешнем порт-артурском рейде суда”. <...> Итак, война вспыхнула. Да будет воля Божия!»¹

В этот же день крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» приняли героический бой с японской эскадрой, состоявшей из 6 крейсеров и 8 миноносцев, под Чемульпо (Корея). 28 января (10 февраля)² был обнародован высочайший манифест о войне с Японией (рис. 1).

В еженедельном иллюстрированном журнале «Летопись войны с Японией», издававшемся в течение всей кампании, читаем о необычайном духовном подъеме, охватившем города и села, земства и различные общества Российской империи: «дворяне, купцы, мещане, рабочий люд, крестьяне, инородцы, населяющие нашу землю, и каторжники на Сахалине» одним словом, «многомиллионная Русь, разделенная на классы и сословия, вся объединилась. В православных храмах, костелах, кирках, синагогах и мечетях неслись горячие молитвы о даровании победы нашему воинству»³. Во всеподданнейшем письме Санкт-Петербургский митрополит Антоний обращается к государю: «Располагай нами и имуществом

*Рис. 1. Высочайший манифест
об объявлении войны Японии*

¹ Цит. по: Чернышова-Мельник Н. К. Р. Баловень судьбы. СПб., 2013. С. 260.

² Далее даты приводятся по юлианскому календарю.

³ Летопись войны с Японией. 1904. № 1. С. 13, 14.

нашим. Нужно будет — церкви и монастыри вынесут драгоценные украшения святых своих на алтарь отечества»⁴.

Множество народа, желающего помогать раненым, осаждало Общество Красного Креста, а добровольцы добивались отправки на фронт через Главный штаб. Патриотическое воодушевление наблюдалось и среди учащейся молодежи, и прежде всего — воспитанников военно-учебных заведений.

Уже через несколько дней после начала военных действий главный начальник военно-учебных заведений великий князь Константин Константинович стал получать телеграммы от директоров кадетских корпусов, где сообщалось, что кадеты, по личному почину, стали делать из своих карманных денег подписку на нужды армии и флота, отказывались от сладких блюд за обедом, от танцевальных вечеров и развлечений, с тем, чтобы сэкономленные средства передавать в Красный Крест. Директор Киевского Владимирского кадетского корпуса генерал-майор М. Г. Попруженко 29 января 1904 г. телеграфировал великому князю: «Доношу Вашему Императорскому Высочеству, что кадеты просят разрешение открыть между ними подписку в пользу Красного Креста. Подъем верноподданнических и патриотических чувств необыкновенный поразительный и часто трогательный в своей детской наивности. Дети выражают готовность отказаться от булок и сладкого блюда, рвутся на войну. В настоящую торжественную минуту от имени всего корпуса осмеливаюсь выразить чувства беспредельной готовности на все жертвы преданности престолу и отечеству»⁵.

11 февраля 1904 г. директор Ярославского кадетского корпуса также сообщал Константину Константиновичу, что вероломное нападение японцев на корабли Тихоокеанской эскадры в Порт-Артуре произвело в корпусе «потрясающее впечатление и необычайный подъем чувств любви и преданности Царю и Родине и сердечное сочувствие доблестным воинам, отстаивающим честь и славу России на ее далекой окраине»⁶; все служащие корпуса и кадеты, собравшись в корпусном храме, отслужили молебен о даровании победы «христолюбивому воинству»; 31 января был отслужен второй молебен «с прочтением Высочайшего манифеста об объявлении Японии войны»; по личному почину кадеты из своих карманных денег сделали подписку на нужды армии и флота, а служащие корпуса пожелали отчислять на военные нужды 2% из своего ежемесячного содержания⁷.

---

⁴ Там же.

⁵ РГВИА. Ф. 725. Оп. 42. Д. 13. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 4.

⁷ Там же. Л. 4 об.

Генерал-майор Н. И. Сергиевич, директор Вольской военной школы, 10 февраля 1904 г. докладывал главному начальнику военно-учебных заведений, что воспитанники школы выразили желание перед классными и ротными образами «на свой счет иметь неугасимые лампы во все время военных действий», собрали 19 руб. 35 коп. и, кроме того, на время войны попросили не устраивать им каких бы то ни было развлечений, связанных с денежными расходами⁸.

Несмотря на то, что Константин Константинович был глубоко тронут патриотическим порывом детей, он, однако, приказал из педагогических соображений не допускать между воспитанниками денежных подписок, а для сбора пожертвований в ротках, эскадронах и сотнях завести особые кружки⁹. 21 февраля 1904 г. помощник главного начальника генерал-майор К. Н. Анчутин сообщил об этом во все военно-учебные заведения. Директорам же Владимирского Киевского и Петровского Полтавского кадетских корпусов, где воспитанники отказывались от сладких блюд, главный начальник военно-учебных заведений дал ответ: «разрешаю небольшое упрощение в пище по усмотрению директора для желающих. Но на время не более двух недель с промежутками»¹⁰.

7 февраля генерал-адъютант А. Н. Куропаткин был назначен командующим Маньчжурской армией. В этот же день великий князь Константин Константинович направил письмо бывшему военному министру, с которым у него в ходе службы сложились отношения взаимопонимания. Главного начальника военно-учебных заведений, как и его подопечных кадет, волновали вопросы оказания помощи воинам на Дальнем Востоке: «Очень хочется, многоуважаемый Алексей Николаевич, обратиться к Вам с двумя вопросами и одной просьбой, но, делая это, вместе с тем прошу извинения, так как, конечно, дела у Вас немало и письмо мое довольно несвоевременно. Жена, озабочиваясь помощью раненым и больным воинам, со всех сторон слышит, что надо позаботиться не только о них, но и о здоровых, которые, отправляемые на театр войны, не обеспечены теплыми вещами. Мы думаем, что толки эти преувеличены, и полагаем, что строевое начальство, несомненно, старается обути и одеть своих солдат потеплее. Вы лучше всякого ответите нам, нужно ли записать теплые вещи для отправляемых на Дальний Восток нижн[их] чинов? Так бы хотелось знать, когда и куда Вы едете, чтобы пожелать Вам счастливого пути, с Божьей помощью блестящего успеха и благополучного возвращения <...>»¹¹.

⁸ Там же. Л. 9, 9 об.

⁹ Там же. Л. 12–12 об.

¹⁰ РГВИА. Ф. 725. Оп. 42. Д. 13. Л. 19.

¹¹ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 3564. Л. 20–20 об.

После своего нового назначения генерал А. Н. Куропаткин представлялся высочайшим особам, в числе которых были и великий князь Константин Константинович с супругой великой княгиней Елизаветой Маврикиевной. В дневнике Алексей Николаевич записал, что они встретили его «очень дружески. Князь благословил иконой для штаба армии. Много говорил о силах и средствах наших и японских»¹².

11 мая 1904 г. Константин Константинович получил письмо за подписью «Кадет» следующего содержания: «Ваше Императорское Высочество! Вы милостивы к нам, кадетам, как родной отец: это дало нам смелость обратиться прямо к Вам с нашим сердечным делом. Мы глубоко страдаем, что в настоящую тяжелую минуту еще не в силах быть полезными нашему дорогому Государю и родине, страшно хотели бы выразить делом нашу любовь и преданность.

Мы просим Ваше Императорское Высочество дозволить сделать по всем военным училищам воззвание, чтобы устроить из наших сбережений сбор на небольшое боевое судно, которое было бы названо "Кадет" и храбро служило бы <...> обожаемому Царю и Отечеству. Как первый вклад прилагаю 50 рублей для этой цели.

Простите мою смелость, Ваше Императорское Высочество, и не поставьте мне в вину, что скрою свое имя только из желания не быть выскочкою ни перед Вашим Императорским Высочеством, ни перед товарищами, выразителем общего желания которых, я взял на себя <...>»¹³.

12 мая 1904 г. великий князь Константин Константинович официально обратился к почетному председателю Комитета по сбору пожертвований на усиление военного флота России наследнику цесаревичу великому князю Михаилу Александровичу и передал просьбу кадет и собранные ими деньги на усиление военного флота¹⁴.

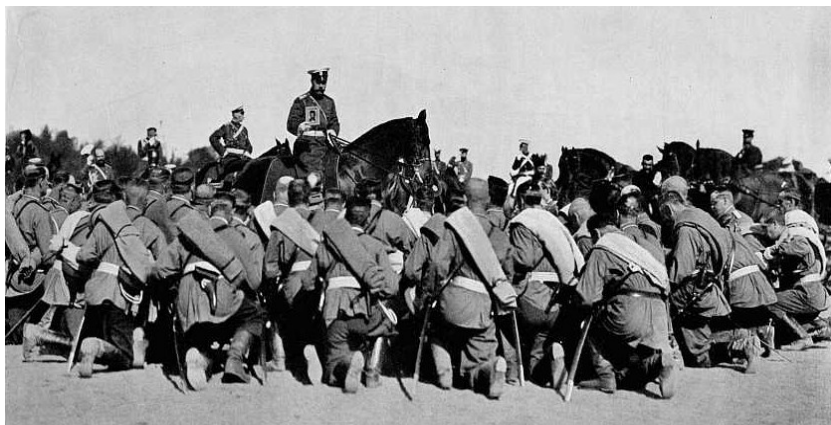
11 августа 1904 г. начальник Московского военного училища генерал С. С. Хабалов доложил Константину Константиновичу, что юнкерами училища были отпечатаны открытые письма с его портретом, которые стали продавать в училище, а вырученные средства передали в Особый комитет великой княгини Елисаветы Федоровны с тем, чтобы в одном из лазаретов Общества Красного Креста на Дальнем Востоке в течение войны содержалась «койка Московского военного училища в честь Августейшего Главного начальника военно-учебных заведений».

---

¹² РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1945. Л. 4.

¹³ РГВИА. Ф. 725. Оп. 42. Д. 13. Лл. 24–25.

¹⁴ 50 руб. были приняты от кадет по квитанции № 51443 от 18 мая 1904 г. См.: Там же. Лл. 26, 27.

Рис. 2. Проводы частей 1-го армейского корпуса. Государь император благословляет 146-й пехотный Царицынский полк

Всего было продано 18 647 писем и выручено «чистой прибыли 350 рублей». Эта сумма составляла оплату одной койки за первое полугодие; средства для дальнейшей оплаты также были уже частично собраны¹⁵.

По желанию императрицы Александры Федоровны, «на средства, пожертвованные частными лицами на нужды военного времени», находящиеся в ее распоряжении, при Первом и Втором кадетских корпусах в Санкт-Петербурге были учреждены пансионы-приюты. Они были рассчитаны на 20 человек каждый «для призрения сирот и полусирот офицеров, убитых или раненых в войне с Японией»¹⁶. В них готовили мальчиков от 7 до 11 лет к поступлению в средние учебные заведения. На имеющиеся вакансии по усмотрению Главного управления военно-учебных заведений (ГУВУЗ) могли быть приняты также и сыновья офицеров, священнослужителей и гражданских чиновников, находившихся в действующей армии. Пансионы эти должны были быть открытыми до тех пор, покуда все состоящие в них дети не достигнут одиннадцати лет. Они получили название «пансионы-приюты Государыни Императрицы Александры Феодоровны»¹⁷.

В 1904 г. государь император Николай II постоянно выезжал к войскам, отправлявшимся на фронт, «считая своим долгом проводить

¹⁵ Там же. Л. 29, 29 об.

¹⁶ Приказ по Военному ведомству № 423 от 22 июля 1904 г. См.: РГВИА. Ф. 725. Оп. 42. Д. 22. Л. 14.

¹⁷ РГВИА. Ф. 725. Оп. 42. Д. 22. Лл. 9, 35.

тех, кто шел умирать за родину»¹⁸. При торжественном прощании государя с войсками директоры кадетских корпусов приводили своих питомцев — и старшие и младшие роты. О том, как проходили эти проводы войск (рис. 2), главному начальнику военно-учебных заведений великому князю Константину Константиновичу поступали подробные рапорты от директоров кадетских корпусов.

2 мая 1904 г. император Николай II выехал в южные и центральные губернии России, где располагались войска, отправлявшиеся на Дальний Восток, и посетил Белгород, Харьков, Козельщанский женский монастырь в Полтавской губернии, Кременчуг, Полтаву, Орел, Тулу, Калугу, Рязань. 6 мая он прибыл в Орел. Объезд 17-го армейского корпуса вместе с государем совершал и великий князь Сергей Александрович, который выехал с этой целью из Москвы в Орел 5 мая 1904 г.¹⁹

Кадеты Орловского Бахтина кадетского корпуса были удостоены чести находиться среди войск. Роты корпуса, выстроенные шпалерами у церкви 51-го драгунского Черниговского полка, ожидали приезда государя императора в церковь. По окончании церковной службы государь стал принимать различные депутации. Затем роты корпуса перешли на вокзал Московско-Курской железной дороги и выстроились на платформе. Перед отправлением поезда государь прошел вместе с директором корпуса В. Л. Лобачевским вдоль строя кадет. Беседуя с ним, государь обращался с вопросами и к самым маленьким и «осчастливил весь состав корпуса милостивым приветом: “Прощайте, кадеты”. В ответ раздалось: “Счастливо оставаться, Ваше Императорское Величество”. И раздалось могучее “ура” в 450 голосов»²⁰.

17 сентября 1904 г. император Николай II и великий князь Михаил Александрович присутствовали на смотре войск 15-й пехотной дивизии, отправлявшейся на Дальний Восток. На место смотра были выведены все 520 кадет Одесского кадетского корпуса. Впереди стояли младшие классы и дети, только что принятые в корпус. Выйдя из царского павильона, государь в сопровождении великого князя Михаила Александровича подъехал к кадетам и поздоровался. Последовал ответ на приветствие и раздалось радостное «ура». Государь произнес: «Я очень рад видеть ваш корпус. Подведите кадет ближе к тому шатру, чтобы им были лучше видны войска»²¹.

---

¹⁸ Ольденбург С. С. Царствование Императора Николая II. СПб., 1991 (репринт. воспроизв. изд.: Вашингтон, 1981). С. 240.

¹⁹ Великая княгиня Елисавета Феодоровна и Император Николай II: документы и материалы (1884–1909). СПб., 2009. С. 677.

²⁰ РГВИА. Ф. 725. Оп. 42. Д. 1. Л. 5.

²¹ Там же. Л. 11.

Кадет перестроили и расположили напротив царского шатра, мимо которого церемониальным маршем должны были проходить войска. По окончании церемониального марша кадеты возвратились на прежние места и видели, как государь беседовал с офицерами и благословлял войска святой иконой. «Момент был торжественный. Кадеты сняли шапки. <...> Осчастливленные солдаты не переставали благодарить Царя за желание им стяжать себе славу и вернуться на родину здоровыми. Стоило кадетам повернуться кругом, чтобы видеть, как Император сошел с лошади и через павильон направился в вагон, поезд тронулся в город. Кадетам разрешено было бежать вдоль железной дороги; они резво бежали, и воздух огласился их безмерно радостным ура, которое слилось с криком сотни тысяч народа, прибывшего из города и из окрестных деревень»²².

26 сентября 1904 г. в Одесском кадетском корпусе чествовали командование 8-го армейского корпуса и офицеров 15-й пехотной дивизии, отправлявшихся на Дальний Восток. После краткого молебна один из кадет произнес приветствие и передал командиру 8-го армейского корпуса генерал-лейтенанту С. Н. Мылову от имени всех кадет корпуса икону-складень; «кадеты — сыновья офицеров, отправляющихся в поход, — всем офицерам, от кадет, раздавали крестики. Затем кадеты выстроились в зале, куда собрались все гости и семьи служащих в корпусе; генерал Мылов провозгласил здравицу в честь Государя Императора, по повелению которого 8-й корпус отправляется в поход. Звуки гимна и бесконечно-несмолкаемое “ура” были ответом. После краткого слова генерала Мылова части приняли приглашение к завтраку от служащих в корпусе. Хор и оркестры кадет исполнили несколько пьес»²³.

Русско-японская война очень глубоко взволновала 11-летнего кадета Полоцкого кадетского корпуса князя императорской крови Олега Константиновича, напряженно следившего за каждым известием, приходившим с Дальнего Востока. «Страшно хочется на войну, — записал он в дневнике. — Если будет сражение при Кронштадте, я думаю, что я пойду. Недавно читал, как один мальчик по имени “Маркуша” стрелял из мортиры. Если будет время такое, как при Севастополе, всех возьмут. И я буду стрелять из мортирки. Будем после войны петь “Было дело при Кронштадте, и Олег там воевал”:

---

²² РГВИА. Ф. 725. Оп. 42. Д. 1. Л. 11, 11 об.

²³ Там же. Л. 12.

<...> Братцы! Грудью послужите!
Гряньте бодро на врага!
И Вселенной докажите,
Сколько Русь нам дорога!
Посмотрите, подступает
К нам соломенный народ,
Сколько ядер выпускает!
Все напрасно в нас стреляет:
Мы идем, идем вперед!»²⁴.

Князь Олег очень тяжело переживал военные неудачи и, как вспоминал его воспитатель А. М. Максимов, не спал по ночам и на занятиях бывал апатичен. «“Бедный Государь, бедная Россия”, — покачивая головой, говорил Его Высочество, когда дальневосточные телеграммы приносили нам известие одно печальнее другого»²⁵.

Большим утешением было для князя Олега собственноручное изготовление предметов первой необходимости для солдат и отправка их в посылках в армию. Он очень радовался, когда к нему приходили ответные письма с выражением благодарности. Одно из таких писем было получено от рядового Артамона Берникова, который рассказал в нем о своих боевых подвигах. «Какой молодчина этот Берников, — записал князь в своем дневнике, — и ведь там все такие, а мы почему-то идем все назад и назад. <...> Но я убежден, что мы рано или поздно еще им покажем <...>»²⁶.

Дети Константина Константиновича решили отказаться от подарков, а сэкономленные средства отсылать на военные нужды. «У меня к Вам есть просьба, — обращается в письме к родителям 5 октября 1904 г. князь Иоанн, кадет Первого кадетского корпуса. — Пожалуйста, кроме книг ничего в подарок мне не присылайте в Ливадию. Я просил у тети Оли блюдечко для стакана. Передайте, пожалуйста, ей, чтобы она мне это не дарила, и деньги, которые пошли бы на подарок, отдала в пользу войны. Хотя и немного это стоит, но все же мне это приятно. Позвольте мне ничего Вам не дарить, а деньги, которые бы пошли на подарок, пожертвовать на войну?»²⁷

В самый разгар Русско-японской войны, 30 июля 1904 г., родился наследник цесаревич Алексей Николаевич. 1 августа из Санкт-Петербурга

---

²⁴ Князь Олег. Петроград, 1915. С. 32.

²⁵ Там же. С. 33.

²⁶ Там же. С. 33–34.

²⁷ Бумаги великого князя Константина Константиновича и членов его семьи: семейная и литературная переписка, отрывки из дневника, завещания. 1874–1918. / Сост., авт. предисл., коммент., биогр. справ. Т. А. Лобашкова. М., 2013. С. 79, 80.

в Петергоф пришла поздравительная телеграмма от Всероссийского пастыря о. Иоанна Кронштадтского: «Всепоподданейше со святым восторгом приношу Вашим Величествам поздравление с Богодарованным наследником Всероссийского Престола. Кронштадтский протоиерей Иоанн Сергиев»²⁸.

30 июля 1904 г. великий князь Константин Константинович записал в дневнике: «Какое счастье! Десятый год ждала Россия Наследника и вот дождалась»²⁹. Об этом радостном событии он телеграммой сообщил в имение Осташёво сыновьям и вызвал их на крестины наследника, которые должны были состояться 11 августа. 10 августа сыновья прибыли в Стрельну на рождение Константина Константиновича, а на следующий день, «надев сшитые за одну ночь мундиры», они направились в Петергоф. «<...> Службу совершали митрополит Антоний, о. Янышев и о. Иоанн Кронштадтский; были еще 2 архимандрита, 2 диакона и 2 псаломщика»³⁰.

Священник 51-го драгунского (позднее 17-го гусарского) Черниговского ее императорского высочества великой княгини Елисаветы Феодоровны полка о. Митрофан Сребрянский³¹, находившийся во время Русско-японской войны со своим полком в Маньчжурии, 13 августа 1904 г. сделал в дневнике запись: «Сегодня получили телеграмму от Государя Императора: всю Манчжурскую армию Его Величество назначает восприемниками Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. Это очень ободрило всех и обрадовало»³².

В честь рождения наследника престола, «в знак Монаршего попечения о детях военнотружущих, павших, раненых или особо отличившихся в войне с Японией», при военно-учебных заведениях было учреждено 100 стипендий: 50 имени Его Императорского Величества и 50 — имени Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны³³.

В приказе по военному ведомству от 1 августа 1904 г. объявлено, что Ташкентская приготовительная школа была преобразована в Ташкентский кадетский корпус. В этот день в 3 часа 20 минут великому

²⁸ Великая княгиня Елисавета Феодоровна и Император Николай II. С. 690.

²⁹ Цит. по: Боханов А. Н. Александра Федоровна: с любовью за Царя. М., 2013. С. 184.

³⁰ Князь Олег. С. 36.

³¹ Впоследствии преподобноисповедник архимандрит Сергей (Сребрянский, 1870–1948).

³² РГВИА. Ф. 725. Оп. 42. Д. 39. Л. 1. См. также: Дневник из времен Русско-японской войны священника 51-го Драгунского (позднее 17 Гусарского) Черниговского полка Митрофана Васильевича Сребрянского с момента отправления полка в Маньчжурию 11 июня 1904 года и по день возвращения его в г. Орел 2-го июня 1906 года. М., 1912; и др. издания.

³³ РГВИА. Ф. 725. Оп. 42. Д. 33. Л. 1.

князю Константину Константиновичу в Стрельну пришла телеграмма от исправляющего должность директора Ташкентского кадетского корпуса полковника Меркушева: «Во исполнение Высочайшей воли сегодня в присутствии благодарного состава и торжествующего общию народною радостью населения открыл свои действия самый молодой кадетский корпус в России. <...> Состав [корпуса] был бы счастлив, если бы благо-угодно было связать имя народившего[ся] молодого корпуса с Высоким державным именем Царственного младенца, упования и надежды всей ликующей матушки России»³⁴.

20 августа 1904 г. последовало высочайшее соизволение на назначение наследника цесаревича великого князя Алексея Николаевича шефом Ташкентского корпуса с наименованием корпуса «Ташкентский Наследника Цесаревича кадетский корпус»³⁵. День тезоименитства наследника цесаревича 5 октября стал днем корпусного праздника, а военным чинам и кадетам корпуса было присвоено вензелевое изображение имени наследника цесаревича «на плечевых погонах и эполетах»³⁶.

Многие выпускники кадетских корпусов и военных училищ, пополнившие офицерский корпус Русской императорской армии и принявшие непосредственное участие в Русско-японской войне, стали кавалерами многих орденов, в том числе и ордена Св. Георгия Победоносца. Однако известны случаи, когда были удостоены георгиевских наград — знака отличия Военного ордена — кадеты выпускных классов, отправившиеся на войну добровольцами. Среди них Владимир Пущин, кадет 7-го класса Киевского кадетского корпуса, младший, затем старший урядник 4-й сотни 2-го Читинского казачьего полка Забайкальского казачьего войска, дважды отмеченный этой высокой наградой. Знак отличия Военного ордена 4-й степени № 105815 он получил «за мужество и храбрость, оказанные им в боях с японцами 12–22 августа 1904 г. под Ляояном», а 3-й степени № 14897 — «за личные подвиги, мужество и храбрость, оказанные им разновременно в боях против японцев», в том числе и за спасение жизни начальника разъезда А. Левицкого, под которым была убита лошадь, «приведя ему в поводу лошадь убитого казака»³⁷.

Кадеты Хабаровского кадетского корпуса Роман Троянович-Пиотровский и Михаил Бодиско и Полоцкого кадетского корпуса Люциан Згерский-Струмило «за мужество и храбрость» были отмечены знаками отличия Военного ордена 4-й степени, соответственно

---

³⁴ РГВИА. Ф. 725. Оп. 42. Д. 39. Л. 1, 1 об.

³⁵ Там же. Л. 3.

³⁶ Там же. Л. 18.

³⁷ Знак отличия военного ордена Св. Георгия. Списки пожалованным за Русско-японскую войну 1904–1905 гг. Сост. И. Маркин, Д. Бутрым. М., 2006. С. 373, 174.

№ 108311, № 165150 и № 123177³⁸.

Но наибольшую известность получили подвиги в боях с японцами кадета 7-го класса Первого кадетского корпуса 17-летнего Сергея Селезнева, подробно освещенные в газетах и журнале «Нива». Он отправился на Дальний Восток навестить своего отца, подполковника В. Н. Селезнева, но пожелал остаться в действующей армии, «был причислен к конно-саперной команде и откомандирован ординарцем к генералу Мищенко. 24 августа 1904 г. под сильным огнем неприятеля принимал участие в порче железнодорожного моста, заложив под него патроны; 30 августа участвовал в глубокой разведке и перестрелке с японцами. В боях под Ляояном под убийственным огнем помогал убирать раненых с поля боя»³⁹. 8 сентября 1904 г. Знак отличия военного ордена № 98515 ему лично вручал в Мукдене командующий Маньчжурской армией генерал-адъютант А. Н. Куропаткин.

*Рис. 3. Генерал-лейтенант
Р. И. Кондратенко*

Затем С. Селезнев возвратился в родной корпус. 13 октября 1904 г. директор Первого кадетского корпуса генерал-майор В. И. Покотило направил великому князю Константину Константиновичу телеграмму в Зимний дворец: «<...> Первый кадетский корпус встречает сегодня своего кадета 7 класса Сергея Селезнева, награжденного ЗОВО⁴⁰ за неоднократно проявленные мужество и храбрость в боях 1 Маньчжурской армии, счастливые его товарищи кадеты и начальник, видя в лице нового юного кавалера воплощение своей идеи защиты родины, одушевленные чувством любви к Царю и Отечеству, просим Его Императорское Высочество повергнуть к стопам Государя Императора нашу горячую сыновью любовь и беззаветную верноподданническую преданность <...>»⁴¹.

В это время вокруг отрезанного от мира Порт-Артура не прекращалась ожесточенная борьба. 22 ноября 1904 г. японцы завладели горой Высокой, с которой открывался вид на внутренний рейд Порт-Артура.

³⁸ Там же. С. 402, 571, 1033.

³⁹ Там же. С. 285.

⁴⁰ Знак отличия военного ордена (прим. Н. Б.).

⁴¹ РГВИА. Ф. 725. Оп. 42. Д. 26. Л. 13–13 об.

В течение нескольких дней от огня японской артиллерии затонули последние суда 1-й Тихоокеанской эскадры. 2 декабря 1904 г. при взрыве японского снаряда был убит лучший из руководителей обороны Порт-Артура генерал Р. И. Кондратенко (рис. 3).

В начале декабря 1904 г. великий князь Константин Константинович написал стихотворное послание «Порт-Артурцам»:

Среди громов и молний бури бранной
Твердыни вы незыблемый оплот.
Смерть, в очи вам глядяся непрестанно,
Борцам венцы бессмертия плетет.
О страстотерпцы! Мукой несказанной
Запечатлен осады грозный год...
За ужасы лишений и невзгод
Блеснет ли вам свободы день желанный?
Вы претерпеть готовы до конца;
Богатырей в вас ожили сердца
С их мужеством, отвагою и рвением.
России слава, гордость и любовь,
За подвиг ваш, страдания и кровь
Мы скорбью платим вам и восхищемся⁴².

18 декабря 1904 г. японцы завладели первыми фортами в самой сильной северо-восточной части укреплений. Падение крепости представлялось неминуемым. Тем не менее, и для японцев, и для порт-артурского гарнизона было неожиданностью, когда 19 декабря 1904 г. командующий войсками генерал А. М. Стессель прислал к генералу Марэсуке Ноги парламентариев о сдаче крепости: и по численности войск, и по количеству запасов возможно было продержаться еще 2–3 недели, а то и месяц⁴³. 20 декабря 1904 г. Порт-Артур пал.

Свои переживания и мысли о событиях на Дальнем Востоке князь Олег записывал в дневнике: «Сегодня за завтраком говорили, что в Порт-Артуре осталось только 10 000 войск, что Порт-Артур не выдержит. В 6 часов вечера я заперся в комнате и стал просить Всевышнего о помощи Порт-Артуру. Потом я взял молитвенник, хотел по нему прочитать

---

⁴² Из цикла «Солдатские сонеты». Дата создания: 8 декабря 1904. Цит. по: К. Р. Избранное. М., 1991. С. 157.

⁴³ «В Порт-Артуре сдалось 45 000 человек, в том числе около 28 000 способных носить оружие, и 13 000 больных и раненых в госпиталях. Японской армии осада стоила 92 000 человек убитыми, ранеными и больными». // Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 256.

молитвы и подумал: “Я открою, не ища, молитвы. Какие попадутся, те и прочту. Может быть будут как раз те, которые на войну, — эта воля Бога”. Разворачиваю молитвенник — попадают молитвы на войну»⁴⁴. И князь Олег пишет тут же стихотворение:

Господи!
Воздвигни силу Твою и прииди во еже спасти нас!
Так молится русский народ,
И дай ты нам помощь,
Одушевление подай Ты войскам!

Когда 21 декабря в Ливадию пришла телеграмма о падении Порт-Артура, князь Олег занимался в своей классной комнате. По свидетельству его воспитателя, узнав об этом трагическом событии, «сначала он нахмурил брови, не то соображая, в чем дело, не то борясь с нахлынувшими чувствами. Но справиться с ними он, во всяком случае, не мог: из его глаз потоком брызнули слезы, и, положив голову на обе руки, он горько зарыдал <...> сидя за своим столиком и глядя заплаканными глазами на карту Дальнего Востока, он задумчиво повторял: «Бедный, бедный Порт-Артур!»⁴⁵. Через несколько месяцев он записал в дневнике: «До чего мы дожили! <...> Стессель сдал Порт-Артур. Не было возможности держаться. Кондратенко убит. Он был нашего корпуса. Да, много героев пало под Порт-Артуром <...>»⁴⁶ (рис. 4).

Князь Олег старался понять причины поражения русских войск. «Но отчего у нас нет победы над врагом? <...> А отчего у нас все идет плохо. Оттого, что начальники наши не любят Господа Бога и Царя Нашего Батюшку. Наши начальники — “конфетки”. Например, Небогатов⁴⁷, говорят, был “конфетка”. А “конфеткой”

Рис. 4. Князь императорской крови Олег Константинович

⁴⁴ Князь Олег. С. 33.

⁴⁵ Там же. С. 40, 41.

⁴⁶ Там же. С. 41.

⁴⁷ Контр-адмирал Н. И. Небогатов был командующим 3-й Тихоокеанской эскадрой, затем 3-го броненосного отряда в составе 2-й Тихоокеанской эскадры. Преследуемый японской эскадрой, 15 мая 1904 г. без боя сдал 2 эскадренных броненосца и 2 броненосца береговой охраны и сам сдался в плен (прим. Н. Б.).

называется такой человек, который делает дело на словах. А на деле совсем противоположное. Иногда я таким бываю. Это мне надо искоренять. Если у нас такие предводители будут, то нас побьет и самый последний народ в мире»⁴⁸.

Дальнейшие военные события на Дальнем Востоке разворачивались на фоне начавшейся в России первой русской революции. 4 февраля 1904 г. в Москве был убит эсером И. П. Каляевым великий князь Сергей Александрович.

Государь император Николай II, опасаясь новых террористических актов, отдал распоряжение письменно уведомить великих князей, «что не только им нельзя ехать в Москву, но запрещено бывать на панихидах в Казанском или Исаакиевском соборах»⁴⁹.

Однако 5 февраля в качестве представителя императорского дома Романовых в Москву выехал кузен и друг великого князя Сергея Александровича — великий князь Константин Константинович с супругой Елизаветой Маврикиевной. Они остановились в Николаевском дворце, у вдовы — великой княгини Елизаветы Федоровны. 10 февраля состоялось отпевание тела великого князя по особому, высочайше утвержденному церемониалу.

После гибели великого князя Сергея Александровича Общее собрание членов Общества вспомоществования бывшим воспитанникам Второго кадетского корпуса и Второй Московской военной гимназии, находившееся под его покровительством, выразило желание просить великого князя Константина Константиновича принять на себя звание августейшего покровителя. После получения согласия великого князя 24 февраля 1905 г. было испрошено на это высочайшее соизволение⁵⁰.

10 марта 1905 г. в семье Константина Константиновича произошло радостное событие — рождение второй дочери, Наталии («Натуси»).

3 апреля 1905 г. почетный попечитель Комиссаровского технического училища тайный советник В. С. Кохманский и директор училища действительный статский советник С. Д. Исаенков направили великому князю телеграмму, где сообщили о постановлении членов Попечительного совета принять в пансион училища «на счет экономических сбережений, одного мальчика из детей убитых и раненых на Дальнем Востоке воинов, коему присвоить наименование стипендиата Княжны Наталии Константиновны»⁵¹. Назначение кандидата на эту стипендию было предоставлено на усмотрение Константина Константиновича.

---

⁴⁸ Бумаги великого князя Константина Константиновича и членов его семьи. С. 79.

⁴⁹ Чернышова-Мельник Н. Указ. соч. С. 272.

⁵⁰ РГВИА. Ф. 725. Оп. 43. Д. 10. Лл. 1 об., 10.

⁵¹ РГВИА. Ф. 725. Оп. 43. Д. 22. Л. 1.

Но 10 мая 1905 г. трехмесячная Натуся умерла, оставив незаживающую рану в душе Константина Константиновича:

Угасло дитя наше бедное
В расцвете младенческих дней;
Все грезится личико бледное
Мне милой малютки моей⁵².

А 12 мая 1905 г. на «Памятном листке» Константин Константинович сделал запись: «Комиссаровское училище просит назначить кандидата для замещения стипендии имени в Бозе почившей моей дочери»⁵³. Вскоре Комиссаровское техническое училище перешло под покровительство великого князя Константина Константиновича.

В трагические месяцы 1905 года Константин Константинович не написал ни одного стихотворения: «За последние годы муза скупко дарит меня своими улыбками, а я не хозяин своего вдохновения и вызывать его насильно не умею»⁵⁴.

14 мая 1905 г., в день коронавания их императорских величеств, произошло Цусимское сражение. В это время Константин Константинович пребывал в своем имении Осташёво, куда он переехал из Москвы в середине марта 1905 г. Узнав о гибели 2-й Тихоокеанской эскадры в Цусимском проливе, он записал в дневнике: «Какой-то злой рок тяготеет над бедной нашей Родиной. Внутри смута, на Дальнем Востоке на войне неудачи»⁵⁵.

Спустя полтора месяца после заключения Портсмутского мира 23 августа (5 сентября) 1905 г. государем императором Николаем I был подписан 17 октября 1905 г. манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». Великий князь Константин Константинович назвал это «новыми вольностями», которые «не проявление свободной воли державной власти, а лишь уступка, вырванная у этой власти насильно»⁵⁶. На следующий день великий князь записал в своем дневнике: «Конец русскому самодержавию. <...> Я — за самодержавие»⁵⁷.

---

⁵² Цит. по: Чернышова-Мельник Н. Указ. соч. С. 281. Менее чем через год, 11 апреля 1906 г. у великого князя Константина Константиновича родилась дочь Вера: «<...> Мы с женой с блаженством услышали крик нашей маленькой Веруси. И сразу прошли у жены боли, она опять стала веселая и довольная, а сверх того, безмерно счастливая появлением дочурки. Господь как будто вознаграждал нас за утрату нашей бедной милой Натуси <...>» (Там же).

⁵³ РГВИА. Ф. 725. Оп. 43. Д. 22. Л. 4.

⁵⁴ Цит. по: Чернышова-Мельник Н. Указ. соч. С. 280.

⁵⁵ Там же. С. 280–281.

⁵⁶ Там же. С. 276.

⁵⁷ Там же.

По инициативе великого князя Константина Константиновича уже во время Русско-японской войны ГУВУЗ приступило к сбору сведений об убитых офицерах и георгиевских кавалерах — выпускниках кадетских корпусов и военных училищ, для увековечения их памяти в своих учебных заведениях.

Начало переписке ГУВУЗ с Главным штабом по этому вопросу было положено в июле 1904 г. — в разгар Русско-японской войны, и на протяжении 1905 и 1906 гг. ГУВУЗ неустанно направляло в Главный штаб запросы, чтобы ускорить доставку сведений о своих бывших питомцах.

Первые сведения из Главного штаба стали поступать в ГУВУЗ лишь в январе 1907 г. На их основании были составлены списки георгиевских кавалеров и погибших офицеров — бывших воспитанников кадетских корпусов и военных училищ. Затем списки были и направлены в соответствующие военно-учебные заведения для занесения их имен на памятные мраморные доски⁵⁸.

Помощник главного начальника военно-учебных заведений генерал-лейтенант Г. М. Яковлев 4 июля 1907 г. представил Константиному Константиновичу список кадетских корпусов и военных училищ, бывшие воспитанники которых были награждены орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия во время Русско-японской войны. Из бывших воспитанников кадетских корпусов наград удостоился 31 человек⁵⁹. После неоднократных уточнений число награжденных георгиевскими наградами за подвиги в Русско-японской войне возросло более чем втрое: 14 воспитанников Пажеского его императорского величества корпуса и 88 — сухопутных кадетских корпусов⁶⁰.

30 июля 1906 г. вдова героя обороны Порт-Артура генерал-лейтенанта Романа Исидоровича Кондратенко Надежда Дмитриевна обратилась в письме к великому князю Константину Константиновичу с просьбой принять тридцать серебряных венков, возложенных на гроб мужа при погребении его в Санкт-Петербурге, и разместить их в церквях военно-учебных заведений. «Пусть эти венки, — писала Надежда Дмитриевна, — постоянно напоминают молодому поколению, как бескорыстно и самоотверженно должно служить своему Царю и Родине!»⁶¹

---

⁵⁸ РГВИА. Ф. 725. Оп. 42. Д. 37, 37а.

⁵⁹ РГВИА. Ф. 725. Оп. 42. Д. 37. Лл. 134, 135.

⁶⁰ См.: Коновалов А. Ф. Пажи и кадеты в войнах России XX века (к истории кадетских корпусов в России). [Электронный ресурс] URL: <http://h.120-bal.ru/voennoe/12880/index.html> (дата обращения: 02.08.18).

⁶¹ РГВИА. Ф. 725. Оп. 44. Д. 33. Л. 1. «Остальная часть этих венков в числе 12–15 будет развешена в начинающейся мною строиться над его могилой часовенке» (Там же).

В рескрипте на имя Надежды Дмитриевны Кондратенко от 16 августа 1906 г. Константин Константинович написал: «Глубоко ценя оказанное Вами внимание военно-учебным заведениям, выразившееся принесением в дар этим заведениям серебряных венков, возложенных на гроб покойного Вашего мужа, выражаю Вам за принесенный дар мою душевную признательность»⁶².

16 августа 1906 г. помощник главного начальника военно-учебных заведений генерал-майор Г. М. Яковлев сообщил Н. Д. Кондратенко, что Главное управление просит доставить к нему венки, которые будут переданы: в Николаевское инженерное и Николаевское кавалерийское училища, в Павловское, Александровское и Алексеевское военные училища; а также в Пажеский корпус и 1-й, 2-й, Николаевский, Императора Александра II; Московские — 1-й, 2-й и 3-й, Орловский Бахтина, Воронежский, Нижегородский, Полоцкий, Псковский, Петровский Полтавский, Владимирский Киевский, Оренбургский Неплюевский, 2-й Оренбургский, Сибирский, Тифлисский, Ярославский, Суворовский, Одесский, Сумский, Хабаровский и Ташкентский кадетские корпуса⁶³. 30 металлических венков в двух ящиках были доставлены в ГУВУЗ племянником и племянницей генерал-лейтенанта Р. И. Кондратенко 8 сентября 1906 г.⁶⁴

21 января 1907 г. в Сибирском кадетском корпусе в присутствии командующего войсками округа состоялось торжественное принятие венка с гроба генерал-лейтенанта Р. И. Кондратенко, пожалованного корпусу его вдовой. После заупокойной литургии в храме корпуса была отслужена панихида в память героя, и венок был помещен в нем на вечное хранение. «Затем, — сообщает 22 января 1907 г. великому князю Константину Константиновичу директор корпуса генерал-майор А. А. Медведев, — все заведение было собрано в зало 1-й роты, где инспектор классов полковник Скалон сделал сообщение: “О жизни и подвигах Р. И. Кондратенко”. Торжество закончилось общим пением “Вечная память”»⁶⁵.

После окончания Русско-японской войны, в ходе Первой русской революции 1905–1907 гг. великий князь Константин Константинович издал рескрипт от 29 сентября 1906 г. о необходимости патриотического воспитания в военно-учебных заведениях, где он отметил, что благодаря усилиям учебно-воспитательного состава военно-учебные заведения «с успехом выдержали тяжкое испытание, выпавшее на долю отечественной школы» в 1905–1906 учебном году, и что «заблуждению, приведшему гражданскую

⁶² РГВИА. Ф. 725. Оп. 44. Д. 33. Л. 2. В документе указан адрес Н. Д. Кондратенко: «Эдинбург I близ гор. Риги, Станционная ул. дача № 19 <...> в случае отъезда переслать в гор. Полтаву» (Там же).

⁶³ Там же. Лл. 3–4.

⁶⁴ Там же. Л. 5.

⁶⁵ Там же. Л. 40.

Рис. 5. Великий князь
Константин Константинович
с кадетами

школу к забастовкам, был дан у нас дружный отпор»⁶⁶. Развивая мысль о началах патриотического воспитания в военно-учебных заведениях, Константин Константинович подробно останавливается на методах для достижения этой цели. И здесь, на его взгляд, нужны были не новые указания и предписания, которые уже в достаточной степени имелись в инструкциях и наставлениях, но чтобы «всеми условиями жизни, всеми его воспитательными и учебными порядками, поднять воспитание в духе любви к Родине и в чувстве военного долга, <...> чтобы <...> сведения преподавались не в виде сухого учебного задания, а в живых образных повествованиях, действующих на молодое воображение и запечатлевающих в детской душе. <...> Пробуждение увлечения препода-

ваемым предметом, подготовка к самостоятельному мышлению, самостоятельность — вот главнейшие основы обучения»⁶⁷ (рис. 5).

Эта поставленная перед воспитателями и педагогами военно-учебных заведений цель была успешно достигнута. Бывший воспитанник Воронежского кадетского корпуса и Николаевского кавалерийского училища А. Л. Марков в воспоминаниях, посвященных, «с глубочайшим уважением и преданнейшей любовью, светлой памяти великого князя Константина Константиновича», писал, обращаясь к событиям 1905 г., что, когда анархический дух проник во все без исключения гражданские учебные заведения, одни лишь кадетские корпуса «остались стоять спокойными островами среди взбаламученного революционного моря». Был даже случай, когда «кадеты одного из столичных корпусов <...> приняли участие в разгоне революционеров-манifestантов». В кадетских корпусах того времени, отмечает автор, кадетам «никто не твердил <...> о долге, доблести и самопожертвовании. Но во всей корпусной обстановке было нечто такое, что без слов говорило им об этих высоких понятиях, говорило без слов детской душе о том, что она приобщалась к тому миру, где смерть за отечество есть святое и само собой разумеющееся дело»⁶⁸.

⁶⁶ Военные училища и кадетские корпуса Русской императорской армии в Москве XIX — начало XX вв.: сборник документов. / Под ред. И. О. Гаркуши; сост. С. А. Харитонов, В. М. Шабанов и др. М., 2009. С. 451–453.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Марков А. Л. Кадеты и юнкера. М., 2001. С. 9, 12.

В. Е. Андреев

Государственный Русский музей (филиал «Мраморный дворец»)

На встречу с прошлым

К 20-летию мемориального музея великого князя Константина Константиновича в Мраморном дворце

В марте 1998 г. Государственный Русский музей отмечал знаменательную дату — 100-летие со дня своего основания. В рамках этого торжественного события в одном из филиалов ГРМ — Мраморном дворце — была открыта мемориальная экспозиция, посвященная великому князю Константину Константиновичу, поэту известному под криптонимом «К. Р.», которую по праву можно считать мемориальным музеем этого удивительного человека.

Мраморный дворец являлся зимней резиденцией рода Константиновичей, и значительная часть жизни великого князя была тесным образом связана с этим дворцом, который он очень любил. Об этом свидетельствует и его дневник: «Петербург. Мраморный дворец. Дома, у себя в милом Мраморном, под одним кровом с Мама и Папа»¹. Эта запись сделана 19 декабря 1877 г., сразу после возвращения с Дунайского театра военных действий.

Примечательно, что мемориальный музей открылся не в парадных залах, где проходила официальная жизнь великого князя как представителя императорской фамилии, а в его личных апартаментах, скрытых от посторонних глаз, куда допускались лишь близкие ему люди. В 2018 г. музейной экспозиции исполнилось 20 лет.

Комплекс личных апартаментов великого князя Константина Константиновича в Мраморном дворце начал формироваться с конца 70-х гг. XIX в. на месте бывших детских комнат, которые располагались на первом этаже анфилады, выходящей на Миллионную улицу. Крупные ремонтно-строительные работы здесь проводились несколько позднее, в 1883–1884 гг., и были связаны с предстоящей свадьбой великого князя Константина Константиновича с Саксен-Альтенбургской принцессой Елизаветой, вошедшей в русскую историю как великая княгиня Елизавета Маврикиевна. Впрочем, помещения личных покоев продолжали перестраиваться и заново отделяться вплоть до конца 90-х гг. XIX в. Работы велись под руководством нескольких архитекторов: Н. Я. Потолова, гражданского инженера В. В. Николая, неклассного художника архитектуры А. К. Джигоргули и архитектора Д. Д. Зайцева.

---

¹ Цит. по: Кузьмина Л. И. Августейший поэт. СПб., 1995. С. 25.

Личные покои великого князя — это сравнительно небольшие по своим размерам комнаты, составляющие южную анфиладу первого этажа Мраморного дворца. Именно здесь были написаны многие стихотворения поэта К. Р. Здесь великий князь принимал близких ему людей — лучших представителей отечественной культуры: П. И. Чайковского, А. Г. Рубинштейна, А. К. Глазунова, С. В. Рахманинова, А. А. Фета, А. Н. Майкова, А. Н. Апухтина, Я. П. Полонского, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского и многих других. В этих помещениях, где ныне находится мемориальный музей великого князя, поэта К. Р.², и где усилиями работников Мраморного дворца, реставраторов воссоздана обстановка, максимально соответствующая той, что была во времена их хозяина, кажется, будто сами стены дворца берегут память о своем знаменитом владельце.

Когда 18 марта 1998 г. музей поэта К. Р. принял первых посетителей, помещений для осмотра было всего четыре: Передняя перед Библиотекой К. Р., Библиотека, Готическая комната и Кабинет. Названия помещений дано в соответствии исследованиями Е. Б. Кочетовой, результаты которых опубликованы в сборнике Русского музея³. Причем первоначально экспозиция размещалась лишь в двух последних. Через личный подъезд великого князя посетители музея попадали в Переднюю, а затем в Библиотеку. Стены и потолок Передней сохранились в том же виде, что и в 1912 г. Они набраны из древесины дорогих хвойных пород и оформлены в русском стиле — недаром в описи 1918 г. помещение так и обозначено: «Русская передняя».

Старинная дверь ведет в Библиотеку. Первоначально в экспозиционном плане весной 1998 г. Библиотека была просто пустой проходной комнатой, стены которой были когда-то обиты рыжеватозолотистым бархатом, замененным ввиду ветхости уже в советское время материалом, имитирующим обивную ткань начала XX в. Но вскоре положение стало меняться. Через несколько недель после открытия мемориальной экспозиции путем сложных переговоров из Института археологии⁴ удалось вернуть на свои родные места книжные шкафы. Их

---

² Некоторые наши коллеги из Пушкинского дома ставили нам в упрек, что, дескать, нельзя смешивать две разных сущности — «великий князь» и «поэт К. Р.». Действительно, с точки зрения литературоведения, это замечание вполне уместно. Но, поскольку мы не являемся литературным музеем, для нас это две ипостаси одного человека, поэтому они рассматриваются нами как единое целое.

³ Кочетова Е. Б. Личные апартаменты великого князя Константина Константиновича в Мраморном дворце // Дворцы Русского музея: сборник статей. СПб., 1999. С. 162–166.

⁴ Ныне Институт истории материальной культуры Российской Академии Наук (ИИМК РАН).

Рис. 1. Библиотека К. Р. Фото Ю. В. Трубинова. 2018 г.

полки когда-то были заставлены книгами по литературе, искусству, музыке. К сожалению, библиотека была расформирована в середине 1930-х гг., часть книг была утеряна, а другие находятся в различных книгохранилищах. В настоящее время на полках стоят издания, аналогичные тем, которые были у великого князя. Сохранилась старая фотография интерьера Библиотеки, поэтому теоретически можно было бы постараться восстановить ее дореволюционный интерьер. Однако это лишь в теории. На практике все обстоит значительно сложнее. Дело в том, что в советское время вещи, связанные с «Домом Романовых», постепенно изымались из Мраморного дворца и передавались в другие музеи и государственные учреждения не только Ленинграда и его окрестностей, но и по всему Советскому Союзу. После распада СССР они оказались как в ближнем, так и в дальнем зарубежье. Поэтому вернуть их на свои родные места практически не представляется возможным. Но и те учреждения культуры нашего города, в собраниях которых есть вещи из Мраморного дворца, не всегда готовы предоставить их даже на условиях временного хранения. Исключения составляют ГМЗ «Павловск», Государственный музей истории религии и Государственный музей истории Санкт-Петербурга, с которыми мы активно сотрудничаем в данном направлении. Поскольку вернуть большинство предметов не представляется возможным по объективным причинам, на первый план выдвигается требование не аутентичности (подлинности), а научно обоснованной достоверности. В сложившихся условиях мы не ставили перед собой

задачи восстановить точную копию интерьеров апартаментов. Нам хотелось создать у посетителей такое впечатление, как будто бы они пришли в жилой уголок Мраморного дворца — точнее, в гости к великому князю. Именно поэтому наряду с личными вещами поэта К. Р. посетители окружают просто предметы той эпохи. Так, в Библиотеке часть картин размещена просто для создания антуража. Однако есть и четыре картины, принадлежавшие некогда великому князю: Ф. Алексеев «Приезд французского посольства в Венецию» (уменьшенная копия одноименной картины 1740-х гг. А. Канале (Каналетто), находящейся в ГЭ), И. Ломов «Портрет Екатерины II у зеркала» 1853 г. (уменьшенная копия портрета 1768 г. работы В. Эриксона, находящегося в ГЭ), А. Ф. Петерс «Горный пейзаж» 1885 г., К. Маковский «Офелия» 1886 г. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь щели тяжелых штор, падают на холсты русских и зарубежных авторов второй половины XIX в. и помогают посетителю перенестись в атмосферу прошлого. На мягком ковре в центре комнаты находится большой библиотечный стол, на котором разложены книги по искусству и архитектуре Западной Европы XVIII столетия. Музей истории религии предоставил на условиях временного хранения для экспозиции мемориального музея икону Владимирской Богоматери. Этот образ когда-то находился в покоях великого князя и был подарен Константину Константиновичу и его супруге профессором Адрианом Викторовичем Праховым, о чем свидетельствует надпись на обороте: «Их Императорским Высочествам Государю Великому князю Константину Константиновичу и Государыне Великой княгине Елизавете Мавриковне от глубоко преданного автора копии профессора Адриана Прахова. Декабря 12 дня 1896 г.».

К Библиотеке вплотную примыкает гостиная, интерьер которой создан архитектором Д. Зайцевым. Сложные модели резьбы для этой комнаты, прозванной Готической, были изготовлены скульптором Р. Р. Бахом. Он выполнил также десять консолей с изображениями фантастических животных: драконов, химер, летучих мышей, морских чудовищ и т. п. Отделку помещения дубом произвели рабочие столярного мастера Т. Ф. Федотова, которые изготовили шесть деревянных свечей, а также панели с медальонами-розетками, расположенные по всему периметру комнаты. Создание Готической комнаты было начато осенью 1889 г. По всей видимости, великий князь хотел иметь в своих апартаментах вполне конкретный интерьер. Об этом он пишет в письме к А. А. Фету 25 октября 1890 г.: «Комната, в которой вы с Марьей Петровной так снисходительно слушали мою фортепьянную игру, теперь преобразилась: я отделал ее свод и стены дубовой резьбой в строго

Рис. 2. Готическая комната. Фото Ю. В. Трубинова. 2018 г.

готическом стиле <...> малейший завиток узора, словом, все до последней мелочи снято с существующих старинных образцов. Эта комната осталась музыкальной, и на нее не налюбуйешься. Как бы хотелось показать ее вам. Эта совершенная ризница старого готического собора»⁵. Ныне существующий интерьер почти полностью соответствует тому, который был здесь в конце XIX в.: старый, потрескавшийся паркет, кованный светильник под потолком, резные деревянные панели — подлинные. Комната упоминается в мемуарах сына великого князя — Гавриила: «Дома отец иногда садился за рояль, — он отлично играл и был прекрасно музыкально образован. Учил его Рудольф Васильевич Кюндингер <...> Он приходил раз в неделю, и отец под его руководством играл в «готической» комнате <...>»⁶. На северной стене расположена фигура царя Давида, вырезанная из дуба эстонским скульптором Амантусом Хейнрихом Адамсоном. Скульптор изобразил в руках Давида свиток, на котором готическим шрифтом вырезано четверостишие из стихотворения К. Р. «Псалмопевец Давид»:

⁵ К. Р. Избранная переписка. СПб., 1999. С. 346.

⁶ Гавриил Константинович, великий князь. В Мраморном дворце: воспоминания. М., 2005. С. 9.

<...>

Их человек создать не мог,
Не от себя пою я:
Те песни мне внушает Бог,
Не петь их не могу я!

Августейший поэт воспринимал эти строки как девиз жизни ветхозаветного героя. Но сейчас, по прошествии ста с лишним лет, можно говорить о том, что эти строки вполне применимы и к самому великому князю. Фигура царя Давида не случайно занимает одно из центральных мест в интерьере гостиной: в образе библейского псалмопевца отразились размышления поэта К. Р. о смысле жизни, назначении поэта, его философские и религиозные убеждения.

Справа от скульптуры Давида находится еще одна картина из коллекции великого князя — это вновь работа И. Ломова «Портрет Елизаветы Петровны в черном маскарадном домино, с маской в руке» (копия портрета 1748 г. работы Г.-Х. Гроота, находящегося в ГЭ).

На западной стене гостиной, недалеко от Давида, — причудливая средневековая готическая башенка-«дарохранилище»⁷, также вырезанная из дуба. Великий князь, будучи глубоко верующим человеком, много путешествовал: был в Риме, в Венеции, в Палестине. Естественно, он посещал святыни, привезенные из паломнических поездок, хранились именно здесь.

Во времена великого князя в Готической гостиной проходили литературно-музыкальные вечера, носившие камерный характер. Сюда приглашались лишь те люди, которых великий князь хорошо знал, те, с кем у него установились теплые доверительные отношения. Спустя столетие, 17 июля 1998 г. Мраморный дворец посетили правнучки Константина Константиновича по линии его старшего сына Иоанна — Николетта Фараче и Фиаметта Занелли со своими детьми, т. е. праправнуками Августейшего поэта: Виктором, Себастьяном и Алессандро. В книге отзывов они оставили памятную запись: «Мы никогда не забудем эту запоминающуюся экскурсию, проведенную этим вечером <...> кабинет прадедушки <...> кажется, что время остановилось и все так, как и сто лет назад. Спасибо за сегодняшний вечер, спасибо за работу и любовь».

---

⁷ Великий князь прекрасно понимал, что настоящая дарохранилище должна находиться в алтаре, поэтому называл ее так условно.

Рис. 3. Приемная К. Р. Фото Ю. В. Трубинова. 2018 г.

Пожалуй, самое главное помещение музея великого князя — это его Кабинет. Интерьер создавался в начале 1880-х гг. в стиле «русский жакоб». Основной материал, использованный в его отделке, — красное дерево, бронза и позолота. Тисненные кожаные обои — подлинные, изготовленные по индивидуальному заказу в Италии. На выцветших золотых полях изображен грифон — часть фамильного герба дома Романовых. Создавать экспозицию в данном помещении, с одной стороны, нам было легко: кожаные обои, панели красного дерева с бронзовыми вставками, деревянный плафон-потолок с чугунным светильником, старый потрескавшийся паркет, скрипящий под ногами, встроенная мебель — все эти вещи и предметы «помнят» своего хозяина. Здесь как нигде ощущается присутствие Константина Константиновича. Сохранились воспоминания князя Гавриила Константиновича: «По вечерам, после обеда, отец с сигарой во рту вновь садился за письменный стол. В его маленьком, уютном кабинете всегда так хорошо пахло сигарами...»⁸. И кажется, что запах этих сигар ощущается и сейчас, спустя многие десятилетия. К сожалению для нас, письменный стол великого князя из Мраморного дворца в свое время был передан в Институт Русской литературы (Пушкинский дом), у истоков которого, будучи Президентом Императорской Академии наук, стоял Константин Константинович. В 1930-х гг., когда совершалась данная передача, это было оправданно. Не имея возможности вернуть письменный

⁸ Гавриил Константинович, великий князь. Указ. соч. С. 9.

стол поэта К. Р. в его кабинет, мы вынуждены были заменить его другим, который достаточно органично вписался в интерьер помещения.

Трудность для нас заключалась в том, что почти 60 лет Мраморный дворец был по сути политическим музеем (в советские годы в здании располагался филиал Центрального музея В. И. Ленина), и по классовому принципу здесь практически не осталось вещей, связанных с императорской фамилией. А летняя дачная резиденция Павловск всегда в советское время была художественным музеем, поэтому там сохранились многие предметы, некогда принадлежавшие великому князю. И мы благодарны нашим коллегам из ГМЗ «Павловск», откликнувшимся на нашу просьбу и передавшим нам на временное хранение часть этих вещей. Напротив письменного стола расположилось любимое кресло великого князя из красного дерева с боковыми спинками в виде лебедей работы русских краснодеревщиков конца XIX в. Оно поступило к нам из Павловска. Над креслом на полочках разместились бронзовые золоченые часы начала XIX в. и две парные вазочки из севрского фарфора (Франция, 1782 г.). Предание гласит, что эти две вазочки очень нравились великому князю, и, переезжая на зиму в Мраморный дворец, он забирал их с собой, а летом вновь возвращал в Павловск.

На письменном столе лежат уникальные экспонаты, в том числе издание «Гамлета» в переводе К. Р. 1899 г. с автографом переводчика. Это подарочное издание, поэтому на обложке тиснение: «Подарок Великого Князя Ивану Прокофьевичу Савченко». А на титульном листе — автограф: «От переводчика. Константин. 8 августа 1907 года». Рядом — другая книга поэта К. Р.: драма-мистерия «Царь Иудейский» также с автографом автора: «В пользу семей наших воинов».

Потайная дверь-шкаф ведет в крохотную молельню, расположенную между Кабинетом и коридором. Здесь висело много образов и всегда теплилась лампадка. Каждый день сюда приносили из домашней церкви икону того святого, чья память чтится в тот день. В настоящее время в молельне размещены иконы из домашней церкви Мраморного дворца: «Преподобный Михай», «Преподобный Тит», «Нил Столбенский» и «Мученик Роман». Не так давно здесь находился и деревянный напестольный крест, переданный на временное хранение из Музея истории религии. Этот крест был преподнесен в дар великому князю архимандритом Варнавой⁹. На обратной стороне креста надпись: «Его Императорскому Высочеству Великому князю Истинному рабу, умершего на кресте и прославившего крест смертью благоверному Константину Константиновичу от грешного архимандрита

---

⁹ Варнава (в миру Василий Александрович Накропин, 1859–1924) — епископ Русской православной церкви, архиепископ Тобольский и Сибирский.

Варнавы. Крест честный храни и сохрани этого чистого духом раба Божия и Богоуказанную Ему супругу и чадь их на радость старицы родительницы Ее Императорского Высочества великой княгини Александры Иосифовны». Имя этого священнослужителя дважды встречается в дневнике великого князя за 1911 г. «Четверг. 22 сентября. К завтраку был позван недавно посвященный в епископа Каргопольского Варнава <...> Воскресенье. 25 сентября. Епископ Варнава служил у нас обедню»¹⁰. Сейчас, по истечении срока договора, этот экспонат вместе с иконой Владимирской Божьей Матери, написанной академиком Праховым, возвращены в Музей истории религии.

Первые годы существования мемориального музея великого князя Константина Константиновича показали огромный интерес посетителей к этой экспозиции Русского музея. Поэтому встал вопрос о ее расширении, для чего искусствоведом старшим научным сотрудником ГРМ Ю. В. Трубиновым была проведена большая исследовательская работа, в результате чего была подготовлена историческая справка¹¹. Вскоре было принято решение о необходимости дальнейшего развития мемориального комплекса.

Приемная К. Р. — помещение с двумя окнами, которое непосредственно примыкает к Библиотеке. До наших дней сохранились филленчатые ореховые панели, украшенные по периметру декоративными резными головками херувимов, орнаментальные лепные тяги, обыгрывающие распалубки и лотки свода. Эти панели из орехового дерева, наверное, и обусловили второе название данного помещения — Ореховая гостиная. Некоторое представление об убранстве Приемной великого князя Константина Константиновича можно получить из «Архитектурной энциклопедии второй половины XIX века» Г. В. Барановского, а также из дореволюционных фотографий из Научного архива ИИМК¹².

---

¹⁰ Дневник великого князя Константина Константиновича (К. Р.) 1911–1915 / Отв. ред. и сост. В. М. Хрусталева. М., 2013. С. 138, 139.

¹¹ Трубинов Ю. В. Историко-архивные сведения о трех помещениях I этажа Миллионного корпуса (к востоку от действующих мемориальных комнат К. Р.), подлежащих очередной реставрации. Историческая справка. СПб., 2000 // Архив архитектурного отдела Мраморного дворца.

¹² Барановский Г. В. Архитектурная энциклопедия второй половины XIX века. Т. IV: Жилища и службы. СПб., 1904. С. 36 (Приемная). Примерно с той же точки, т. е. в направлении северо-восточного угла с камином, и, по всей видимости, в то же время сделан снимок, хранящийся в Научном архиве Института истории материальной культуры (НА ИИМК РАН. III-6411), воспроизведенный в кн.: Павлова С. В., Матвеев Б. М. Мраморный дворец. СПб., 1996. С. 135. Имеющийся в том же архиве другой снимок этого интерьера (НА ИИМК. III-6412), исполненный в направлении северо-западного угла, дает дополнительную информацию об

Рис. 4. Приемная К. Р. Фото Ю. В. Трубинова. 2018 г.

Пожалуй, главная достопримечательность Приемной — это сохранившийся камин, расположенный в северо-восточном углу комнаты напротив одного из окон. Камин облицован резным ореховым деревом. Своеобразны его боковые стенки: две полуобнаженные мужские фигуры атлантов (мавров), поддерживающие каминную полку. «Стены Приемной К. Р. выше ореховых панелей были покрыты тисненой кожей, рисунок которой едва угадывается на упомянутых выше фотографиях данного интерьера рубежа XIX–XX вв. Декоративная кожа существовала еще до 1960-х гг., однако после случившегося пожара она уже не подлежала восстановлению, и ныне взамен нее под тон ореховых панелей подобраны обои. Ветхий прежний паркетный пол заменен новым, типа “специал”. “Фотография начала XX в. дает представление об убранстве данного интерьера мебелью и прочими аксессуарами”¹³.

Неоценимой помощью в работе по воссозданию интерьера Приемного кабинета великого князя служат «штрихи-зарисовки» воспоминаний князя Гавриила Константиновича: «12 января был день рождения матушки — он праздновался в один день с именинами моей сестры Татианы. В тот день родители пили утренний кофе вдвоем в приемном кабинете отца

убранстве Приемной К. Р. (сведения заимствованы из указанной исторической справки Ю. В. Трубинова).

¹³ Трубинов Ю. В. Указ. соч. С. 12.

подле большого камина, перед которым лежала шкура белого медведя, которой так боялся в детстве Иоанчик. Мне кажется, что мысль пить в этот день кофе вдвоем принадлежала мамушке. Родители были очень в духе. Кто бы мог подумать, что через несколько месяцев отца не станет и что мамушка в последний раз в жизни празднует с ним вместе день своего рождения!»¹⁴

Согласно документальным данным 1912 г., в Приемной в центре потолка висела небольшая люстра-плафон на шесть светоточек. В настоящее время помещение освещается люстрой второй половины XIX в., выполненной из позолоченной бронзы фабрикой Феликса Шопена и отреставрированной фирмой «Рестапм». Когда-то она висела в гостиной великой княгини Александры Иосифовны, располагавшейся на втором этаже.

Стены Приемной великого князя украшали несколько портретов. Кстати, именно здесь одно время находилась и знаменитая картина Куинджи «Ночь на Днепре», что подтверждается воспоминаниями князя Гавриила Константиновича: «Отец любил живопись. В его приемном кабинете в Мраморном дворце, среди других, висела картина Куинджи “Ночь на Днепре”; отец купил ее, будучи молодым морским офицером»¹⁵.

Еще одним помещением мемориального музея, которое открыто для посетителей, является Личная уборная великого князя. Данное помещение также располагается на 1-м этаже, но окнами выходит не на Миллионную улицу, а во двор. Из воспоминаний дочери великого князя Татьяны: «Перед своей свадьбой Отец устроил себе комнату, которая закругленной стеной с двумя окнами выдвигалась во внутренний двор. Посредине окон снаружи была во весь рост икона Св. Равноапостольного Царя Константина, и неугасимая лампада на цепи висела перед ней»¹⁶. К сожалению, икона не сохранилась. На фотографии 1934 г. видно, в каком плачевном состоянии она находилась в то время¹⁷. Естественно, что при музее Ленина о сохранении ее не могло быть даже речи. Благодаря спонсорской помощи известного благотворителя Грачья Мисаковича Погосяна, в 2016 г. был решен финансовый вопрос, связанный с восстановлением этого священного образа. В ООО «Мастерская мозаики “ТАВР”» (генеральный директор О. П. Костенко) художником-монументалистом А. С. Геращенко, совместно с художниками-мозаичистами Е. Г. Андрусенко, В. Д. Овинниковым и А. А. Ведяковой была изготовлена новая

¹⁴ Гавриил Константинович, великий князь. Указ. соч. С. 265.

¹⁵ Там же. С. 7.

¹⁶ Игуменья Тамара. К столетию рождения поэта К. Р. Только в отрывочных картинках, каким я помню отца // Сборник памяти великого князя Константина Константиновича поэта К. Р. / Под редакцией А. А. Геринга. Париж, 1962. С. 52.

¹⁷ Воспроизведение фотографии см.: Трубинов Ю. Феномен имени Константин в истории Мраморного дворца. Saarbrücken, 2016. С. 93.

икона¹⁸. 23 мая 2018 г. она была доставлена в Мраморный дворец, а 25 мая иерей собора Владимирской иконы Божьей Матери о. Александр Прокофьев провел чин ее освящения. Вскоре Благотворительный фонд имени Г. М. Погосяна передал ее в дар Государственному Русскому музею, в честь 160-летия великого князя Константина Константиновича. Вскоре, 22 июня 2018 г. икона была установлена на историческом месте — в нише-киоте на закругленной в виде церковной апсиды стене пристройки в Белом дворе Мраморного дворца.

Предание гласит, что посторонним людям входить в Личную уборную великого князя категорически запрещалось, а члены семьи могли войти только с разрешения хозяина. Сохранилась фотография красного угла с иконами на стенах и размещенными под ними сувенирными пасхальными яйцами, возможно, работы Фаберже. Это помещение в начале XXI в. также вошло в экспозицию мемориального музея.

1 января 1915 г. у великого князя случился сильный сердечный приступ. Врачи настоятельно советовали переехать за город, в Павловский дворец, но сильные морозы препятствовали этому: «С тех пор я проводил дни, сидя на большом кресле в моей приемной, и никуда не ходил далее моей уборной...»¹⁹

Из мебели, находящейся в Личной уборной, следует отметить отреставрированный диван, обитый синей тканью. Это мемориальная вещь: он принадлежал великому князю и находился в его Павловской резиденции. Данный экспонат предоставлен нам на условиях временного хранения. По преданию, именно на этом диване и скончался Константин Константинович в Павловске 2 июня 1915 г. в 7 часов вечера, когда раскладывал пасьянс.

В начале XXI в. удалось открыть для посетителей еще три помещения из апартаментов великого князя: Большую гостиную, Малую гостиную в стиле Людовика XV, Малиновый будуар. Большая гостиная занимает центральное место в анфиладе покоев великого князя и его супруги. За время существования здесь фондов музея Ленина ее стены были оклеены бумажными обоями, а потолок покрыт побелкой, под которой оказался искусственный мрамор. О наличии этого материала в убранстве данного помещения упоминает и сам великий князь в 1911 г.: «Понедельн<ик>. 7 [ноября]. Наша большая гостиная в Мраморном вновь отделана под светлый мрамор»²⁰. В наши дни мрамор был отреставрирован, а пол покрыт новым паркетом,

---

¹⁸ Трубинов Ю. В. О воссоздании иконы св. Константина на фасаде покоев великого князя Константина Константиновича в Мраморном дворце. СПб., 2018. [Электронный ресурс] URL: <http://yury.trubinov.ru/works/vossozdanie-ikony-konstantina.pdf> (дата посещения: 30.07.18).

¹⁹ Дневник великого князя Константина Константиновича (К. П.) 1911–1915. С. 383.

²⁰ Там же. С. 151.

Рис. 5. Малая гостиная в стиле Людовика XV. Фото Ю. В. Трубинова. 2018 г.

набранным по рисунку прежнего. В центре гостиной установлен интерьерный фонтан в виде амура работы неизвестного скульптора середины XIX в. Убранство Большой гостиной завершают золоченая бронзовая люстра работы фабрики Феликса Шопена, также относящаяся к середине XIX в., и четыре торшера, выполненные фирмой «Рестамп», которая специализируется на реставрации осветительных приборов.

Упоминание Большой гостиной можно встретить в мемуарах князя Гавриила Константиновича: «15 ноября 1892 года родился брат Олег. Это радостное событие застало нас играющими в бильярдной; мы сейчас же <...> побежали вниз, к родителям. В большой гостиной мы застали духовника нашего отца, священника Арсения Двукраева, приехавшего дать молитву Олегу. <...> Когда мы входили в гостиную, он стоял перед большой картиной Распятия испанской школы, и внимательно ее разглядывал»²¹.

С восточной стороны к Большой гостиной примыкает Малая гостиная в стиле Людовика XV. Ее главное украшение — живописный плафон на тему «Поэзия», созданный художником Э. К. Липгартом в 1894 г. по заказу великого князя Константина Константиновича²². В ходе проведенной

²¹ Гавриил Константинович, великий князь. Указ. соч. С. 22.

²² Подробный материал об истории создания и сюжете этого плафона содержится в статье Н. Н. Веснина «Монументально-декоративная живопись и картины на религиозные сюжеты академика Э. К. Липгарта» // Памятники истории и культуры Петербурга. Исследования и материалы. Вып. 4. СПб., 1997. С. 319–334.

в 2001–2003 гг. реставрации Малой гостиной была восстановлена утраченная ткань, постелен новый дубовый паркет, отреставрированы лепка, позолота, камин и каминное зеркало, настенные позолоченные бронзовые бра работы мастерской К. Берто. Наглядное представление об убранстве этого великокняжеского интерьера с видом на северо-восточную сторону дает сохранившаяся в Научном архиве ИИМК РАН дореволюционная фотография. Наряду с живописным плафоном, большого внимания заслуживает камин: «Хорошо сохранившийся камин с таганом стоит посредине восточной стены, на том же месте, где он и обозначен на плане 1912 г. Камин, скорее всего, спроектирован и установлен был одновременно с остальным декоративным убранством интерьера, включая плафон Липгарта и большое зеркало в левой (южной) нише западной стены»²³.

На каминном замке обрамления топливника мы видим вензель из двух переплетенных букв «К» (великий князь Константин Константинович) и «Е» (великая княгиня Елизавета Маврикиевна). Вензель указывает на то, что камин был изготовлен по индивидуальному заказу, а не приобретен готовым. Аналогичные буквы «К» и «Е», являясь частью декоративной лепки, обрамляющей живописный плафон, располагаются на потолке у окон. Напротив литеры «Е» в северо-восточном углу потолка имеется декоративное убранство в виде герба Саксен-Альтенбурга (родины супруги великого князя), а напротив вензеля «К» в северо-западном углу расположен герб Константиновской ветви Дома Романовых.

Еще одно помещение музея великого князя — это Малиновый будуар. В описи 1918 г. помещение именуется «Розовой комнатой». Согласно имеющимся историческим данным, стены были оклеены обоями темно-малинового цвета с крупным рисунком. Поскольку подобрать аналогичные не удалось, в ходе реставрационных работ поверхности стен были просто выкрашены в соответствующий цвет. Над карнизом по старым фотографиям восстановлен трафаретный рисунок. Благодаря фирме «Рестамп», удалось воссоздать фарфоровую люстру.

В воспоминаниях дочери Константина Константиновича Татьяны (игуменья Тамары) есть небольшой отрывок: «В день погребения в Бозе Почившего Родителя моего, в маленькой гостиной Матушки, около ее кабинета и опочивальни в Мраморном дворце, был накрыт очень маленький стол, только на четыре персоны. <...> Обедали мы четыре вдовы — Матушка моя, тетя Оля, тетя Элла и я (королева Эллинов Ольга Константиновна и великая княгиня Елизавета Федоровна (прим. — В. А.))»²⁴. Вероятно, речь

---

²³ Трубинов Ю. В. Историко-архивные сведения о трех помещениях I этажа Миллионного корпуса... С. 11.

²⁴ Игуменья Тамара. Указ. соч. С. 67.

Рис. 6. Потомки великого князя Константина Константиновича в его кабинете (слева направо): Фиаметта Занелли, ее сын Алессандро, Николетта Фараче. Фото автора. 17 июля 1998 г.

здесь идет именно о Малиновом будуаре, который ошибочно назван «маленькой гостиной», а будуар «жакоб» возле Спальни именуется «кабинетом».

В один из июньских дней 2004 г. в Мраморный дворец вошла монахиня Спаса-Вознесенского женского монастыря, расположенного на вершине горы Елеон, недалеко от Иерусалима. Она приехала на несколько дней в Петербург и посетила мемориальный музей великого князя. Мне довелось провести для нее экскурсию по его личным апартаментам. Так я познакомился с инокиней Мариной. Ее интерес к личности Константина Константиновича оказался неслучайным. Выяснилось, что она хорошо знала игуменью Тамару, и этот визит был ее своеобразным долгом перед настоятельницей. Позже инокиня Марина прислала мне свои воспоминания о Татьяне Константиновне (игуменье Тамаре). Значительная часть полученного материала легла в основу статьи о дочери великого князя Константина Константиновича²⁵.

---

²⁵ Андреев В. Е. Игуменья Тамара. Дочь великого князя Константина Константиновича, последнего владельца Мраморного дворца // Константиновские чтения — 2010. Константиновичи и Стрельна (к 510-летию Стрельны). Сборник материалов научной конференции. СПб. — Стрельна, 2010. С. 153–172.

За 20 лет существования мемориального музея великого князя Константина Константиновича в Мраморном дворце его посетило несколько десятков тысяч человек. Летом 1998 г. народная артистка СССР Елена Образцова оставила в книге отзывов следующую запись: «Сегодня у меня большое счастье — я посетила эти маленькие комнатки К. Р. Для меня большая радость, т. к. сколько романсов П. И. Чайковского я спела на стихи К. Р.! Сколько трепета и волнения пережила здесь, узнав, что здесь ступали ноги великих людей. Спасибо работникам музея, которые столько любви, души вложили в устройство этих апартаментов. Спасибо, низкий поклон за счастье и любовь. Елена Образцова». И еще одна запись, оставленная известными артистами: «Спасибо за вдохновенный, поэтический рассказ о русском поэте К. Р., за любовь к русской культуре и истории, так хочется быть лучше, чтобы не было стыдно перед такими замечательными людьми, как хозяин этих комнат. С уважением, народные артисты РФ Л. Полякова, А. Филозов. Декабрь 2002 г.». Мемориальный музей посещают не только наши соотечественники. Записи, сделанные потомками русских эмигрантов, проникнуты любовью к своей исторической Родине — России. Так, участник XVI объединенного съезда кадетских корпусов, проходившего в августе 1998 г. в Петербурге, посетив мемориальный музей, в книге отзывов записал следующее: «Я родился и вырос в Югославии, а мои родные бабушка и дядя Николай Влад. Энглер жили после революции в Петрограде, где моя бабушка скончалась в 1929 г. А дядю сослали в Коми, где он и умер в 1934 г. Я никогда не мог думать, что доживу до возрождения России и приеду в Санкт-Петербург, чтобы принять участие в XVI съезде зарубежных кадет. Счастлив, что увидел Россию на пути возрождения и желаю всем соотечественникам трудиться на благо Родины до полного успеха. Александр Энглер. 28.08.98». И еще одна запись иностранной гостьи: «Работницы и работники творят и уже сотворили чудеса в реставрации дворца. Во всем чувствуется Божие благословение на это святое дело! Только в России есть такие люди, которые так самоотверженно вкладывают свои сердца в это подвижническое дело. Будущие поколения будут с благодарностью вспоминать всех вас, замечательных людей, верующих патриотов своей Родины. С глубоким уважением и благодарностью Ольга О. Хорват из Ванкувера. Канада. 25 июня 2000 года». Думается, что эти отзывы не нуждаются в комментариях и лучше всего свидетельствуют о роли мемориального музея в современном пространстве Мраморного дворца.

По традиции в апартаментах великого князя Константина Константиновича в Мраморном дворце в конце мая проходит награждение победителей и дипломантов Международного молодежного

поэтического конкурса «КаэРомания», посвященного поэту К. Р. Организаторами конкурса являются ФГБУК «Государственный Русский музей» и Союз писателей Санкт-Петербурга. Конкурс проводится в целях популяризации русского изобразительного искусства, литературы, истории, а также выявления и поощрения молодых талантливых поэтов, содействия их творческому росту и известности. Темы номинаций конкурса охватывают не только поэзию, а связаны с разными направлениями деятельности великого князя. В этом году данное мероприятие проводится уже в 8-й раз и посвящено 160-летию со дня рождения великого князя Константина Константиновича Романова.

Завершить статью хочется словами народного артиста СССР знаменитого балетного танцовщика Владимира Васильева, который выразил, думается, мысли каждого человека, побывавшего в этом музее: «Сегодня мне, подарили замечательный день <...> Я узнал очень интересную главу в истории нашего государства. Спасибо <...> тем людям, которые сохраняют и возвращают нам лучшие страницы нашей истории. Здоровья Вам на долгие годы. Ваш В. Васильев».

Фрейлины княгини Елены Петровны

За время жизни княгини Елены Петровны в России (1911–1918) у нее на службе состояли две фрейлины — Татьяна Юрьевна Щербачева и Любовь Владимировна Иславина, а также «состоящая при княгине» Мария Дмитриевна Палавандова (рожденная Бологовская)¹.

Князь Иоанн Константинович в 1911 г. стал первым князем императорской крови, вступившим в династический брак, и старшее поколение Константиновичей волновал вопрос, насколько высоким будет его положение в этих обстоятельствах. Великий князь Константин Константинович поручил управляющему своим двором Р. Ю. Минкельде выяснить, полагается ли двор его старшему сыну.

Не дожидаясь ответа из Министерства двора, королева Ольга Константиновна предложила княгине Елене Петровне во фрейлины Татьяну Юрьевну Щербачеву (3.02.1885–19.07.1938), которую она знала еще с тех времен, когда ее отца Юрия Николаевича Щербачева назначили российским императорским посланником в Афинах (1902–1910) и за ней ухаживал секретарь ее королевского величества М. Ю. Гаршин. К тому же, она была родственницей С. Н. Угрюмовой (1862–1946), жены капитана 1-го ранга (впоследствии адмирала), давней приятельницы королевы.

Королева Ольга Константиновна не могла не знать, что, несмотря на молодость, Татьяна Юрьевна имела неплохой опыт работы в канцелярии. По воспоминаниям современников, еще будучи совсем юной, она вместе с гувернанткой была привлечена отцом к разбору его личных писем и визитных карточек².

Старшее поколение Константиновичей предполагало, что жить Т. Ю. Щербачева может у С. Н. Угрюмовой, но отец девушки «заявил, что согласен на назначение дочери, только если у нее будет квартира во

---

¹ См.: Шевцова Г. И. Княгиня Палавандова, русская подданная // Константиновские чтения — 2015. Константиновичи — семья, традиции, деятельность на благо России. Сборник материалов научной конференции 28 октября 2015 г. СПб., 2015. С. 255–262.

² Юрий Николаевич Щербачев (24.03.1851 — октябрь 1917) // Дипломаты Российской империи. [Электронный ресурс] URL <http://www.rusdiplomats.narod.ru/xerbachev-yun.html> (дата обращения: 29.06.2018).

дворце, а это нелегко устроить. К тому же Мосолов³ сообщает из Ливадии, что до решения вопроса, будет ли у Иоанчика учрежден Двор, Щербачева может быть назначена не фрейлиной, а только “состоящей при Елене”⁴. Эта информация говорила о многом: фрейлины входили в придворный штат, а «состоящие при» оплачивались из личных средств своих нанимателей. Решение о назначении Т. Ю. Щербачевой было отложено.

1 ноября 1911 г. великий князь Константин Константинович записал в дневнике: «Минкельде узнал у Мосолова, только что вернувшегося из Крыма, что нам лучше не возбуждать вопроса об учреждении Двора у Иоанчика, так как решение, вероятно, было бы отрицательное. Таким образом, фрейлины Елене полагаться не будет. Может у нее быть состоящая при, но таковая содержания от М[инистерства] Двора не получает. Между тем, еще до свадьбы Иоанчика, граф Гендриков от имени имп[ератрицы] А[лександр]ы Ф[едоровн]ы нам заявил, что Елене, не как жене Иоанчика, а как королевской дочери, надо будет принимать дипломатов в официальной аудиенции. Стало быть, на нее налагаются известные обязанности, а права, как, напр[имер], на имение фрейлины, не даются. — А между тем Государь, правда, в частной беседе, как-то говорил моей жене, что у наших совершеннолетних детей ради престижа должны быть Двор несколько меньше нашего»⁵.

Официальное уведомление по этому поводу из канцелярии Министерства двора в Кантору двора великого князя Константина Константиновича пришло 10 января 1912 г. Оно гласило, что при князьях императорской крови могут находиться фрейлина и «состоящий при»⁶. Обе придворные должности князем Иоанном Константиновичем были переданы в подчинение жене для исполнения представительских функций.

Первое благотворительное мероприятие княгини Елены Петровны как члена Дома Романовых — рождественская елка для беднейших детей столицы — состоялось 5 января 1913 г. в манеже Мраморного дворца. 110 юных жителей столицы получили теплые вещи и праздничные подарки.

---

³ Мосолов Александр Александрович (1854–1939) — генерал-лейтенант, начальник канцелярии Министерства императорского двора (1900–1917), автор воспоминаний «При дворе последнего императора» (М., 1992 и др. изд.) (прим. Г. Ш.).

⁴ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 63. Л. 121. Опул.: Дневник великого князя Константина Константиновича (К. Р.) 1911–1915. / Отв. ред., сост., автор вступ. ст. В. М. Хрусталев. М., 2013. С. 149, 150.

⁵ Там же.

⁶ «Вторник. 10 [января 1912]. <...> Роберт слышал от Мосолова, что Высочайше утверждено положение, в силу которого у князей импер[аторской] крови (жены-ты) могут быть один “состоящий при” и фрейлина». // Дневник великого князя Константина Константиновича (К. Р.) 1911–1915. С. 158–159.

Это событие вызвало пристальное внимание августейшего семейства, славившегося своими деяниями на поприще благотворительности. Докладывая в письме великому князю Константину Константиновичу о празднике, шталмейстер Н. Н. Ермолинский отметил, что «все обошлось очень гладко», и поставил Т. Ю. Щербачеву на первое место среди помощников ее королевского высочества⁷.

С началом 1-й балканской войны (1912–1913) с разрешения великого князя Константина Константиновича княгиня Елена Петровна на привлеченные средства снарядила санитарный отряд и в сопровождении фрейлины Щербачевой 12 октября 1912 г. отправилась в Белград не только как сербская принцесса, но и как сестра милосердия. Практически «с колес» им пришлось принять участие в помощи больным и раненым сербским воинам: в Сербии ощущалась острая нехватка медицинского персонала. И. П. Табурно, один из военных корреспондентов, обойдя все сербские госпитали, отметил: «Княгине очень идет костюм сестры милосердия. Она весь день, буквально с утра до вечера, работает, как всякая другая сестра. Ее фрейлина, госпожа Щербачева, работает так же»⁸. Кроме того, Татьяна Юрьевна сопровождала княгиню Елену Петровну в ее поездках по присоединенным территориям.

20 ноября, практически перед самым отъездом княгини, в Белграде состоялось торжественное открытие лазарета Красного Креста на 50 кроватей имени города Петербурга. Оно прошло в августейшем присутствии княгини Елены Петровны, фрейлины Щербачевой, посланника Н. Г. Гартвига и других официальных лиц российского и сербского общества⁹. В Петербург они выехали 23 ноября 1912 г.

Одной из обязанностей фрейлины Щербачевой было сопровождение княгини Елены Петровны на различные публичные мероприятия. Во второй половине 1912 — начале 1913 гг. многие из них были посвящены славянской теме. Княгиня Елена Петровна посетила самые значимые из них. Например, 14 декабря 1912 г. в зале Петербургской городской думы открылся благотворительный базар в пользу больных и раненых славян и греков. Из газет того времени известно, что княгиня Елена

---

⁷ См.: Шевцова Г. И. Красные маки для княгини. Материалы к биографии княгини Елены Петровны. М., 2017. С. 178.

⁸ Табурно И. П. О сербских битвах. Впечатления очевидца войны сербов с турками 1912 г. СПб., 1913. С. 116–117.

⁹ См.: Шевцова Г. И. Красные маки для княгини... С. 513.

Петровна была там в сопровождении Татьяны Юрьевны. Их встречали сербский и болгарский посланники. Княгиня и Щербачева обошли все киоски и павильоны, сделали покупки¹⁰.

Фрейлиной Татьяна Юрьевна пробыла недолго. 25 января 1913 г. она подала прошение об увольнении в связи с предстоящим замужеством. Ее избранником стал Владимир Иванович Дмитриев (1879–1965) — старший офицер броненосного крейсера «Адмирал Макаров», августейшим шефом которого была королева Ольга Константиновна. Он окончил Морской кадетский корпус (1899) и Морскую академию (1904), участвовал в походе 2-й Тихоокеанской эскадры адмирала З. П. Рожественского, вышедшей в октябре 1904 г. на поддержку осажденного Порт-Артура.

В декабре 1908 г. В. И. Дмитриев стал одним из тех русских моряков, кто, рискуя жизнью, пришел на помощь терпящим бедствие итальянцам после разрушительного землетрясения в Мессине. Затем он служил в Морском министерстве. В 1913 г. он был назначен морским агентом для Франции, Бельгии, Испании и Португалии¹¹.

Княгиня Елена Петровна пожелала принять участие в организации этой свадьбы. Она обратилась к великому князю Константину Константиновичу и великой княгине Елизавете Маврикиевне за разрешением провести церемонию венчания в церкви Мраморного дворца.

7 февраля 1913 г. князь Иоанн Константинович принял в аудиенции отца невесты, тайного советника Ю. Н. Щербачева, а 10 февраля — ее брата, Н. Ю. Щербачева, второго секретаря императорской миссии в Бухаресте, о чем есть записи в книге посетителей¹².

Венчание Т. Ю. Щербачевой и В. И. Дмитриева состоялось 10 (23) февраля 1913 г. Некоторые подробности церемонии мы можем узнать из письма князя Георгия матери, великой княгине Елизавете Маврикиевне, написанное на следующий день: «Милая мама <...> вчера я был в Мраморном на свадьбе у фрейлины Елены. Иоанчик был в красном

Рис. 1. Татьяна Юрьевна Щербачева в форме сестры милосердия. Сербия. 1912. Публикуется впервые

¹⁰ Правительственный вестник. 1912. 15 (28) декабря. С. 3; Шевцова Г. И. Красные маки для княгини... С. 514.

¹¹ См.: Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. Дополнительный выпуск. Париж, 1973. С. 51.

¹² РГИА. Ф. 434. Оп. 1. Д. 106. Л. 18 об.

мундире¹³. Костя был шафером. Вера тоже была и, как всегда, конечно, заплакала в церкви. Потом пили шампанское и вскоре поехали домой»¹⁴.

Вскоре чета Дмитриевых уехала во Францию, к месту службы супруга Татьяны Юрьевны. Но связи с Константиновской ветвью Дома Романовых она не потеряла. Спустя полгода, будучи в Париже, князь Игорь Константинович сообщил в письме от 6 июня 1913 г. брату Олегу Константиновичу, что нанес «визит Щербачевой, т. е. теперь Дмитриевой». А когда у Татьяны Юрьевны и Владимира Ивановича 21 августа (3 сентября) 1916 г. в Лондоне появилась дочь Елена, то одним из ее крестных (заочно) стал князь Иоанн Константинович.

Должность фрейлины некоторое время оставалась вакантной. Вскоре после ухода Т. Ю. Щербачевой княгиня Елена Петровна сообщила свекрови: «Я не ищу ее преемницы, так как пока не вижу в этом необходимости»¹⁵.

Однако в августе того же года княгиня Елена Петровна поняла, что ей все-таки нужна помощница: ожидание ребенка не позволяло ей активно заниматься делами благотворительности.

Кто из окружения княгини предложил во фрейлины Любовь Владимировну Иславину (1863–?) — потомственную дворянку Тверской губернии, сестру новгородского губернатора (1913–1917) Михаила Владимировича Иславина и дипломата Льва Владимировича Иславина, — не установлено. Дети Владимира Александровича Иславина, члена совета министра земледелия и государственных имуществ, ученого-этнографа, автора книг о народах Крайнего Севера, и Юлии Михайловны Кирьяковой, они были в родстве с семьей графа Л. Н. Толстого как по отцовской, так и по материнской линии. В 1913 г. Любовь Владимировна проживала вместе с матерью-вдовой в доме брата в Великом Новгороде.

Можно предположить, что это был выбор самой Елены Петровны, которая, вероятно, знала Иславиных лично. Лев Владимирович Иславин в 1901–1904 гг. был российским императорским консулом в Риме. Это был период, когда ее королевское высочество, тогда еще сербская принцесса Елена, часто гостила у одной из младших сестер своей матери — королевы Елены, черногорской княжны.

5 сентября 1913 г. Контора двора великого князя Константина Константиновича направила Л. В. Иславиной письмо с вопросом, согласна ли она поступить к княгине Елене Петровне фрейлиной на условиях, установленных при дворе ее высочества: «Фрейлина живет на частной квартире, а

¹³ Так называемая бальная форма — мундир красного цвета с белыми лосинами и специальными белыми штиблетами (прим. Г. Ш.).

¹⁴ ГА РФ. Ф. 657. Оп. 1. Д. 125. Лл. 95–96.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 657. Оп. 1. Д. 92. Лл. 47–47 об.

от двора получает 2000 руб. в год содержания и право пользоваться экипажем, который высылается из Мраморного дворца по требованию фрейлины по телефону или как она найдет удобным. Ее королевское высочество просила добавить, что в предстоящий сезон ни приемов, ни выездов не предполагается вследствие состояния здоровья ее высочества, и присутствие Ваше в Петербурге потребуется еще очень не скоро»¹⁶.

Спустя неделю, 12 сентября 1913 г. Любовь Владимировна ответила, что «просит доложить ее королевскому высочеству, что она с великим счастьем принимает столь милостивое предложение должности фрейлины при дворе ее высочества и подчиняется тем условиям, которые предложены в письме». В Министерство императорского двора кандидатура Л. В. Иславиной «на милостивейшее утверждение его императорского величества» была представлена 15 октября¹⁷.

К своей августейшей начальнице Л. В. Иславина приехала спустя еще месяц. Великий князь Константин Константинович впервые увидел ее в Павловске 10 ноября 1913 г., о чем сделал соответствующую запись в дневнике: «После обеда за завтраком в ротонде были: <...> новая фрейлина нашей Елены [Петровны] Люб[овь] Владимир[овна] Сеславина»¹⁸.

Вскоре после начала Первой мировой войны княгиня Елена Петровна 14 сентября 1914 г. открыла в Мраморном дворце свой склад теплых вещей, где комплектовались пакеты с перевязочным материалом или подарками для действующей армии. И хотя новое учреждение княгини находилось в ведении комитета Мраморного дворца, тем не менее, Елена Петровна предпочитала действовать самостоятельно, внося лепту в общее дело.

Первоначально склад Елены Петровны занимался приемом теплых вещей и продуктов (в том числе табака, мыла, сахара и прочего) для лазарета Мраморного дворца, но с течением времени его деятельность расширилась. К ноябрю 1914 г. в нем было организовано два отделения: русское и сербское. Склад был открыт ежедневно с 14 до 18 часов. Желающим давалась работа на дом: можно было шить, кроить, изготавливать перевязочные средства. Общее руководство складом осуществляла Л. В. Иславина¹⁹.

Чтобы оценить масштаб деятельности, можно привести такой факт: период с 7 января по 24 февраля 1915 г. в сербский отдел склада поступило денежных и вещевых пожертвований на 12 825.32 руб.²⁰

---

¹⁶ РГИА. Ф. 434. Оп. 1. Д. 119. Л. 1.

¹⁷ Там же. Лл. 2, 4.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 64. Л. 159. Оpubл.: Дневник великого князя Константина Константиновича (К. Р.) 1911–1915. С. 320.

¹⁹ РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 265. Л. 37.

²⁰ РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 910. Л. 1.

Когда в Россию пришли известия об отступлении сербской армии осенью 1915 года, княгиня Елена Петровна усилила деятельность сербского отделения склада и дала распоряжение в банк перевести на текущий счет склада все имеющиеся деньги — 4194.85 руб. Право подписывать чеки было дано Л. В. Иславиной и Л. Н. Гартвиг, руководившей этим подразделением²¹. Теперь деятельность склада была направлена в основном на помощь сербским беженцам и военнопленным.

В апреле 1916 г. Любовь Владимировна серьезно заболела и была вынуждена уехать на лечение за границу. 18 апреля из конторы князя Иоанна Константиновича она получила следующее письмо за подписью управляющего: «Глубокоуважаемая Любовь Владимировна! По приказанию ее королевского высочества прилагаю при сем 600 рублей. Желаю Вам восстановить в Финляндии Ваше здоровье, оставить там навсегда всякую болезнь. Смирнов»²².

Л. В. Иславина выехала из Петербурга 30 мая 1916 г.²³ В июне, по окончании лечения, она поехала в отпуск к родным в Новгород. Когда она вернулась в Петроград, не установлено.

Предполагаем, что свои обязанности фрейлины Людмила Владимировна Иславина сложила после февраля 1917 года.

О том, как сложились судьбы Т. Ю. Дмитриевой и Л. В. Иславиной после исчезновения Российской империи, известно немного.

Дмитриевы остались жить во Франции, воспитывали троих детей: Георгия (19.01.1915–27.04.1960), Елену (21.08.1916–5.11.1941) и Марию (20.08.1918–?). В. И. Дмитриев стал видным деятелем Русского Зарубежья. Военным и морским агентом во Франции он пробыл до 1924 г.

Рис. 2. Любовь Владимировна Иславина. Фотография начала XX в. из журнала «Столица и усадьба»

²¹ РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 316. Л. 52–52 об.

²² РГИА. Ф. 434. Оп. 1. Д. 96. Л. 27 об.

²³ Там же. Л. 43.

Во время Первой мировой войны Дмитриев способствовал принятию русских моряков во французский флот, а после революции отдал все силы помощи русским морякам в беженстве и определению русской молодежи в высшие учебные заведения Европы²⁴.

Во многом благодаря его поддержке как военного и морского агента, русская эскадра в Бизерте смогла продержаться до 1924 г. В 1829–1936 гг. Владимир Иванович был председателем Всезарубежного объединения морских организаций в Париже.

Судя по дневниковым записям императрицы Марии Федоровны за разные годы, Т. Ю. Дмитриева пользовалась правом фрейлины наносить визиты членам императорской фамилии, причем она приходила как одна, так и с детьми. Сеем предположить, что в какой-то мере она поддерживала отношения и с княгиней Еленой Петровной.

Мы не располагаем данными о том, как и когда покинула Россию Любовь Владимировна Иславина, где и с кем жила. Известно только, что ее мать умерла в 1919 г. В эмиграции Л. В. Иславина жила очень скромно за счет преподавания французского языка, но в какой стране — не установлено. В 1931 г., когда умерла жена Льва Владимировича Иславина (их троюродная сестра), Любовь Владимировна переехала к брату в Баден. К этому времени он был практически без средств, но вместе жить было немного легче. Несколько писем Л. В. Иславиной к С. Н. Смирнову, секретарю княгини Елены Петровны за 1933–1935 гг., сохранившиеся в Народной библиотеке Сербии, дают некоторое представление о ее жизни в это время.

Л. В. Иславина продолжала преподавать, но с середины 1933 г. лишилась работы, к тому же в ноябре и декабре она тяжело болела (ревматизм мышц), сильно ослабла и нуждалась в серьезном лечении. 14 декабря, находясь в безвыходном положении, она написала письмо княгине Елене Петровне с просьбой о помощи. Спустя месяц Иславина получила извещение от С. Н. Смирнова, что по приказанию своей начальницы он высылает ей 300 шиллингов.

Несмотря на лечение, болезнь не отступила, Любовь Владимировна проболела всю зиму и 5 мая 1934 г. была вынуждена вновь обратиться за помощью: «Желала бы воспользоваться приглашением друзей провести у них лето в деревне, в Новой Румынии, — но увы, у меня нет средств на передвижение. Кроме того, я должна покинуть Баден... Не знаю, куда деваться, где искать кров и заработок? Не найдете ли Вы возможным оказать помощь для этой поездки, от которой зависит здоровье мое и моя будущность. Положение мое самое плачевное: часто голодаю, отчего слабею и не могу восстановить силы и здоровье. Простите

---

²⁴ См.: Ковалевский П. Е. Указ. соч. С. 51.

ради Бога за мою назойливость, но поверьте, что я нравственно очень страдаю и только нужда заставляет меня хвататься за всякую соломинку. Надеюсь, что Вы исходатайствуете у ее королевского высочества разрешения поддержать меня». От С. Н. Смирнова долго не было ответа, но в июне он написал, что ему некому задать вопрос о пособии, так как княгиня покинула Лондон и он не знает, куда ей писать.

В июле 1934 г. умер брат Любови Владимировны, что ухудшило и без того тяжелое ее положение. Брат не оставил ей никаких средств, его вещи продавались с трудом. Хозяйка виллы, где они жили, не брала плату с Иславиной, но дом был выставлен на торги, надо было срочно уезжать. Любовь Владимировна надеялась найти себе место в богадельне.

20 августа 1935 г. Л. В. Иславина в отчаянии пишет еще одно письмо С. Н. Смирнову, что в октябре должна окончательно покинуть Баден, «за гроши продала последние вещи моего брата, на которые я до сих пор существовала. Сейчас я осталась ни при чем. Мне обещали приютить меня в Вене с условием, чтобы я платила за свое содержание — и мне не к кому обратиться за помощью. Не могли бы Вы исходатайствовать у нашего начальства ежемесячное скромное пособие, чем бы вывели меня из критического положения. Простите ради Бога, что я положительно не знаю, что мне делать, и здесь я более оставаться не могу». Любовь Владимировна сокрушалась, что, преподавая французский язык, ее заработков будет не хватать. Опасения ее не были напрасными: ей было 72 года, она была больна и очень слаба.

В ответ Смирнов был вынужден написать, что финансовые дела самой княгини находятся в плачевном состоянии и она живет на средства, выделяемые ей Сербским королевским двором, а князь Всеволод Иоаннович был вынужден поступить на службу.

Как закончилась эта драматическая история, к сожалению, неизвестно, как неизвестны дальнейшая судьба Любови Владимировны Иславиной, а также дата и место ее смерти.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдеев Владимир Георгиевич

Государственный музей истории Санкт-Петербурга
Старший научный сотрудник

Аксёнова Галина Владимировна

Московский педагогический государственный университет
Профессор кафедры истории России Исторического факультета
Доктор исторических наук

Алексеева Татьяна Александровна

Государственный комплекс «Дворец конгрессов»
Методист научно-просветительского отдела
Кандидат филологических наук

Андреев Владимир Евгеньевич

Государственный Русский музей
Мраморный дворец
Старший научный сотрудник

Букштынович Наталия Михайловна

Российский государственный военно-исторический архив
Главный специалист отдела информационного обеспечения

Воронин Всеволод Евгеньевич

Московский государственный педагогический университет
Профессор кафедры истории России Исторического факультета
Доктор исторических наук

Евсеева Юлия Владимировна

Государственный музей истории Санкт-Петербурга
Старший научный сотрудник

Журавская Алла Николаевна

Государственный комплекс «Дворец конгрессов»
Методист научно-просветительского отдела

Николаева Марина Васильевна

Государственный комплекс «Дворец конгрессов»
Методист научно-просветительского отдела

Новикова Ольга Валерьевна

Государственный Русский музей
Научный сотрудник

Раздобурдина Елена Павловна

Государственный музей-заповедник «Павловск»
Заведующая научной библиотекой

Сак Ксения Васильевна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Исторический факультет
Специалист по учебно-методической работе
Кандидат исторических наук

Соколовская Ольга Владимировна

Институт славяноведения Российской академии наук
Ведущий научный сотрудник
Доктор исторических наук

Шевцова Галина Игоревна

Фонд содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности
«Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество»
Руководитель издательских и выставочных программ
Кандидат исторических наук

«Дворец конгрессов» Приглашает на экскурсии

«Возрожденный замысел великого Петра»

Осмотр парадных залов и гостиных Константиновского дворца сопровождается увлекательным рассказом об истории создания дворцово-паркового ансамбля в Стрельне, о жизни его владельцев, о трагических временах упадка и разрушения, о грандиозных восстановительных работах и о сегодняшнем дне Государственного комплекса «Дворец конгрессов».

«Век нынешний и век минувший»

Экскурсия по анфиладе парадных залов и гостиных Константиновского дворца, с посещением официальных апартаментов Президента РФ и залов для встреч в неформальной обстановке позволяет составить полное представление об истории Стрельнинского дворцово-паркового ансамбля и о его современной жизни в качестве «Дворца конгрессов».

«Шедевры Константиновского дворца»

Экскурсия знакомит с избранными, наиболее ценными произведениями русской живописи, графики и предметами декоративно-прикладного искусства XVIII–XIX вв., собранными М. Л. Ростроповичем и Г. П. Вишневской, а также главными архитектурными шедеврами Константиновского дворца — его парадными залами.

«Коллекция Константиновского дворца»

В экспозиции представлена коллекция произведений русского искусства XVIII–XX вв., собранная знаменитыми русскими музыкантами М. Л. Ростроповичем и Г. П. Вишневской: живопись и графика, фарфор и стекло, бронза и малахит, изделия народных промыслов. В октябре 2007 г. коллекция, выставленная на торги аукционного дома “Sotheby’s”, была целиком выкуплена российским бизнесменом и меценатом А. Б. Усмановым и передана в дар государству.

«Русская Версалия»

Экскурсия представляет уникальную возможность совершить прогулку по Нижнему парку Стрельны — одному из первых регулярных парков России, полюбоваться великолепными видами Константиновского дворца и панорамой Финского залива.

ДЛЯ ДЕТЕЙ

«Юнги в гостях у адмирала» 6+

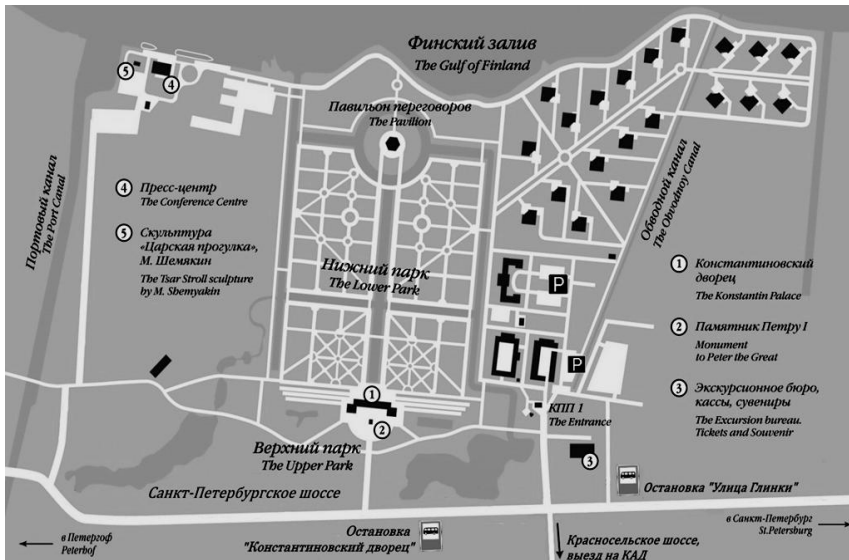
Игра для детей дошкольного и младшего школьного возраста. Малышам будет просто освоиться в пространстве дворца: экскурсия превращается в увлекательное «плавание» с заливами, бухтами и рифами. Детям предстоит проявить ловкость и смекалку, узнать много нового о российском флоте и заслужить звание юнги.

«Найди клад» 10+

Игра-экскурсия для детей среднего школьного возраста или родителей с детьми. Это путешествие по магическому пространству Константиновского дворца: мифы и загадки, головоломки, тайнопись и другие задания, а в конце — награда за знания и умение дружить.

«Тайна шедевра» 12+

Интерактивное занятие для детей старшего школьного возраста (7–9 классы). Музейные залы, где хранятся старинные картины, фарфор, серебро и другие предметы искусства, превращаются в лабиринт. Задача участников — найти «тайную комнату», где их ждет жемчужина дворцовой коллекции. Разгадавшие тайну шедевра получают призы!

КОНСТАНТИНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2018

**К 160-летию со дня рождения
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА,
поэта К. Р.
(1858–1915)**

Сборник материалов научной конференции 17 октября 2018 г.

Редакционная коллегия:

И. Л. Гоголина, Т. А. Алексеева, О. М. Гаркуша,
А. Н. Журавская, М. В. Николаева.

Редактирование и подготовка текстов:

Т. А. Алексеева, О. М. Гаркуша, М. В. Николаева.

ISBN 978-5-903977-12-3

Дизайн, компьютерная верстка и печать ООО «Победа»
Санкт-Петербург, Салтыковская дорога, дом 6А

Подписано в печать: 30.09.2018. Формат 60x88 1/16. Гарнитура Times. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ.л. 15. Тираж 250 экз. Заказ №229/18-1.